

АБУ-АЛИ АХМЕД БЕН ОМАР ИБН-ДАСТА

***Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и
Руссах Абу-Али-Ахмеда-бен Омара-Ибн-Даста, неизвестного доселе
арабского писателя начала X века по рукописи Британского музея***

(Санкт-Петербург, 1869)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Разные отрасли исторического знания, например история математики, история астрономии, или какой либо иной из индуктивных наук, для всестороннего разъяснения которых требуется и знание различных восточных языков, — донныне оставались недостаточно обработанными; потому что у большей части ориенталистов недостает специальных знаний, у специалистов же весьма редко встречается знание восточных языков. Но так как с одной стороны, на основании упомянутого обстоятельства, не следует откладывать на неопределенное время решение ученых вопросов, а с другой стороны имеющийся в литературах восточных народов материал для знакомства с историческим развитием человеческих знаний не должен оставаться без употребления: то задача филологов, знакомых с языками восточных народов, должна, между прочим, состоять в сообщении этого материала специалистам, насколько это позволяют им их сведения, специалисты - же воспользуются этими сообщениями, не относясь к филологам с той требовательностью, с которой они в праве относиться к своим собратьям специалистам.

Находясь на этой точке зрения, я приступил к разработке предлагаемого здесь нового источника для отечественной истории. Последняя до настоящего случая не составляла предмета моей научной деятельности, которая была посвящена разъяснению других вопросов. Патриотические чувства заставили меня приступить к настоящему труду, которой для меня не мог быть легок; и я, поэтому, считаю себя в праве надеяться на благосклонную снисходительность знатоков отечественной истории.

В своем труде я ограничился очищением текстов от ошибок и искажений, и присовокуплением к ним возможно - точного перевода. Вместе с тем я старался отыскать первоначальные источники и восстановить в их первобытном и настоящем виде искаженные позднейшими могометанскими историками и географами известия, давшая повод к неверным заключениям со стороны новейших

историков. На сколько мне удалось достигнуть своей цели, о том предоставляю судить нашим отечественным ориенталистам.

По - возможности я старался сличить известия могометан о народах, о которых говорят сообщаемые мною арабские источники, с известиями о них европейских писателей и объяснить одни другими. Касательно этой части моего труда прошу только о признании моей доброй воли.

Особенное внимание обратил я на известия могометанских писателей о торговых сношениях древних Руссов и других приволжских народов со среднеазиатскими странами, которые после славных побед нашего оружия получили возможность пользоваться плодами европейской цивилизацией и христианской образованности.

Кроме настоящего издания, мой труд издан еще, без арабского подлинника, в несколько сокращенном виде, в Журнале Министерства Народного Просвещения, в декабрьской книжке за 1868 год; цель моя при этом была сделать его доступным и читающей публике, интересующейся отечественною историею. Кроме арабских текстов, заимствованных, за немногими исключениями, из рукописей, в настоящем издании сделаны и другие, весьма существенные прибавления и поправки, которые, вероятно, будут встречены специалистами с удовольствием.

Автор.

Санкт-Петербург

15 января 1869 г.

Текст воспроизведен по изданию: Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб. 1869

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемые здесь известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Русских я нашел во время моего пребывания в Лондоне, летом 1866 года, в арабской рукописи Британского музея (add. № 23,378), принадлежащей к столь богатому восточными рукописями собранию Тэлора (Taylor-Collection). Эта рукопись содержит в себе седьмую часть большого сочинения, которое, кажется, есть ничто в роде историко-географической энциклопедии. Заглавие этого сочинения (***) Китаб эль-А'лак эн-Нафиса, т. е., «Книга драгоценных драгоценностей»; автором же называют (***) Абу-Али Ахмед бен-Омар Ибн-Даста ¹. Ни книга, ни автор её не были известны до сих пор.

Рукопись эта, сколько я знаю, есть единственная; сочинение, в ней заключающееся, не упоминается ни в одном каталоге восточных рукописей, хранящихся в европейских библиотеках, ни в каталогах восточных библиотек, изданных профессором Флюгелем. Арабские библиографы, как-то: [2] эн-Недим, автор книги Фихрист эль-Улум ², и Хаджи Халфа, не знают этого сочинения. Равным образом и автор его, Ибн-Даста, вполне не известен, и я могу утверждать с некоторою достоверностью, что о нем не упоминается ни в одном из более или менее известных арабских сочинений. Книга же его, подобно многим другим древним, объемистым арабским сочинениям, по-видимому, была забыта в течении веков, так что почти ни один арабский писатель не знал и, сколько мне известно, не цитировал её. Один только арабский географ, эль-Бекри, писавший во второй половине XI века, по всей вероятности, знал это сочинение, так как у него мы находим почти буквальные извлечения из Ибн-Даста. Позднейшие писатели, например, Абульфедда и др., пользовались уже сочинением эль-Бекри, что можно и доказать, по крайней мере, отчасти. Якут также не знал об Ибн-Даста, хотя он сообщает одно известие о Русских, которое мы находим почти буквально у последнего; но Якут приводит это известие не от имени Ибн-Даста, а от имени Мукаддеси; тут ошибся или сам Якут, или же его источник, как это доказывается ниже. Другое

известие Ибн-Даста, касательно названия Савада (южной Месопотамии) именован (***)³, Дил Иран-шехр, приводит также Якут, но не от имени Ибн-Даста, а от имени малоизвестного писателя Язид бен-Омар эль-Фареси, который кажется, в своем сочинении подробно трактует о Саваде ³.

К счастью, мы находим в самом сочинении Ибн-Даста два точных указания на время его жизни и несколько намеков на его родину. Далее мы видим из его сочинения, что он был человеком многосторонней образованности. Он описывает [3] подробно Мекку и Медину и храмы, находящиеся в них. Эти описания так подробны, что могли быть сделаны только очевидцем. Описывая храм в Медине, сообщает (лист 83, а) надпись, которую он видел (так говорит он) во время пилигримства 290-го года (= 903 г.) ⁴. В другом месте (л. 85, b) он говорит, что эта мечеть имела двадцать две ворот и продолжает: «Мы сосчитали их во время пилигримства 290-го года» ⁵. Следовательно, Ибн-Даста совершил свое пилигримство в святые места мусульман в 903 г. и, стало быть, не мог писать свое сочинение позже первых десятилетий X века. И действительно, Ибн-Даста приводит арабских писателей только IX века, как, например, Философа и астронома Ахмед Ибн-эт-Таййба ⁶, астрономов Аль-Фаргани ⁷, Абу-Машара ⁸, Абу-Джафар Мухаммед Ибн-Муса Ибн-Шакира ⁹, старшего своего современника, географа Ибн-Хордадбэха и других писателей IX века. Но мы попытаемся еще точнее определить время составления книги Ибн-Даста.

Масуди, писавший около двадцати двух лет после Ибн-Фодлана, по-видимому, знает сочиненные около 922 года известия его, хотя и не придерживается их исключительно. Географ Абу-Зейд эль-Балхи, писавший приблизительно [4] тридцатью годами ¹⁰ позже Ибн-Фодлана, буквально списывал некоторые его известия. Следовательно, последние стали известны мусульманам довольно рано (что, впрочем, именно и говорит Якут ¹¹), не смотря на то, Ибн-Даста не знает их. Из этого обстоятельства можно, кажется, заключить, что он писал или раньше Ибн-Фодлана, или же немногим позже его. По нашему же мнению, Ибн-Даста писал именно не позже 913 года. Известно, что около 913 года Русские совершили набег на южное побережье Каспийского моря, произвели здесь страшные опустошения и

распространяли страх и ужас. Масуди говорит ¹² подробно об этой экспедиции и замечает, что она всем известна. Ибн-Даста, который, как доказывается ниже, по всей вероятности жил в государстве Саманидов, то есть, близко к месту вышеупомянутой общеизвестной экспедиции, и который подробно говорить о Русских, ни слова не сказал об этом их набеге. Из этого обстоятельства можно заключить, что набег 913 г. был произведен уже после того, как Ибн-Даста написал свою книгу. Если далее принять в соображение, что уже Ибн-Хаукал ¹³ а немногим позже и Мукадесси ¹⁴, знают о походе Русских против Болгар и [5] Хозар в 968 году, при Святославе, и часто говорят о нем, — тогда как эта экспедиция не имела даже непосредственных последствий для стран, подвластных Саманидам, — то совершенное молчание Ибн-Даста о набеге Русских 913 года, набеге, гораздо более чувствительном для северных стран государства Саманидов, несомненно служит важным доказательством того, что он писал раньше времени этого набега. Но против этого предположения можно было бы привести известие Ибн-Даста о Болгарах, что большая часть их исповедует ислам, что они имеют мечети, муэдзинов и молельщиков, и, наконец, что царь их, Алмус или Алмуш, также исповедует ислам ¹⁵, тогда как Масуди именно утверждает ¹⁶, что Болгаре приняли ислам только после 310 (то есть, 922) года. Но это известие Масуди противоречит другому известию его же и основывается на ошибке: он сам рассказывает ¹⁷, что многие из Русских, при возвращении из упомянутой экспедиции, когда они дошли до земли «мусульманских Болгар» ¹⁸ были убиты сими последними, желавшими — так видно из связи его рассказа — отомстить Русским за убиение и ограбление своих единоверцев на южном берегу Каспийского моря. Из этого видно, что уже около 913 года между Болгарами было много мусульман. Вышеупомянутое же известие Масуди о времени обращения Болгар в ислам объясняется просто недоразумением: известен рассказ Ибн-Фодлана о том, что Алмус, царь Болгар, письменно обратился к халифу Муктадир-Биллаху с просьбою прислать к нему людей «для наставления в религии и в священных [6] обрядах ислама, для построения мечети и мембара (то есть, кафедры), с которой он мог бы приглашать народ всего государства своего к поклонению Богу». Халиф согласился и отправил к нему посольство,

при котором находился и Ибн-Фодлан, написавший по возвращении подробный отчет о своем путешествии. Из вышеприведенных слов Ибн-Фодлана многие, вероятно, в том числе и Масуди, заключили, что царь Алмус и Болгары приняли ислам только вследствие этого посольства, то есть, в 310 (922) году. Но прочитавший весь отчет Ибн-Фодлана увидит из него, что царь Алмус был мусульманином уже за долго до прибытия этого посольства. Ибн-Фодлан рассказывает, между прочим, что он (то есть, Ибн-Фодлан) прочел письмо халифа, а также и визиря, к царю Алмусу, который, стоя, выслушал его [19](#). О переводчике тут нет речи, а Ибн-Фодлан, описывая самые незначительные обстоятельства этой торжественной аудиенции, не преминул бы сообщить о присутствии такового. Едва ли подлежит сомнению, что эти письма были писаны на арабском языке, ибо корреспонденция халифа велась на этом языке; притом же самому Ибн-Фодлану было бы трудно прочесть письма, написанные на языках болгарском или турецком. Поэтому должно думать, что царь Алмус был уже столько времени могометанином, что мог научиться арабскому языку и понимать письма, прочитываемый пред ним на арабском языке. Кроме того, Ибн-Фодлан сообщает, какова была у Болгар до прибытия его форма употребляемого у мусульман поминовения государя в молитвах (хутба). Равным образом Ибн-Фодлан находил в Болгарской земле муэдзинов, и из разговора его с [7] мусульманским портным царя явствует, что молитвы, предписываемые исламом, были употребительны у Болгар и до его прибытия [20](#).

Что же касается до обращения Болгар и до упомянутого Посольства, то дело было, по-видимому, вот как: Из рассказа Ибн-Фодлана ясно [21](#), что отец царя Алмуса был еще язычником. Сам же Алмус был обращен в ислам мусульманами, которые уже находились в Болгарии за долгое время до прибытия посольства; вместе с ним более или менее значительная часть подданных его приняла ислам. Но спустя некоторое время после того, царь почувствовал потребность в более близком знакомстве со сложными религиозными обрядами ислама и вследствие того обратился к халифу с просьбою прислать к нему ученых богословов [22](#); притом он не забыл изъявить желание, чтобы халиф прислал к нему и архитекторов для построения крепостей; в этом, может быть, и заключалась главная цель его посольства к халифу. Людей же, способных строить мечети, он

требовал, вероятно, потому, что его мечети были равного достоинства с его жилищами, [8] то есть, просто войлочный юрты ²³. Неизвестно, за сколько лет до отправления посольства к халифу царь Алмус принял ислам. Якут говорит, что это было при халифе Муктадир-Биллах (908 — 932 гг.), значит не раньше 909 года ²⁴. Но это известие выписано из вышеприведенного места Масуди, как видно из статьи (***) , Боргар, у Якута ²⁵, и не подтверждается известиями самого Ибн-Фодлана. У него мы находили заметку, что царь в 922 году был уже дородным, что указывает на человека лет от 30 до 40, и далее, что у него тогда было уже несколько детей ²⁶. Один из его сыновей совершил — так рассказывает Масуди ²⁷ — еще при упомянутом халифе, следовательно, до 932 года, путешествие в Мекку, во время которого он и посетил Багдад. Сын этот, следовательно, был тогда уже взрослым. Все эти обстоятельства подтверждают предположение, что в 922 году царь Алмус был уже немолодым человеком, а потому очень может быть, что он был мусульманином уже за десять или пятнадцать лет до того времени, и что Ибн-Даста знал о том уже около 912 года.

Нет сомнения, что Ибн-Даста был родом Персиянин, [9] как и видно по его имени ²⁸. Далее нам кажется, что он жил в одной из северных областей Персии, может быть, в Хорасане или Ховарезме. Он говорит, что Мадьяры жили между двумя реками, из которых одна равной величины с Джейгуном (Аму-Дарьей) (см. ниже гл. IV, § 2, стр. 26). Далее Ибн-Даста описывая разные реки, говорит подробно только о притоках реки Джейгуна, между тем как он о притоках других рек не упоминает. Следовательно, он, вероятно, хорошо знал эту реки и, кажется, предполагать знакомство с нею ближайших читателей своей книги. Если предположение, что Ибн-Даста жил в земле Саманидов может считаться верным, то, стало быть, он без труда собрал достоверные известия о народах приволжских и их ближайших соседях, по той причине, что торговые сношения жителей государства Саманидов с упомянутыми выше народами достигали высшей степени развитая именно во время Ибн-Даста.

Подробное описание рукописи, которая содержит в себе сочинение Ибн-Даста, находится во втором томе каталога арабских рукописей британского музея, № 1310, стр. 604 и след.; но так как этот том еще не издан (хотя и напечатан), то я сообщаю здесь это описание в сокращенном виде, при чем кое-что прибавляю от себя.

Рукопись эта писана на бумаге, в четвертую долю малого листа, состоит из 260 листов и, по мнению доктора Ріе, автора каталога, принадлежит XIV веку. Я же с своей стороны [10] полагаю, что она моложе и писана в XV или даже XVI веке. Почерк приближается к та'лику (то есть, почерку, употребительному между Персианами). Переписчиком рукописи, по моему мнению, был также Персианин, не всегда понимавший то, что он писал, и вследствие того писавший очень ошибочно, так что поправки текста, сделанный мною (надеюсь, что они верны) стоили мне много труда.

Рукопись по содержанию разделяется на две части, из которых первая и более значительная (листы 1 — 217) содержит в себе много географических, топографических и этнографических сведений, но без плана и без определенного порядка; вторая часть имеет историческое содержание и включает в себе, отрывочные исторические известия, также без плана и порядка.

Седьмой том сочинения Ибн-Даста, о котором здесь идет речь, начинается некоторыми довольно подробными рассуждениями, составляющими ничто вроде физической географии (листы 1 — 23,b) [29](#). Потом мы находим несколько слов о Мекке. (лл. 24,a — 26,a) [30](#) и вслед за тем очень подробное описание каабы (лл. 26,a — 64,b). Лл. 66,a — 88,b содержит в себе подробное описание Медины и знаменитого тамошнего мусульманская храма. Листы 90,a — 95,a: рассуждение автора о [11] чудесах мира и о свойствах стран. На л. 96,a автор говорит о различных мнениях приверженцев различных религий касательно формы земли. Лл. 97,b-103,b: описание Индейского, Персидского, Китайского и Средиземного морей, Океана, и моря Черного, — которое автор верно называет Понтусом, (***) , а не Нейтесом, (***) , как оно называется обыкновенно Арабами — , и Каспийского [31](#). Лл. 104,a — 111,a: описание 26-ти рек, как-то: Ганга, Инда, Аракса, Кура, Аму-Дарьи и её притоков, общих рек Заб, Хабура, Эвфрата и Тигра, Иордана, Нила и т.д. [32](#). Замечательно, что большая часть описываемых здесь рек находится в Персии и смежных с нею стран. Лл. 111 ,b — 159,b: описание различных стран и городов, при чем сперва говорится в общих чертах о семи климатах и о живущих в них; описываемые страны и города суть следующие по порядку: Иран-шехр и Савад, т. е. Персия и Вавилония вообще, затем описывается Хорасан, Сиджистан, Керман, Фарс, Ахваз, Джебал (то есть,

Курдистан), Ирак, Адзербейджан, Армения, Маусиль, северная Месопотамия, Сирия, Суристан (южная Месопотамия), Багдад, Сана'а в Емене, Саба в Хадрамауте (там же) и Египет. Константинополь описывается довольно подробно на лл. 138,а — 142,а ³³ по рассказу Араба, жившего в Константинополи в плену; между прочим, описывается (лл. 143,а — 147,а) процессия императора в главную церковь, вероятно, Софийский [12] собор ³⁴; затем говорится о дороге из Константинополя в Рим, и описывается Рим (лл. 147,а — 152,б) и Индия (лл. 153,а — 159,б). На лл. 160,а — 166,б находятся места, сообщаемый ниже, о Хозарах и т. д.; на л. 168,а говорится о Серире, на л. 169,а об Аланах кавказских. Лл. 169,б — 172,б занимает известный рассказ Салам эт-Тарджемана о путешествии, совершенном им к народам Яджудж и Маджудж, по Ибн-Хордадбэху. Лл. 173,а — 174,б: описание Табаристана и лл. 175,а — 187,б: описание города и области Исфахана. Лл. 188,а — 217,б маршруты, ведущие из разных мусульманских стран, как-то: маршрут из Багдада в Хорасан, и другие страны; из Рея в Нейсабур, оттуда в Тус и Герат, оттуда в Керман и Сиджистан; из Багдада, Медины, Бассры, Бахрейна и Египта в Мекку и т. д. ³⁵. Потом [13] до конца тома, как выше сказано, историческая смесь, как-то: О тех из древних, которые что-либо изобрели или ввели в употреблении и нашли себе подражателей, например, Нассар бен Али эль-Лайтси, который первый употреблял диакритические точки в рукописях Корана; далее имена тех людей живших до ислама или со времени его введения, которые походили на Мухаммеда или носили имя его. Далее говорится о семействах: Мухаллеб Ибн-Аби-Суфра, Халид бен Сафван, эль-Джахм бен Бадр бен Джахм бен Масуд, Абу-Долаф и проч.; о благородных и знатных, имевших те же прозвища; о тех, которые были известны по прозвищам; о благородных имевших христианских матерей; о религиях Арабов до ислама и об основателях ересей со времени его введения и т. д.

Нигде не сказано, какого объема было все сочинение Ибн-Даста, и в нашем томе нет намеков на содержание остальных частей сочинения.

Предлагаемые здесь известия Ибн-Даста о вышеупомянутых народах отчасти согласуются с обнародованными до сих пор известиями других мусульманских писателей, но вместе с тем содержат в себе и очень много нового, чего нет у других мусульманских писателей, которым, как выше сказано, Ибн-Даста был

почти вовсе неизвестен. Известия его отличаются простотою, трезвостью взгляда и достоверностью; по крайней мере, на сколько мы можем поварить их по сообщениям европейских писателей, они большею части верны, что нам дает право верить и тем его показаниям, проверка которых невозможна.

До сего времени я работал на другом научном поле, и история и этнография народов о которых говорит Ибн-Даста в приводимых отрывках, были мне мало знакомы. Я по возможности старался изучить эту малоизвестную мне область науки, чтобы верно понять показания Ибн-Даста, что отчасти было бы и невозможно без подобной подготовки, Может быть, мне и удалось в моем комментарии привести несколько верных [14] объяснений; полное же толкование и оценку известий Ибн-Даста я предоставляю специалистам, которым надеюсь оказать некоторую услугу обнаружением этого нового и, по моему мнению, важного исторического источника.

Комментарии

1. Произношение этого имени не совсем определено — Ибн-Даста или Ибн-Дуста. См. об этом ниже стр. 9. примечание 28.

2. Профессор Флюгель письменно уверял меня, что это сочинение не упоминается в Фихрист эль-Улум.

3. См. Географический словарь Якута, edit. Wuestenfeld, ч., I, стр. IV, s.v. (***) и ч., III, стр. IV, s.v. (***)

4. (***)

5. (***)

6. Умер в г. 287 = 898. Ибн-Даста цитирует его сочинение под заглавием: (***)

7. Жил во время халифа эль-Мамуна. Ибн-Даста цитирует его сочинение: (***)

8. Умер в г. 272 = 885. Ибн-Даста цитирует его сочинение: (***)

9. Умер в г. 259 = 873 г.

10. Время когда эль-Балхи сочинил свою географию не известно; также и год его смерти не вполне известен; ибо Хаджи Халфа говорит в одном месте (II, стр. 23, № 1661, и стр. 623, № 4193), что он умер в г. 340 = 951; в другом же месте (V, стр. 119, № 10328) говорить, что он умер после 322 = 934.

11. См. Географический словарь Якута, I, стр. 113, где сказано: (***)

12. Les prairies d'or , II стр. 18 и след.; ср. I, стр. 274 и след.

13. У Френа: Ibn Fozlan стр. 64 — 66.

14. Ms. Sprenger в Берлине, № 5,а, стр. 172, где он говорит о столице Хазар Итил, и замечает: (***) , т.е. «Далее я слышал, что войска из Румийцев, которых называют Русь, сделало набег против них и завоевало их землю».

15. См. ниже, III, §§ 1 и 4, стр. 22 и след.

16. Там же, II, стр. 16.

17. Там же, II, стр. 23.

18. (***)

19. Не царь Алмус, но Ибн-Фодман сам прочел письмо халифа и визиря. В Френовом издании известий Ибн-Фодлана текст гласит: (***) . В издании же Вюстенфельда (I, стр. ***) это место гласит: (***)

20. См. Fraehn: Die aeltesten arabischen Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fozlan's Reiseberichten (в Mem. De l'acad imp. de St. Petersb VI-eme serie, science. polit., hist. Et philol., I, стр. 555 и след. 557, 560, 561, 566, 570 и след.).

21. См. Fraehn, там же, стр. 558 и 570.

22. И в смежной с Болгарией Хазарии, как у Христиан, так у Евреев, мы находим подобное же желание получить наставления в религии от иноземных ученых, хотя и те, и другие уже давно приняли религию, наставления в которой они желают. Так в житии св. Кирилла говорится, что хазарские христиане отправили послов к императору Михаилу с просьбою прислать к ним ученых, «qui eos fidem catholicam veraticer edocerent» (см. Schloezer, Нестор, III, стр. 154). Подобным образом поступали и обращенные в иудейство Хозаре. Уже в тридцатых годах VIII века царь хазарский, Булан, принял еврейскую религию; но только один из его преемников счел необходимым обратиться к настоятелям еврейских школ в Вавилонии с просьбою прислать ему ученых Евреев. Царь этот вообще старался привлекать в свое государство ученых Евреев для объяснения ему источников еврейской религии и для наставления в религиозных её догматах. И в этом случае многие писатели принимали эти старания хазарского царя за доказательство недавнего обращения его. Ср. мое сочинение: «Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма», стр. 152 и след. (стр. 102 и след. немецкого издания), и Graetz, Geschichte der Juden, V, стр. 214 и след.

23. Fraehn, там же, стр. 538 и след. 556 и след. 568 и след.

24. См. Fraehn, там же, стр. 554, 565 и след.

25. Ed. Wuestenfeld, стр. оЧл.

26. Fraehn, там же, стр. 557 и 569.

27. Там же, II, стр. 16

28. Произношение и этимология его имени не совсем определены.

Доктор Riee (Rieu), автор второй части каталога арабских рукописей британского музея, пишет его Ibn-Dustan и полагает (так он мне писал), что это имя есть сокращение персидского слова (***) , dustah и значит «друзжок». Академик Б. Дорн и профессор А. К. Казем-Бек считают невозможным такое сокращение (***) , dustah, в (***) dustah, и думают, что необходимо произносить это имя Даста. Слово (***) , даста, имеет множество значений, который можно узнать из персидских словарей.

29. Вот заглавия: лист 1, а: (***)

Лист 10, b: (***)

Лист 12, а: (***)

Лист 13, b: (***)

Лист 16, b: (***)

Лист 23, а: (***)

30. Вот заглавие: (***)

31. ***

32. Порядок описания рек следующий: (***) — (читай: (***) (***) (ч. (***) (***)

33. ***

34. (***)

35. Порядок описанных маршрутов следующий: (***)

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Хозаре

¹.

§ 1.

От земли Печенегов до земли Хозар десять дней пути по степным и лесистым местам. Торного пути или больших дорог нет, впрочем, между помянутыми землями, а [16] пробираются из страны Печенежской до самой земли Хозарской, как сказано, лесистыми и болотистыми местами ². Хозарская же земля — страна обширная, одною стороною прилегающая к великим горам, тем самым, в отдаленнейших окраинах которых живут Тулас и Лугар, и которые простираются до Тифлисской страны ³.

§ 2.

Царь у них прозывается Иша; верховный же государь у них — Хозар-Хакан. Но этот последит только до имени государь, действительная же власть принадлежит Иша, так как он относительно дел управления и распоряжения войсками, занимает положение такого рода, что не дает отчета ни кому, кто бы стоял выше его ⁴. [17]

§ 3.

Верховный глава их исповедует виеру еврейскую; той же веры равным образом как Иша, так военноподначальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же Хозары исповедуют религию, сходную с религией Турок ⁷.

§ 4.

Главным городом у них Сарашен, рядом с которым лежит другой город, по имени Хаб-Нела (Hab-Nela') или Хабнела ⁸. Зимую местное население и живет в этих двух городах; с наступлением же весны выходит из них в степь, где и остается до приближения зимы ⁹. В обоих этих городах живут мусульмане, имея мечети, имамов, муэдзинов и начальные училища ¹⁰. [18]

§ 5.

Царь их, Иша, возложил на зажиточных и богатых из них обязанность поставлять всадников, сколько могут они по количеству

имущества своего и по успешности промыслов своих ¹¹. Они (т. е. Хозаре) ходят ежегодно войною против Печенегов ¹².

§ 6.

Иша этот сам распоряжается получаемыми податями, и в походы свои ходит со своими войсками. Воины его красивы собою ¹³. Когда войска эти выступают куда бы то ни было, то выступают в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони ¹⁴.

Конное царское войско состоит из 10,000 всадников ¹⁵, как обязанных постоянной службой, находящихся на жаловании у царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности ¹⁶. [19]

§ 7.

Когда Иша, выступает куда-нибудь, устраивается пред ним род зонтика ¹⁷, в виде бубна, который везется всадником впереди его. За этим всадником идет сам Иша, а войска, его следуют за ним, никогда не выпуская из виду блеску того зонтика.

Когда добудут добычу, то собирают ее всю в лагерь; тогда Иша выбирает что ему нравится, и берет себе; остальную же часть добычи предоставляет воинам разделить между собою.

Комментарии

§ 1.

¹ Все вообще сведения Арабов о стране и внутреннем положении Хозар, кажется, заимствованы из четырех главных источников. Первый из них — Ибн-Даста; его сведениями, сколько мне известно, воспользовался только один из Арабов, географ эль-Бекри, но и то в весьма сокращенном виде (См. Defremery, *Fragments de Geographes et hist. Arabes et Persans inedits relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie meridionale*, Paris, 1849, стр. 10 и след. и стр. 16 и след.). Это же сочинение служило источником автору «Бахджаэт-Таварих», Шукр-аллах бен Шихаб Ахмеду, от которого в свою очередь заимствовали два турецких писателя, именно Мухаммед эль-Катиб, автор «Джами-эт-Таварих», и Хаджи Халфа в «Джихан-Нума» (См. Hammer, *Sur les origines Russes*, St.-Peters., стр. 46 и след., 64, 71, 107, 123 и 130.).

Второй источник суть сведения о Хозарах Ибн-Фодлана, который, во время вышеупомянутого своего путешествия к Болгарам, проехал

через страну Хозар и, кажется, пробыл несколько времени в ее столице. Некоторые из его сведений буквально сообщает географ Абу-Зейд эль-Балхи в своем сочинении (***) , «Ашкал-эл-Белад» (Ms. Sprenger в Берлине, № 1, а). Эль-Балхи же пользовался, кроме Ибн-Фодлана, еще другим источником об Хозарах; ибо у него мы находим разные известия о них, которых нет у Ибн-Фодлана. Может быть, он заимствовал их из устных показаний путешественников. Вероятнее, же, по моему мнению, что эти известия об Хозарах принадлежат эль-Джейхани, писавшему в начале X века, так как этот географ, между прочим, писал, кажется, и о Хозарах. Это мы выводим из следующего обстоятельства: Эль-Джейхани, как известно, автор большого географического сочинения под заглавием (***) , т.е. «Книга дорог к познанию государств» (См. Reinaud, Geogr. d'Aboulfeda, ч. I, Introduction, стр. LXIII и след.; ср. Хаджи Халфа, ч. I, стр. 510, № . 11872.), которое однако же до нас не дошло. Другой географ первой половины 10 века, Абу-Бекр Ахмед бен Мухаммед Ибн-эль-Факих эль-Хамадани, сочинил извлечение из этого сочинения, под заглавием: (***) , «книга стран» (Reinaud, там же, стр. LXIV, и ч. II, стр. 101, примеч. 2; ср. Хаджи Халфа, там же.), которое также до нас не дошло. Но дошло до нас извлечение из этого сочинения Ибн-Факиха, сделанное Али бен Джафар Ибн-Ахмед эш-Шарзи (Sprenger, Die Post- und Reiserouten des Orients, erg. XIII и след. в «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes» — немецкого общества ориенталистов, том III, № 3.), под заглавием (***) и рукопись его находится в Берлине (Ms. Sprenger № 2, а). В этой рукописи находится (стр. 68) длинное оглавление, где между прочем сказано, что здесь речь идет и об истории Хозар. В главе же следующей за этим заглавием мы не находим ни слова об этом народе и вообще ни десятой части того, что обещает оглавление. Ясно, что автор этого извлечения сообщил полное оглавление своего подлинника, забывая, однако же, сообщать в следующей за ним главе то, о чем говорится в ее заглавии. В подлиннике его, которой, как выше замечено, содержал только извлечение из географа эль-Джейхани, находились очевидно подробные известия о Хозарах, автором которых должен быть сам эль-Джейхани. Мы впрочем, и из других источников знаем, что эль-Балхи пользовался сочинением Ибн-эль-Факиха. Итак, мы считаем эль-Джейхани был третьим источником для истории Хозар.

Позднейшие же географы, как, например, Истахри, Ибн-Хаукал, Эдриси, Абульфедда, заимствовали свои известия отчасти посредственно, отчасти непосредственно, у эль-Балхи, географией которого, еще неизданную, я воспользовался в настоящем моем труде.

Как четвертый источник, может нам служить Масуди, который в своем сочинении (***) «Ахбар эз-Земан», подробно трактует о Хозарах и обращении их в иудейство. Короче говорит он о них в своем сочинении (***) «Морудж эдз-Дзахаб» (II, стр. 7 и след.) (В парижском издании этих известий Масуди необходимо поправить извращающую смысл ошибку, как в тексте, так и в переводе, именно, на стр. 7, 8, 20 и 23 должно читать (***) «Итиль» вместо (***) «Амоль». Итиль был столицею Хозар и находился почти на том месте, где нынешняя Астрахань; Амоль же напротив находится в Табаристане. Еще на одну поправку, как в тексте, так и в переводе этого же сочинения, на странице 8, я указал в упомянутом моем сочинении: «Восемнадцать еврейских надгробных надписей» и проч., стр. 151 и след., стр. 101 немецкого издания.). Более подробными сведениями Масуди воспользовались, кажется, эль-Бекри и Ибн эль-Атсир (См. Fraehn, *Veteres memoriae Chazarorum etc.* В *Mem. de l'Academie Imp. des sciences de St.-Petersb.*, t. VIII, стр. 597 и след., примеч. 31, и Defremery, там же, стр. 10 и след. и стр. 18.). — Само собою, разумеется, что мы обратили внимание и ссылались только на первостепенные источники, а на второстепенные указывали только в том случае, когда они представляли нам какое-либо важные варианты. Поэтому, не должно быть удивительно, что мы чаще не приводим Эдриси, Абульфеды и др.

Арабы весьма рано вступили в сношения с Хозарами; после завоевания Кавказских земель Арабами и введения там магометанства при их посредстве, оба эти народа были почти соседями между собою, так что магометанские наместники на Кавказе часто находились в мирных сношениях с Хозарами (См. Беладзори, «Китаб футух эль-Болдан», стр. 193 и след., Ибн-Хордадбех, в *Jurnal. Asiat.* VI, ч. 5, 4865, стр. 99 и 490, и в особенности Дорн, *Nachrichten iiber die Chasaren*, в *Mem. de l'Academie des sciences etc.*, St.-Petersb., 1844, где автор воспользовался преимущественно сочинением Табари). Впрочем известно, что, начиная с половины VIII века до начала XI, между северными провинциями калифата и землею Хозар были весьма

оживленные торговые сношения. Таким образом, Арабы могли иметь точные и достоверные сведения о Хозарах.

О качестве и положении страны Хозар мы находим у эль-Балхи (Ms. Sprenger в Берлине № 1, а, лист 4,а: (***) ; ср. Истахри, там же, стр. 3 (2), и Geogr. d'Aboul-fedā, trad. стр. 297.) следующую заметку: «Хозар, говорит он, имя народа; страна же называется «Итиль», по реке протекающей ею и впадающей в Каспийское море. Эта страна имеет мало городов, нет в ней богатств и лежит она между Каспийским морем. Сериром, Русами и Гузами» (команами).

Мукаддеси (Ms. Sprenger в Берлине, № 56, а, стр. 169) говорит следующее о стране Хозар. «Она, говорит он, лежит по ту сторону Каспийского моря, очень обширна, но суха и неплодородна; Много в ней овец, меду и Евреев. На границе этой страны находится стена Яджуджа и Маджуджа и она смежна с странами византийского государства. Две реки в этой стране — впадающие в Каспийское море, на берегах которых находятся самые большие города их. На границе страны, к Джорджану, лежит гора.... Столица их называется Итилем. К городам этой страны принадлежат и Булгар, Семендер, Сивар... Хамлидж, Беленджер и Бейда».

Видно, что Мукаддеси здесь причисляет к Хозарскому государству и города, которые только платили дань Хозарам, как Болгар и Сивар (ср. ниже). О Беленджере мы поговорим ниже. — В одном стихотворении Бохтари, в котором поэт хвалит Хозара, вероятно принявшего ислам, по имени Исхак бен Кондаджиф (***) , встречается имя Хамлидж, по другому чтению Бейда (Ср. Якута, I, стр. 17 и след. и II, стр. s.v.(***)). Последний город, упоминаемый и у Эдриси (II, 320), имя которого по-арабски значит «Белая», может быть один и тот же с хозарским городом Саркел на Доне; ибо Саркел по Константину Багрянородному первый, (de administr. гл. 42, стр. 177, ed. Von) значит (***) и следовательно то же что русская «Белая Вежа» (Ср. мое сочинение: «Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма», стр. 34, прим. 2 (стр. 29 прим. 2. нем. изд.). Между именами городов хозарских приведенных у Мукаддеси находятся два (***) или (***) и (***) , которых я не могу разобрать. Последнее имя может быть искажение (***) , Саксин, большого города Хозар, лежавшего, по моему мнению, на Урале, о котором мы поговорим ниже; ибо Мукаддеси говорит, что самые большие города Хозар лежали на обеих

впадающих в Каспийское море реках, т.е. на Волге и Урале, и так как он не упоминает о городе Саксине, лежащем на последней реке, то я полагаю, что (***) только искажение этого имени.

2. Ибн-Дада определяет здесь, а также в некоторых других местах, положение земель описанных им народов по меньшей или большей их отдаленности от страны Печенегов. Так и здесь определено расстояние земли Хозар от земли Печенегов в десять дней пути, (считая по 35 верст, получим всего 350 верст) (Ср. Fraehn, Ibn Fozlan, стр. 155, примеч). Страна, лежащая между этими обеими землями, представлена как непроходимый лес и болотистое место. Ниже (гл. IV, § 1 стр. 25) сказано, что между землями Печенегов и болгарского племени Эсегель (вероятно, Секли или Секлеры) лежит одна из населенных Мадырами областей. В другом месте (гл. V, § 1, стр. 28) значит, что расстояние между землями Печенегов и Славян простирается на десять дней пути, что составляешь около 350 верст. Также говорит он (гл. I, § .5, стр. 18), что ежегодно войска Хозар отправлялись в поход против Печенегов и что на них и Буртасы предпринимали набеги (гл. II, § 3, стр. 20). Чтобы верно понять эти сведения Ибн-Дада, нужно сказать несколько слов о местожительстве Печенегов, и в особенности привести наиболее важные сведения Арабов о них.

Из европейских писателей император Константин Багрянородный первый упоминаешь о Печенегах и сообщает сведения о приходе их в Европу и водворении их здесь. Печенеги, говорит он (De administr. гл. 37, стр. 164 и след. ed. Von), жили первоначально между реками Атель и Геех (то есть, Волгою и Яиком = Уралом), в соседстве с Хозарами и Узами (Гузы, Команы, Половцы). Позже последние два народа вытеснили их из этих жилищ, и тогда Печенеги двинулись дальше на запад, вытеснили Венгров из тогдашнего их местопребывания и сами поселились в местности между Дунаем и Доном. Только немногие Печенеги, по этому известно, остались в своих старых жилищах между Узами, от которых они отличались своим своеобразным костюмом. На время, когда совершался этот переход Печенегов в Европу, Константин указывает в двух местах, а именно в одном месте относит это событие за 50, а в другом за 55 лет до того, когда он писал свое сочинение. Так как он писал в 948 г., то, стало быть, это событие случилось около 894 или 899 года. В противоречии с этой датой находится известие

Кедрина (См. Stritter, Mem. popul. III, стр. 568.), что Хозаре около 834 года построили себе на Дону крепость Саркел для того, чтобы она служила им оплотом против Печенегов; между тем как последние, по словам Константина, переселились в эти места 60-ю годами позже. Но очевидно, что Кедрин черпал свои сведения об основании Саркела у Константина (там же, гл. 42), а Константин решительно ничего не знает о причине построения этой крепости. Поэтому смело можно предполагать, что Кедрин, живя в то время, когда Печенеги уже давно занимали местности по близости Дона и часто воевали с Хозарами, мог сам выдумать эту причину построения Саркела, отнеся позднейшее событие к более ранним временам.

Таким образом, мы видим, что были восточные Печенеги, оставшиеся в первобытных своих жилищах, и западные, переселившиеся в Европу. Известия арабских писателей относятся то к одним, то к другим. Иногда же Арабы смешивали между собою восточных и западных Печенегов, так что часто одна часть какого-либо известия относится к одним, между тем как другая часть — совершенно к другим Печенегам.

Первый известный нам магометанский писатель, упоминавший о Печенегах, есть Ибн-Хордадбэх, писавший между 240 — 260 (855 — 874) годами. Он причисляет к пограничным народам туркских Тагазгаз, Китайцев, Тибетцев, Гузов и проч., а также и Печенегов. Ибн-Хордадбэх во всяком случае мог иметь в виду только тех Печенегов, которые жили между Уралом и Волгой, так как в его время они еще совсем не переселялись в Европу (См. *Journal Asiat. Serie VI*, часть 5, 1865 г. стр. 50 и 268; срав. там же стр. 19. — Это известие Ибн-Хордадбега находится и в упомянутом (выше стр. 42) извлечении из «Китаб эль-Болдан» Ибн-эль-Факиха, стр. 121).

Абу-Долеф, который путешествовал около 940 года по Р. Х., отправился из Бухары через разные туркские земли и прибыл в страну Печенегов, рассказывает о них, что они имеют длинные бороды и усы, ведут войны между собою, употребляют в пищу одно просо, публично сообщаются со своими женами и никому не платят дани. Пространство их земли считает он в двенадцать дней пути и притом замечает, что Печенеги говорили ему, что страна их простирается до земли Славян (См. *Abu Dolef Misaris ben Mahalhal, de itinere asiatico commentarius*, ed. Kurd de Sholozzer, Berlin, 1845, стр.8; срав. там же, стр.33 и след.,

примеч. 12.). Из сказанного Абу-Долефом видно, что он посетил первобытные жилища Печенегов, живших между Уралом и Волгой, но не тех, которые жили в Европе. Притом из его показаний видно, что на родине осталась не малая их часть, как показывает Константина Багрянородный; что скорее только часть Печенегов переселилась в Европу, между тем как огромная масса их не покидала родины, которая занимала пространство в двенадцать дней пути, то есть, около 420 верст. Что часть Печенегов уже тогда жила в Европе можно видеть из их собственного показания, что их граница достигает земли Славян; притом говорившие могли иметь в виду только страну Печенегов, которые, жили между Дунаем и Доном.

Точное известие о переселении Печенегов в Европу находится у современника Абу-Долефа, Абу-Зайд эль-Балхи (Рукопись Sprenger в Берлине, 1, а, лист 4,а и след.: (***)).Ср. Истахри, стр. 2 и след. и немецкий перевод этого сочинения Мортдманна: *Das Buch der Lander etc. Hamburg, 4845, стр.2.*), который говорит, что одно тюркское племя, по имени Печенеги, удалилось из земли Турок и поселилось в стране между Хозарской и Византийской землями, и что до этого времени оно не имело здесь никакого жилища, но переселилось сюда и вновь завоевало эту страну.

Масуди рассказывает (Там же, II, стр. 58 и след.) о войнах между Печенегами и Византийцами, которые происходили около 935 г., очевидно, по ту сторону Дуная, и притом ясно говорит, что страна первых находится на запад от земли Хозар. Весьма любопытно описание того, каким образом царь Печенегов произвел атаку в одном большом сражении против Византийцев, и как искусно при этом случай расставил свои войска, что указывает на развитость тактики у Печенегов. Масуди действительно представляет их, как народ самый храбрый и самый воинственный из всех названных им тюркских племен. Из Масуди (Там же, I, стр. 262) мы узнаем также, что Черное море, между прочим, носило и название «моря Печенегов», (***)). Это название, конечно, могло произойти только от Печенегов выселившихся в Европу.

Географ эль-Бекри, писавший во второй половине XI столетия, как видно, смешивает Печенегов, живших на Урале с теми, которые жили в Европе. Он представляет Печенегов, как кочевников, страна которых, вполне ровная, без всякого укрепления, занимала пространство в

тридцать дней пути и граничила к востоку страной Гузов, к югу страной Хозар, к северу Кипчаком и к западу страной Славян. Такое определение границы этой земли относится отчасти к азиатским, отчасти к европейским Печенегам, так как только страна последних граничила с землей Славян. Далее эль-Бекри говорит, что Печенеги богаты, владеют рабочим скотом, стадами, золотой и серебряной утварью, оружием, богато - украшенными поясами и штандартами. На войне они употребляли трубы. Это может относиться как к восточным, так и к западным Печенегам. Наконец, эль-Бекри сообщает, что магометанские пленники, возвратившиеся из Константинополя, рассказывали, что ученый магометанин, вероятно, прибывший к ним из Византии, около 400 лет Гиджиры (около 1010 по Р. Х.) обратил языческих Печенегов в магометанство (См. Дефремери, *Fragm.*, стр. 8 и след. и стр. 14 и след.). Это известие относится, кажется, к западным Печенегам, так как только об них могли сообщить магометанские пленники, прибывшие в Константинополь.

Эдриси, писавший около половины XII века, знал только о европейских Печенегах, которых он называет Турками и соседями Византийского государства. Он знал также об одном принадлежащем им городе в их же стране, по имени Банамуни, и говорит, что Печенеги населяют гористые и лесистый местности, что они весьма многочисленны и ведут постоянно войны с Руссами и жителями Византийского государства. Они, прибавляет Эдриси, держатся тех же обычаев и нравов, что и Руссы, и сжигают своих мертвых. Некоторые из них бреются, между тем как другие отращивают себе бороды. Одежда их короткая, и наречие их различается от языка Руссов и Башкирцев (См. *Geogr. d'Edrisi*, trad, par Am. Jaubert, ч. II, стр. 407 и 437.).

Ибн-Саид, писавший около половины XIII столетия, знал только восточных Печенегов, и, кажется, на сколько можно заключить из его спутанных показаний, означает их местожительство по Уралу и в тех местностях, откуда берет свое начало р. Кама (См. *Geogr. d'Aboulfeda*, стр. ***, и trad. стр. 292 и след.).

Казвини (***, стр. ***) приводит только вышеупомянутые известия о Печенегах Абу-Долефа. Прочее позднейшие арабские географы не сообщают о них ничего нового.

Ибн-Даста в приведенных его известиях, очевидно, имел в виду европейских Печенегов, ибо с ними только Мадьяры жили в соседстве, и только от них Славяне могли жить на расстоянии 350 верст. Впрочем, показание Ибн-Даста относительно расстояния земли Хозар от страны Печенегов, именно в десять дней пути или 350 верст, находится в противоречии с показанием Истахри (там же, стр. 97), который определяет это же расстояние в целый месяц пути, то есть, около 1050 верст. Точно также несогласно с определением Ибн-Даста показание императора Константина Багрянородного (Там же, гл. 37, стр. 166.) относительно расстояния их земли; по словам императора, земля Печенегов лежала на расстоянии пятидневного пути от земли Узов и Хозарии, десятидневного — от Алании и от Мордвы (Мордвинской земли), однодневного — от России, четырехдневного от Венгрии и полуторадневною от Болгарии. При неопределенности границ тех земель, эти противоречия не должны казаться странными.

3. Не может быть никакого сомнения в том, что под этими громадными горами, которые доходят до Тифлиса, и у подошвы которых тянется южная граница Хозарского царства, разумеется, Кавказ. Это известие о протяжении Хозарского царства на юг согласуется с тем, что один Хозарский царь сам сказал относительно протяжения своей страны, а также и с тем, что нам известно из других показаний Арабов об этом предмете. Хозарский царь Иосиф, в известном своем письме, написанном около 960 года к еврейскому визирю Абдуррахмана III испанского, рабби Хасдай Ибн-Шапрут, говорит, что на юге от его царства живут пятнадцать сильных народов, которых жилища простираются до Баб-эль-Абваб, то есть, до Дербента, и все они ему подвластны. До вторжения Арабов в страны Кавказа Хозарское государство простиралось до берегов Аракса; ибо в вышеупомянутом рукописном извлечении из географии Ибн-эль-Факиха говорится именно (Стр. 447: (***) ; ср. Эдриси, II, стр. 329.), что Арран, лежащий на западе от этой реки, и Сайсаджан, на западе от этой страны, принадлежали к Хозарскому государству. Оттуда они однако же были вытеснены уже во время халифа Отмана (Ср. Беладзори, там же, стр. *** и след. и Якут, там же, III, стр. ***, s. v. ***). Город Беленджер, или Болонджор, (имя этого города Якут (I, стр. ***, и ***) вокализует (***) ; так пишет и Беладзори, стр. ***; *ibid.* стр. *** напротив того мы находим (***) ; Абульфеда (Geogr., стр. ***)

также пишет (***)), по с сторону Дербента (у Якута (I, ***) говорится об этом городе: (***), т. е. с нашей точки зрения, по ту сторону Дербенда; у Абульфеды же по Китаб-эль-Лобаб: (***), следовательно, этот город лежал в области, столицею который был Тифлис, (Ср. Journ. As, 1866. ч. VII, p. 262), а именно по ту сторону Дербенда, что вероятно неверно; ибо Сальман бен-Реби' потерпел упомянутое поражение у Беленджера после того как он оставил Дербент и проник дальше на север; см. Беладзори стр. *** и особенно Дербенд-намэ, изд. Казем-Бека, стр. 167 и след.; ср. впрочем стр. 26 исслед., стр. 162, прим. 12, и стр. 187, и Дорна, Nachrichten iiber die Chazaren, стр. 12 и след. и 23 и след.), где Арабы под предводительством Сальмана Ибн-Реби' эль-Бахили потерпели такое ужасное поражение от Хозар, принадлежал прежде Хозарам (См. Беладзори, там же, стр. *** и ***; Якута, I. стр. ***, s. v.(***); Aboulfeda, Geogr. texte, стр. ***, и Fraehn, de Chazaris, стр. 642 и след. В упомянутом извлечении из Ибн-эль-Факиха говорится также, что Беленджер находится в границах Хозарского государства: стр. 118 (***)). Позже, когда Арабы подвинулись дальше на северо-восток, город Семендер, нынешний Тарху(?), сделался столицею Хозар и еще на долго оставался в их владении (См. Масуди, II, стр. 7 и след.; Истахри, стр. 96; Эдриси, II, стр. 329; Якут, III, стр. ***, s. v. ***, и Fraehn. Там же, стр. 614 — 617; ср. Масуди в «Китаб эль-Тенбих» у de Sacy, Chrest. arab., II, стр. 17 и след., где город Беленджер показан, как бывшая столица Хозар. Впрочем, возможно, что и Беленджер был первоначально Хозарской столицей, и что только вследствие распространения завоеваны Могамметан, столица была перенесена сперва в Семендер, а потом и в Итиль.).

Некоторое затруднение представляет здесь показание, что Тулас и Лугар жили на самой окраине гор, которые мы признали за Кавказские. Какие племена подразумеваются здесь, и как произносить их имена? Чтение (***), «Тулас», кажется, не подлежит сомнению; напротив того чтение (***), «Лугар» весьма сомнительно. Я полагал сначала, что (***), «Лугар» есть извращение слова (***), «Киргиз»: предположение, представляющееся само собою. Хотя Арабы пишут название Киргизов (***), «Хирхиз», но легко могло бы быть, что древний персидский географ написал это имя не так, как было в обычае у Арабов. Но это предположение не может быть верно потому, что Киргизы, по показанию арабских географов и путешественников, жили гораздо далее на

северовосток (См. Abu-Dolef, там же, стр. 12 и 36, примеч. 36; Истахри перевод Мордтманна стр. 1, и след. 104 и 430; Эдриси, I, стр. 500 и след. и Димешки, Cosmographie, изд. Mehren, стр. ***, ***, и ***). Способ, хотя не совсем верный, доискаться правильного чтения этого имени представляют нам позднейшие писатели, приведенные Гаммером (в его: Surles origines Russes). Именно персидский историк Шукр-аллах говорит о Печенегах сначала по эль-Бекри, (не назвав впрочем, его имени), а потом приводит вышеупомянутое место Ибн-Даста в следующем неправильном виде: «Между Печенегами и страной Хозар лежит очень просторная область, на одном конце которой находятся громадные горы. В степях этой области живут два тюркских племени из которых одно называется Тулас, а другое — Кергеран, — (***)((***) См. Hammer, там же, стр. 107 и ср. стр. 46 и след., где это место переведено совсем неверно). Если принять во внимание арабский шрифт, то слово (***), «Кергеран», очень похоже на слово (***), «Лугар», так что одно может произойти от другого. Это место находится также и у турецкого историка Мухаммед эль-Катиб, где второе имя читается (***), «Гуз», потом в Джиган-Нума от Хаджи Халфа (там же, стр. 123 и 130; ср. стр. 64 и 79.), где эти имена читаются (***), «Туласи», и (***), «Газнар». (***), «Гуз», очевидно, неверная конъектура переписчика, который первую половину незнакомого ему имени (***), «Лугар», или как иначе оно могло бы произноситься, бросил, а вторую половину обратить в общеизвестное название «Гуз». Чтение слова (***), «Газнар», могло бы, может быть, навести на настоящий след этого имени (находится ли это имя в какой-либо связи с тюркским племенем (***), «Нукердеһ», у Масуди (II, стр. 59)? Как жаль, что французские издатели Масуди не обозначали при иностранных именах вариантов их. Немецкие издатели, конечно, не сделали бы такого промаха; вот пример, что и педантизм в науке может быть полезен.). Дальнейшее исследование об этих двух, по-видимому, тюркских племенах я вынужден предоставить тем, кто специально занимается этнографией тюркско-татарских народов. Других известий о них мне не удавалось найти.

§ 2.

4. Чтение рукописи: (***) не дает подходящего смысла; поэтому мы изменили (***) в (***). Очень хороший смысл вышел бы, если заменить чтение рукописи в (***), т. е. «относительно

предводительства войскам». Но это противоречило бы историческому факту, так как авторитет Иша не ограничивался только предводительством войском.

5. Чтение рукописи (***) вместо (***) не имеет смысла.

6. Это известие, согласуется с тем, что Ибн-Фодлан, Масуди, Абу-Зайд эль-Балхи, главные источники сведений о государственном устройстве Хозар, передают относительно существования у них двух государей, одного номинальная, и другого фактического (См. Fraehn, De Chaz. стр. 556, 592 и 505 и. слѣд., примеч. 103, (где под именем Ибн-Хаукала приведено место, почерпнутое у эль-Балхи), и Масуди, там же, II, стр. 12 и след.). Даже самое вышеупомянутое письмо Хозарского царя, хотя и не прямо, но подтверждает это известие. Таким образом, император Константин Багрянородный отличает (там же, гл. 42, стр. 178) *saganov*, от *res czaravia*. — Отношение этих двух государей между собою можно было бы сравнить с тем, какое существовало в последние столетия в Японии между Сайгуном и Микадо. — Только относительно имени фактического государя Хозар Ибн-Дафта отступает от Ибн-Фодлана. Именно в одном месте Ибн-Фодлан говорит, что он назывался (***), «Илк» (у Истахри, стр. 95 и у Казвини, II, стр. 363, это название читается (***), «Белк»; если обратить внимание на арабское письмо, то такое чтение едва ли можно считать вариантом; сравни Дорн, *Geographia Caucasica*, 18 и 55 и Мельгунов, *Das suedliche Ufer des caspischen Meeres etc.*, стр. 292 и 298.) и также (***) «Бак», а в другом, что он назывался Хакан-Бех (См. Fraehn, там же, стр. 583, 586, 589 и 592.). Френ предполагает (Стр. 585, примеч. 6.), что (***), «Илк», есть только графическая ошибка вместо (***), «Бек», или (***), «Бак». Это предположение действительно оправдывается берлинскою рукописью Абу-Зайд эль-Валхи, где буквально повторяется текст Ибн-Фодлана от начала до стр. 586, строч. 5 издание Френа, и до страницы 438, строч. 10 издания Вистенфельда, и где первое название действительно написано (***), «Бек». Все эти три названия (***) «Бех», или (***) «Бек» и (***) «Бак», суть только три различные формы одного и того же имени, которое у Византийцев читается «Пех». Впрочем возможно, что чтение (***), «Ильк», верно; это слово в татарских наречиях значит «*rgimus*», что было бы приличным титулом того человека, который занимал в государстве первое место после номинального государя.

С этими согласными показаниями Арабов и Константина Багрянородного находится в противоречии известие Ибн-Даста, по которому название фактического государя Хозар было Иша. Но и показание Ибн-Даста имеет свое основание; так и по китайским источникам название Ша, Ше или Шеху было в употреблении у различных тюркских племен для обозначения князей, ближайших к Хакану и занимающих высокие должности, каковы начальники родов, военачальники и управляющее разными областями государства. Между высшими чинами первое место занимал Шеху, который стоял выше братьев и сыновей ханских (См. Иакинфа, Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии ч. II, стр. 228, 267, прим. 3, стр. 313, 338 и след. 346, примеч. 3, стр. 350, 370 и 377).

§ 3.

1. Эти показания касательно религиозных отношений в земле Хозар вообще согласуются с прочими арабскими свидетельствами, но в частности содержат некоторые отступления. По Ибн-Даста, только Хакан, Иша и все государственные сановники были последователями иудейства, а прочие Хозаре оставались язычниками. Что в столице Хозар жили и магометане, Ибн-Даста утверждает ниже положительно. По Ибн-Фодлану (которому последовали эль-Балхи и многие другие) также только царь и его вельможи были последователями иудейства, а прочие Хозаре состояли из христиан, магометан и язычников, и Евреи были всего малочисленнее (См. Fraehn, там же, стр. 584 и 590). По Масуди (там же, II, стр. 8 и след.) царь, вельможи и настоящее Хозаре были Евреи; войска же состояли из Магометан, а прочие народы, именно Славяне и Руссы, были язычниками. Из Масуди ясно следует, что в Хозарии жили и христиане (ср. стр. 11), и переселившиеся Евреи. О последних нам известно и из еврейских источников, именно из письма Хозарского царя Иосифа, путевых заметок рабби Петахия (стр. 46 и след. ed. London.) и некоторых других источников. Из этого письма видно также, что кроме царя и вельмож многие из самого народа Хозарского перешли в иудейство. Там в одном месте Иосиф говорит, что царь Булан собрал у себя сановников государства, своих слуг и весь народ свой и объявил им о своем намерении принять иудейство; это им понравилось: «они приняли еврейскую религию и вступили в крылья Бога» (фигуральное выражение для означения обращения в иудейство). В другом месте Иосиф говорит, что царь

Булан и его слуги совершали на себе обряд обрезания; о массе народа здесь ничего не упомянуто; но далее рассказывается, что один из преемников Булана, по имени Овадия, по счету одиннадцатый после него, устроил синагоги и школы; из этого видно, что число Евреев в Хозарской земле было тогда не очень малое. В вышеприведенном извлечении из «Китаб эль-Болдан» сказано (стр. 121) о Хозарах, что они все Евреи, и что только недавно были обращены в иудейство (***) . Но так как, по всей вероятности, источником этой книги служило сочинение Джайгани (см. выше стр. 42), то легко предположить, что в IX столетии многие Хозаре-язычники перешли в иудейство вследствие религиозного рвения Хозарского царя Овадии. Такое обращение целыми массами могло быть причиной вышеупомянутого (стр. 7, примеч. 29.) посольства христиан в Хозарскую землю к царю Михаилу, которые известили царя: *quomodo nunc Iudaei, nunc Saraceni ad suam fidem eos molirentur convertere* (см. Schlozer, Нестор, III, 154).

Показание Ибн-Дастан о религии язычников в Хозарской земле неопределенно, так как мы не знаем, каких Турок имел он в виду, и прежняя их религия нам почти совершенно неизвестна. Ибн-Фодлан называешь языческих Хозар «идолопоклонниками» (см. Frahn, De Chazaris, стр. 584 и 590).

§ 4.

8. Чтение (***) , «Хабнела'» сомнительно, так как диакритических точек в рукописи не достаёт, но я полагаю, что это имя нужно читать здесь именно так, потому что предшествующее ему имя написано ясно и произносится подобным же образом. Итак, розница между обоими этими названиями состояла в том, что первое выговорилось мягче с разделением на два слова, второе же тверже и писано в одном слове. Впрочем, не должно упускать из виду, что эти названия обеих частей города, как они здесь произносятся, вообще сомнительны, и что из них нельзя сделать никаких этимологических выводов. Эль-Бекри именно приводит (см. Defremery, Fragments etc. стр. 10 и 17.) это место из Ибн-Дастан и пишет названия обеих этих частей города (***) , «Бараиш» и (***) «хтслг». Дефремери, который принимает (***) , в первом назван за приставку, переписывает первое название *Ar'aich*, а второе *Hatslog*. Основание, по которому Дефремери произносит второе название *Hatslog*, мне неизвестно. Впрочем, оба эти названия у эль-Бекри легко могли произойти от имени, находящегося в нашей рукописи, а может

быть, и наоборот. Профессор В. В. Григорьев заметил, и как мне кажется, справедливо, что здесь следовало бы читать: (***) , «т. е., называли город Хан-Балыг или Хан-балыг». Это имя значит «ханский город». Под этим разумеется или западная часть города, где Хакан со своими чиновниками и вельможами, по крайней мере в прежние времена, имели свои жилища, или же остров, где они жили в позднейшее время. Разные известия о частях хозарской столицы не согласны между собою, так как одни писатели говорят о двух, а другие о трех частях города. Точно также находятся в противоречии и показания относительно местопребывания царя, так как одни помещают его в западной части города, а другие на острове, посреди реки, между обеими частями города. Так, Ибн-Фодлан говорит о двух частях города, из которых одна - большая, находится на западной стороне реки, где живут царь и его вельможи, а другая часть находится на восточной стороне реки и населена магометанами. Кроме того, Ибн-Фодлан упоминает об одном царском дворце, (***) , который стоит вдали от берега реки и устроен из кирпича. Наконец тот же автор замечает, что в восточной части живет большая часть купцов, магометане и находятся товары (См. Fraehn, там же, стр. 583, 585. 588 и след. и 594.). Это последнее место встречается буквально и у эль-Балхи, где прибавлено еще следующее: «Западная часть города назначена исключительно для царя, его войска и знатных Хозар» ((sic) (***)) Над последним словом в рукописи находится поправка (***) . У Истахри, у которого также находится это место (стр. 95), вместо этого стоит (***) и вместо (***) стоит (***) , в этом вероятно и заключается отчасти причина того, что Мордтманн (стр. 104 его перевода) совершенно неверно понял все это место. Он переводит его так: «В восточной части Хозарского города живут преимущественно купцы. Мусульмане, купцы, и деревни не зависят от царя и имеют отдельное войско, солдат» и т.д.! Как осторожен, должен быть историк, который не может пользоваться подлинными источниками, и должен ограничиваться переводами! Следует, впрочем, заметить, что уже персидские переводчики Истахри здесь читали (***) . Так говорится у Дорна (там же, 19): (***) ср: Мельгунова, там же, стр. 292.).

У Ибн-Хаукала находится все это место в следующем виде: «Хазераи есть имя восточной половины города Итиля, где находится большая часть купцов, магометане и товары; западная же часть была

исключительно для царя, его вельмож и войска» (См. Fraehn, там же, стр. 602, примеч. 73.).

Масуди говорит о трех частях города, которые отделены друг от друга большой рекою. Две части города, замечает он далее, лежат на двух берегах реки, а царский дворец находится посреди реки на острове, который соединен с обоими берегами понтонным мостом (См. Масуди, там же, II, стр. 7 и след., где, как выше (стр. 23, прим. а) было сказано, следует читать: «Итиль» вместо «Амоль»; ср. Aboulfeda, Geogr. стр. к» г, примеч. 5 и trad. стр. 288, примеч. 1.). Сам Хозарский царь в вышеупомянутом своем письме тоже говорить о трех частях города (хотя в самом письме сказано (***), то есть, «три города», однако же, по связи изложения видно, что речь могла быть только о трех частях города.). В одной части города, говорит он, живет царица со своими служанками, евнухами (или слугами), и, кроме того, там живут еще Евреи, магометане, христиане и другие народы; относительно второй части города он определяет ее пространство, ничего не упоминая о том, кто там живет; наконец о третьей части города царь говорит, что там живет он сам вместе со своими вельможами, сановниками и ближайшими к нему слугами. Между стенами, прибавляет он, течет река. Хозарский царь определяет притом пространство и границы своего царства и говорит, наконец, согласно вышеупомянутому показанию Масуди, следующее: «Я живу на острове, и там же находятся мои поля, виноградники, огороды и сады».

Эти противоречия относительно частей города и царского дворца, как я полагаю, объясняются следующим образом: город Итиль первоначально состоял только из двух частей, именно на восточном и западном берегах реки. В восточной части города, которую различные населявшие ее народы называли различно, жило, так сказать, мещанское сословие. Западная же часть города была первоначально местопребыванием правительства, присутственных мест и войска; кроме того, сам царь имел еще загородный дворец, где, вероятно, жило его семейство. Позже, может быть, для большей безопасности, резиденция была перенесена на остров, который посредством понтонного моста был соединен с восточною частью города, и царское семейство перешло сюда на жительство из отдаленного дворца.

Если сделанное выше предположение, что имя (***) следует читать (***), Ханбалыг, т. е. «ханский город», верно, то в этой части города очевидно была столица правительства; Сарашен же, или Бараиш, как эль-Бекри пишет это имя, был именем восточной части города, где жили купцы. Выше мы, однако же, привели одно показание Ибн-Хаукала, по которому часть эта называлась Хазераном. Сам Ибн-Дада (VI, 2, стр. 35) упоминает об одном городе, Хазеране куда русские купцы обыкновенно привозили свои товары, и под этим он, вероятно, также разумеет восточную часть города Итиля. Очень возможно, правда, что один и тот город получил от разных наций разные имена, но всё-таки странно, что имя Сараш'ен нигде не встречается и что Ибн-Дада не знает имени Итиля как имя города.

Ибн-Дада здесь упоминает только об одном этом хозарском городе; другие писатели упоминают еще о некоторых городах, местоположение которых не всегда легко определить. Уже выше мы говорили о хозарских городах Беленджере и Семендере первом городе мы не находим подробнейших известий у Арабов. О втором же у Абу-Зайд эль-Балхи есть следующее показание: (***), то есть «Хозары имеют город, но имени Семендер, лежащий между Итилем и Дербендом. В этом городе много садов, и, как говорят, около 4000 виноградных деревьев, простирающихся до границы Серира. Из фруктов больше всего встречается виноград. В этом городе живут также много мусульман, и они имеют мечети. Строения города выстроены из сплоченных досок (ср. ниже, сходное место из Мукаддеси) и кровли их остроконечны. Царь их — еврей, родственник царя хозарского. Семендер лежит в 2 фарсах (около 10 верст) от границы Серира и мир господствует между жителей этой страны и Семендера». Эти известие сокращенно находится у Истахри (стр. 96 = 104) и с некоторыми прибавлениями у Ибн-Хаукала. Так последний говорит и о христианских церквях и еврейских синагогах в Семендере и из 4000 виноградных деревьев он — или переписчик, — делает 40,000 (см. Fraehn, De Chazaris, стр. 614 и след. и Ibn Fozzlan, стр. 65). В одной цитате из Истахри у Якута (там же, III, стр. ***, s. v. (***) ; ср. Fraehn, De Ghaz., стр. 616 и след.) сказано: 4000 виноградников. Первоначальное показание эль-Балхи вернее. По другому показанию его Семендер лежал на расстоянии 8 дней пути от Итиля и 4 от Дербенда.

У Мукаддеси (Ms. Sprenger в Берлине, №5,а, стр. 172) находится следующее показание об этом городе (***). «Семендер большой город у Каспийского моря, между рекой Хозар (Волгою) и Дербендом. Жилища в нем — хижины, и большая часть жителей христиане, очень низкий народ, которые любят чужестранцев, а сами разбойники. Город обширнее Хозара — т.е. вероятно: обширнее столицы Хозар — а жители имеет много садов и виноградников. Строения из дерева проплетенного камышом: кровли остроконечны. Мечетей там много». Об столице хозарской Итиле, Мукаддеси также говорит, но преимущественно при этом пользовался Ибн-Фодланом. К показаниям сего последнего он прибавляет: «Я слышал, что эль-Мамун предпринял из Джорджами экспедицию против Хозар, завоевал Итиль и приглашал жителей к принятию ислама» (Ms. стр. 172. (***); ср. Fraehn, De Chazaris, стр. 597 и след.). Потом он говорит о вышеупомянутом (стр. 4) набеги Руссов на Хозар и завоевании ими, при Святославе, столицы хозарской, и, наконец, замечает, что страна неплодородна и суха, не производит фруктов и не имеет ничего привлекательная (Ibid. (***)). О других упоминаемых Мукаддеси городах хозарских, мы уже говорили выше (стр. 45).

О другом большом городе Хозар прежде всего говорит Казвини (II р. *** и след.), которому вероятно служил источником путешественник XII века, эль-Гарнати (Абу-Абдаллах Мухаммед бен Абд-эль-Рахим эль-Гарнати, автор книги (***), посетил Болгар в 1135 г., много ходил к тамошнему Кади, писавшему истории Болгарии умер около 1.164 г.; см. Хаджи Халфа, II, стр. 222, № 2548 и Френа, «Drei Muinzen der Wolga-Bulgaren, стр. 181 прим. 12, и Reinaud, Geogr. d'Aboulfeda, I, Introd. стр. CXI и след.). Город этот называется Саксином и описывается очень многолюдным, имеющим много каналов и изобилующим деревьями. Сорок разных племен Гузов (команов) будто бы жили в нем, и там стекалось множество иностранцев и купцов. Жители — мусульмане и имеют много мечетей. Холод там очень силен. Дома внутри обиты войлоком и крыты сосновым деревом. Жители этого города в торговле употребляли свинец вместо серебряной монеты, так что три багдадских «минна» свинца равнялись одному динару. Город лежал на очень богатой рыбами реке, которая больше Тигра, и по показанию эль-Гарнати, переправившегося пешком через покрытую льдом реку, имеет в ширину больше 1840 шагов.

Географ Ибн-Аяс, сообщаящий в сокращенном виде известия Казвини об этом городе, прибавляет следующие замечания: «Ныне наводнила вода (протекающей мимо реки) эту страну так, что и следов строений не осталось. Прежде же Саксин был столицей царя этой земли» (Рукопись Санкт-Петербургского университета., № 109, лист 83, в: (***)). На другом месте у Казвини мы еще находим показание, что из земли Славян привозятся соболь и меха в Саксин и Болгар (стр. ***). Ни Казвини, ни Ибн-Аяс не говорят подробнее о местоположении этого города. Разные обстоятельства, по моему мнению, указывают на то, что он лежал на Яике или Урале. Мы выше (стр. 44 и след.) привели показание Мукаддеси, что в земле Хозар две реки, впадающие в Каспийское море, на берегу которых лежат большие города. Эти реки, несомненно, Волга и Урал; на Волге лежала столица Итиль; не сказано какой большой город находился на последней реке. Саксин лежал на очень широкой реке. Нельзя разуместь под ней Волгу по следующим причинам: река эта была хорошо известна как Гарнати, бывшему в Болгаре, так и Казвини, и они бы не говорили о ней, так как говорят о реке не очень хорошо известной, во всяком случае, они называли бы ее общеизвестным именем «Итиль». Казвини говорит также, что река, на которой лежал Саксин, больше Тигра, между тем как он о реке Итиле говорит (I, стр. ***), что она (относительно величины) почти равняется Тигру (***). Саксин, далее, не мог лежать на Волге к северу от Болгар а, ибо в таком случае он не принадлежал бы к Хозарскому государству; остается разве только предположение, что он находился между Итилем и Болгаром; но в таком случае, находясь между двумя важными торговыми пунктами, сам не мог быть столь значительным торговым городом. Если же он всё-таки лежал там и имел такое значение, он наверно не мог оставаться неизвестным арабским писателям, так как Волга между Итилем и Болгаром весьма часто посещалась арабскими купцами, что мы подробнее докажем ниже. Если Саксин наконец лежал бы между Итилем и Болгаром, то там не могла бы образоваться особенная монетная система и свинец не мог бы служить жителям при меновом торге. Саксин следовательно не мог лежать на Волге и еще меньше на Доне, так как эта река нигде не имеет в ширину 1840 шагов (полководцы Джингисхана, после того как они завоевали Болгар, отправились, по Ибн-эль-Атсиру, (***, ч. XII, стр. ***) через Саксин, чтоб встретить хана, идущего из Персии (ср.

D'Ohsson, *Hist, des Mongols*, ч. I, стр. 346 и след. и 446, ed. 1834). Если добираться из Болгара до ближайшей дороги в Персию, то никак нельзя попасть в придонский край; через Урал же необходимо переправиться). Саксин следовательно мог лежать только на Урале, где он и мог вести самостоятельную обширную торговлю с разными странами и в изобилии быть снабженным свинцом из уральских рудников. Впрочем, мы можем указать на положительное известие о том, что Саксин лежал именно на Урале; оно приводится Карамзиным (См. Карамзина, *История государства России*, III, стр. 466 и примеч. 355, стр. 430 изд. Эйнгерлинга) по одной летописи, и гласит: «Того ж лета (в 1229 г.) Саксины и Половцы избегоша изнизу к Болгарам перед Татарами, и сторожеве Болгарский прибетоваша, бьени от Татар близ реки, ей же имя Яикъ».

Таким образом, и объясняются известия путешественников XIII века о Немцах (*Teutonici*), которые, будто бы, жили на той стороне реки Волги, около Урала (См. *Itinerarium Wilhelmi de Rubruk*, стр. 279 в *Recueil de Voyages*, часть IV. Ср. *Johan. de Piano Carpini, Hist. Mongol.*, стр. 710 и след., где говорится о городе Саксов (*civitas Saxorum*), которого Монголы не могли завоевать, и там же, стр. 673 и 750, где вместо *Barohin* или *Karkin* следует, может быть, читать *Saksin*, вследствие чего местоположение города *Ornas* было бы на устье Урала в земле Хозар; ср. там же, стр. 776 и 505 и след. — Город Саксин также упоминается у Абульфараджа, *Hist. Dynast.*, стр. 429 и 467 текста, и стр. 282 и 306 перевода; но из этих показаний ни каких выводов нельзя сделать относительно местоположения этого города; ср. *Notices et extraits des manuscrits*, ч. XIII, стр. 275, прим. 4.). Эти мнимые Немцы были не что иное, как жители области Саксина, которых путешественники приняли за Саксонцев.

Против этого предположения о местоположении Саксина могли бы сказать следующее: космограф Димешки (См. *Ed. Mehren*, стр. *** und ***; ср. *Reinaud, Geogr. d'Aboulf.*, trad. стр. 286. прим. 2.) называет Азовское море (***), «морем Саксинским». Далее он говорит, что река Руссов и Славян, под которой он вероятно разумеет Дон, вытекает из гор Саксинских. Но эти показания опровергают и мнение, что Саксин лежал на Волге. Поэтому следует предполагать, что разные страны и города носили имя Саксин. На это указываюсь и известия Ибн-Саида. Этот географ говорит следующее о Саксине: «Саксин знаменитый

город, который лежит под 67° долготы и 53° шир. На восток от него находится город Суах (или Муах), который также известен и зависит от первого. В «Китаб эль-Атваль» (т. е. книге долгот) упоминается город Саксин под 162 1/2 ° д. и 40° 60' шир., который, однако же, вероятно не тождественен с вышеупомянутым». На другом месте он говорит чрезвычайно перепутано о местоположении этого города, который он помещает на берег Днепра, утверждая, что там столица татарских царей, потомков Береке; а эти цари, как мы из других источников знаем, жили в Серае на Волге (См. Aboulfeda, Geogr. стр. *** и след. *** и след. и ***; trad, стр. 286, 291, и 322 и след.). Если же читать внимательно известия Ибн-Саида у Абульфеды, легко убедиться, что он имел очень неясные понятия о северной Европе и что его показания относительно этих стран почти не имеют цены. Впрочем следует заметить, что географа Бакуи, сообщающий в извлечении упомянутое известие Казвини о Саксине, кончает прибавлением из Ибн-Аяса. У него однако же мы находим вместо слов Ибн-Аяса: (***) «Саксин был столицей царя этой страны», следующие, по переводу Доссона (Там же, стр. 346, прим. 1. — Доссон полагает, что имя Саксин, или, как он его пишет, Сакассин напоминает скифских Саков, живших на востоке от Каспийского моря, на юге от Яксарта.): «mais pres de la - — т. е. погибшего города Саксина — existe maintenant une autre ville, le Serai de Barca, residence du souverain de cette contree». Не есть ли, может быть, (***) Серай Бакуи только искажение Ибн-Аясова «Се-рир», (***) столица? Во всяком случае, мне кажется, что свидетельство столь нового писателя как Бакуи о местоположении города, во время его уже давно не существующего, не имеет веса сравнительно с теми причинами и положительными известиями, которые вынудили нас поместить Саксин на берегу Урала.

Так называемой баварский географ говорит, что у Хозар было сто городов: Coziri civitates C. (см. Schafarik, Slawische Alterthumer, II, стр. 673); но это показание относится, наверное, к землям, находившимся в зависимости от Хозар, а не к самой Хозарии.

9. Подобное этому сообщает Ибн-Фодлан (См. Frahn, de Chazaris, стр. 585, 591 и 600, примеч. 69.). Точно так же говорить Козарский царь в вышеупомянутом его письме: «В месяце нисан (то есть, апреле) мы выходим из города, и каждый из нас отправляется к своим полям, садам и полевым работам, и каждое семейство, имеющее вотчину,

радостно и с пением отправляется туда и проводит здесь все летнее время... Я, вельможи мои и слуги, кочуем на пространстве 20 фарсангов (та же самая цифра и у Ибн-Фодлана), пока доходим до потока Варшана, где поворачиваем и назад возвращаемся в город». Какая река здесь, разумеется, а не могу сказать, с достоверностью. Арабские географы знают одно место Вартсан, на границе Азербейджана, в двух фарсангах от места впадения Аракса в Кур и семи фарсангах от Мукана (См. Beladsori, там же, стр. 206, 209 и 329; Merassid, III, стр. ***, s. v. (***)| Aboulfeda, Georg., стр.*** и trad., стр. 76 и Dorn, Nachrichten uber die Chasaren, стр. 25, примеч. 1.), где, может быть, находилась и речка подобного же имени. Но этот город нельзя здесь разуместь, так как он находился гораздо дальше, чем на 20 фарсангов от Итиля. К тому же, царь не назвал бы незначительный приток Аракса большою рекою. Наконец, невероятно и то, чтобы Хозары летом отправлялись на кочевые в эти места, так как они были под владением магометанских князей. Царь мог разуместь только реки Дон или Урал; но и эти реки находились также дальше, чем 20 фарсангов от Итиля.

10. С этим показанием согласуются известия Ибн-Фодлана и Масуди (См. Frahn, там же, стр. 583 и след.; Масуди, там же, I, стр.8 и 12). Хотя они говорят, что магометане жили в восточной части города, но присовокупляют при этом, что войска жили в царской резиденции, т. е. в западной части города, а эти войска состояли, по крайней мере, отчасти, из магометан.

§ 5.

11. Сравни ниже примеч. 16-е.

12. От византийских писателей мы также узнаем, что Хозаре жили в постоянной вражде с Печенегами. С этим находится в противоречии показание Масуди (II, стр. 58), что Печенеги, жившие на западе от Хозар, находились с ними в мире. Таковые мирные сношения могли существовать только относительно тюркских племен, упомянутых Масуди в том же месте, и мы знаем это положительно относительно Мадьяр, с которыми Хозаре находились в дружественной связи. Между Хозарами и Печенегами, напротив того, наверно, не существовало мирных отношений.

§ 6.

13. В тексте: (***) . Я полагаю, что чтение (***) вместо (***) не было бы слишком смелою конъектурой, так как о легко могло перейти в "*"; смысл в таком случае был бы: «войско имеет сильных верблюдов». Это было бы очень подходящим и потому, что в тех странах войска не могут обходиться без верблюдов.

14. Подобное же сообщает и Масуди (II, стр. 20 и след.) о вооружении хозарского войска.

15. Ибн-Фодлан говорит (там же, стр. 584), что войско хозарское состояло из 12,000 человек, но не указывает, состояло ли оно из конницы или пехоты. Масуди говорит (II, стр. 11) о 7,000 конных стрелках; число же остального войска у него не показано.

16. По показанию Ибн-Даста в прежнем параграфе и здесь, у Хозар было постоянное войско, которое, как видно, состояло только из конницы, пехота же, конечно, не могла быть употребляема в степях. Далее, армия Хозар состояла из наемного войска, которое содержалось на счет царя и было обязано постоянною службой, и наконец из отрядов, которые поставлялись богатыми подданными государя и, вероятно, не оставались в пожизненной службе. Были ли обязаны богатые, поставляющие эти отряды, содержать их, или нет, и вообще, на чьем иждивении содержались эти отряды, у Ибн-Даста не сказано. Я полагаю, что показание Ибн-Фодлана о том, что вышеупомянутое войско, состоящее из 12,000 человек, получало весьма малое жалованье, и то через большие промежутки времени, и что оно созывалось только при военных и при других важных обстоятельствах, — относится именно к тем отрядам, которые поставлялись богатыми. Эти отряды были, вероятно, нечто в роде ополчения и вооружались за счет богатых. Масуди упоминает также (там же) о регулярном, наемном от царя войске, при чем присовокупляет, что оно состояло из магометан. О народном ополчении Масуди, кажется, ничего не знал. Впрочем, по известиям Византийцев и Арабов о войнах Хозар видно, что в военное время они отправлялись в поход с многочисленной армией, причем, вероятно, соседние народы, обязанные платить им дань, доставляли значительные отряды (ср. II, § 1. стр. 19, и ниже, примеч. 22, стр. 79.)

§ 7.

17. В оригинале: (***) Schemsah; это слово означает: 1) окно, 2) зонтик и 3) занавес, покрывало (См. Quatremere, Hist, de Sultans

Mamloucs, II, I, стр. 280, примеч. 2.). Здесь это слово может иметь только второе значение. Этот зонтик, который, как следует из связи рассказа, очевидно, заменял собою знамя, был, вероятно, обложен блестящим металлом. В армянской «Истории Халифов» Гевонда (стр. 72 русск. перев. Патканьяна) рассказывается об одном поражении Хозар, которое нанес им магометанский полководец Зайд бен Амру эль-Хареши в 731 году, при чем сказано: «Разбили их (то есть Хозар) совершенно и отняли у них знамя, медное изображение, которое до сих пор хранится в честь Хараши, в честь храбрости их предков». Я полагаю, что здесь разумеется такой же зонтик, какой, по словам Ибн-Даста, был у Иша, и который, как сказано, служил преимущественно вместо знамени и, вероятно, был похож на бунчук, употребляемый у разных тюркских племен.

Буртасы (Burdas)

[18](#).

§ 1.

Земля Буртасов лежит между Хозарской и Болгарской землями^{[19](#)}, на расстоянии пятнадцати дневного пути от первой^{[20](#)}. Буртасы подчиняются царю Хозар^{[21](#)} и выставляют в поле 10,000 всадников^{[22](#)}. [20]

§ 2.

Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законной; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих расправах. Настоящим образом подчиняются они царю Хозар.

§ 3.

Земля их просторна и обилует лесистыми местами. На Болгар и Печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Вера их похожа на веру Гузов^{[23](#)}. Собою они стройны, красивы и дородны. Если один из них обидит другого, или оскорбит, или поранит ударом или уколom, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику. [21]

§ 4.

Девушка у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама по желанию своему, выбирает себе кого либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к её отцу жених, который сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в замужество.

§ 5.

Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду^{[24](#)}; главное же богатство их состоит в куньих мехах^{[25](#)}. Одни из Буртасов сожигают покойников, другие хоронят. Земля ими обитаемая, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней Хелендж^{[26](#)}. Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще. Страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути^{[27](#)}.

Комментарии

§ 1.

18. Имя этого народа Арабы постоянно пишут «Буртас», и только Ибн-Даста, эль-Бекри и Шукр-аллах знают Форму «Бурдас». Оба последние пользовались сочинением первого (Ср. Defremery, *Fragm.*, стр. 11 и 19 и Hammer, там же, стр. 47 и 108.).

У мусульманских писателей мы находим очень скудные известия о Буртасах, хотя народ этот был известен и Арабам, и Персианам. Ибн-Фодлан, по-видимому, ничего не сообщил о них, так как ни один мусульманский писатель, даже Якут, не цитирует его, говоря о Буртасах, между тем как известия Ибн-Фодлана о Хозарах, Болгарах, Руссах и т. д. были общеизвестны (Ср. выше, стр. 4 примеч. 11). Только у Масуди и Абу-зейд эль-Балхи находим мы некоторые известия о Буртасах, которые и разберем вкратце здесь и в следующих примечаниях.

Масуди говорит (II, стр. 14) о реке Буртас, которая вытекает из окрестности Болгарской земли и впадает в Волгу выше Итиля. По этой реке плавают суда Хозар и Болгар, а по берегам ее живут разные тюркские племена, имеющие постоянные жилища и принадлежащие к Хозарскому государству. Обитаемая ими страна, по рассказу Масуди, соединяет Хозарию с Болгарией, и Буртасы, которые, по его утверждению, суть тюркское племя, живут на берегу реки, получившей от них свое название. Не трудно догадаться, какую реку разумеет тут Масуди; для этого необходимо только принять в соображение географические взгляды большей части Арабов. Они думали, что Кама, впадающая в Волгу недалеко от Казани, есть продолжение последней реки, как это видно из их известии об источниках Волги (Ср. Истахри, стр. 95, (104) и оттуда у Якута, I, стр. ***, s.v. (***) ; Эдриси, II, стр. 332, 336 и 403; Aboulf. Georg., стр. ***, trad. стр. 81 и 292 и след. примеч. 4; Dimeschki, *Cosmogr.*, стр. *** и Fraehn, *De Chazaris*, стр. 603, примеч. 77.); стало быть, удобная для судоходства река, вытекающая из окрестности Болгарской земли и впадающая в Волгу, — это часть самой Волги выше впадения в нее Камы. Но эта часть Волги вряд ли носила когда-либо название Буртас. Буртасы же, по всей вероятности, жили на берегу Оки, впадающей в Волгу у Нижнего Новгорода, и может быть, эта река называлась когда то Буртас. Масуди, который не знал среднего течения Волги, может

быть, принимал часть ее, протекающую между Казанью и Нижним, за продолжение Оки, так как древние арабские географы, как выше сказано, принимали Каму за продолжение Волги (в Оку впадает Мокша, в Мокшу Цна, в Цну Выша и в Вышу маленькая речка по имени Буртас, имеющая не более 39 верст длины. Нельзя предполагать, чтобы Масуди разумел эту реку, как думают Доссон (*Les peuples du Caucase*, стр. 72, прим. 2) и Савельев (*Мухаммеданская нумизматика*, стр. LXV, примеч. 109), потому что эта река слишком мала и отдалена для того, чтобы могла служить для плавания кораблей Хозар и Болгар и главным торговым путем для этих народов.). Впрочем, нельзя, оставить без внимания и того, что места, занимаемый Буртасами, по другому сообщению Масуди, должны были простираться на восток почти до Волги: именно, Масуди рассказывает (II, стр. 23), что Буртасы убили множество Руссов, которые на возвратном пути из вышеупомянутой экспедиции 913 года оставили корабли свои на Волге и отправились сухим путем к западу. Наконец Масуди упоминает о вывозимых из страны Буртасов меховых товарах; об этом мы будем говорить ниже. Почти тоже рассказывает Масуди и в другом своем сочинении, написанном позже, под заглавием «Китаб эт-Тенбих»), где, кроме того, сказано, что Буртасы — большое тюркское племя, живущее между Ховарезмом и Хозарской землей, но принадлежащее к Хозарам. Это известие неверно, и я полагаю, что тут надобно читать «Болгар» вместо Ховарезма.

У эль-Балхи находятся следующие известия о Буртасах: «Буртасы — народ, который граничит с Хозарами. Между этими двумя народами не живет другой. Буртасы живут рассеяно по берегам Волги. Буртас — имя страны, также Русь и Хозар; Серир же — имя государства, а не города или народа... Буртас имя страны и Буртасы имеют деревянные дома и живут рассеяно (Это, вероятно, значит, что не имеют городов и больших селений.). Башкиры разделяются на два класса и т. д. (Место о Башкирах мы сообщим ниже прим. 44.)... Язык Болгар сходен с Хозарским.

Буртасы же говорят на языки различном (от языка двух упомянутых народов). Равным образом различается язык Руссов от языка Хозар и Буртас. — Булгар — имя города и Болгаре — мусульмане» (Ср. ниже стр. 75, прим. g, где все место это эль-Балхи приводится в подлиннике). Эль-Балхи сообщает еще разные известия о

Болгарах, как то, что в городе Болгар находится главная мечеть и что в Болгарии находится еще другой город, по имени Сивар, что число жителей обоих городов, Болгара и Сивара, простиралось до 10,000 ч., что, наконец, там зимою дни очень коротки, а летом ночи и т. д.

Эти известия эль-Балхи, сами по себе совершенно ясные, странным образом искажались и переделывались позднейшими писателями, которые пользовались ими; и вследствие этого у новейших авторов распространялись совершенно ложные взгляды на Буртасов. Так мы находим у Истахри — или лучше в книге изданной Мёллером, которую он несправедливо приписывает Истахри — пользовавшегося эль-Балхи, показание, что Буртасы были мусульмане; но это основывается на ошибке, ибо ясно видно, что автор этой книги, содержащей только извлечение из эль-Балхи, ложно понял свой подлинный источник (Сочинение (***) «книга стран», изданное Мёллером и переведенное Мордтманном, издателем и переводчиком ложно приписывается Истахри; ибо оно только содержит буквальное, частью очень неполное извлечение из географии эль-Балхи, которою мы пользовались. Заглавие ее вероятно (***) и не (***), как полагает Шпренгер. Ср. об этом сообщение сделанное мною профессору Фдейшеру в Лейпциге в «Zeitschrift der deutsch. morgenl. Gesell., 1868, t. XXII, стр.334 и след. Я нашел также у Якута цитаты из Истархи, которые в изданном Мёллером сочинении или гласят иначе, или вовсе не находятся; см. Якут, I, стр. ***, s. v. (***), III, ***, s. v. (***) и стр. ***, s. v. (***), и ср. Истахри, стр. 96, строк. 2 — 4, стр. 97, строк. 3 и 4, стр. 120, строк. 12 и 14 и стр. 121, строк.-2 и след.). Он именно отнес слово «Буртас» принадлежащее к предыдущему предложению — в котором говорится, что язык Руссов различается от языка Хозар и Буртас — , к следующему, в котором значится, что Болгары-Мусульмане; таким образом он получил показание, что Буртасы и Болгары — мусульмане. Ибн-Хаукал также пользовавшийся эль-Балхи (И Ибн-Хаукал только разработал и снабдил прибавлениями сочинение эль-Балхи; ср. Zeitschr. der deutschen morgenl. Ges., там же, стр. 336.), здесь разделяет предложения верно (У Френа, De Chazaris, стр. 603, прим. 75 и Ibn Foszlan, стр. 261.).

Персидские авторы, перерабатывавшие эль-Балхи и немецкий переводчик Мёллерова Истахри, сделали другую ошибку; они именно пропустили слово (***), «Башджард», Башкиры подлинника и

относили к Буртасам то, что эль-Балхи говорит о двух классах Башкиров (См. Дорна, *Geographie Caucasica*, стр. 20 и 22 и Мельгунова, там же, стр. 293 и след. И Мордтманна, *Das Buch der Lander*, стр. 106.).

Эдриси (II, стр. 404.), делает из Болгарских городов, Болгара и Сивара, географа эль-Балхи два города в Буртасе, которые он называет Буртасом и Сиваном (ч. Сиваром). Хуже всего сделал Якут (I, стр. ***, s.v. (***)). Он также отнес слово Буртас к следующему предложению в приведенном месте эль-Балхи; слово же (***) «Болгары», сего последнего предложения он пропустил и таким образом отнес к Буртасам все то, что эль-Балхи рассказывает о Болгарах. Френ (*Drei Munzen der Wolga-Bulgaren*, стр. 203 и след.) заметил ошибку Якута и поправил ее. Сенковский же (*Энциклопедический лексикон*. т. VII, статья Буртас, стр. 419 и след.) здесь следует Якуту, вследствие чего вся статья его о Буртасах полна ошибками. Ту же ошибку как Якут, делает и Казвини (II, стр. ***, s.v. (***)), который также путает изречения эль-Балхи о Буртасах и Болгарах и относит к первым все сказанное о последних (Так как эта путаница столь интересна и поучительна для оценки критики арабских писателей вообще, то мы сопоставляем здесь известия упомянутых арабских авторов о Буртасах, чтобы яснейшим образом доказать, как небрежно позднейшие арабские авторы обходились со своими источниками и как осторожным следует быть при пользовании ими. Места эль-Балхи о Буртасах и Болгарах, которые служили источниками для всех позднейших писателей, гласят: (***)). В книге приписываемой Истархи (ed. Moeller, стр. 96 и след.) это место гласит так: (***)). Персидский автор, обработавший эль-Балхи, говорит (у Дорна, *Geographia Caucasica*, стр. 20 и 22 и у Мальгунова, там же, стр. 293 и след. (***)). Так понял немецкий переводчик мнимого Истархи (стр. 106). «Burtas ist der Name einer Gegend; die Bewohner haben holzerne Hauser und leben Zerstreut. Sie — т. е. Буртасы — sind in zwei Stamme getheilt» и. т. д. Два места приведенные Френом также из Ибн-Хаукала верны и согласны с нашим переводом соответствующее место эль-Балхи. Эдриси говорит (II, 404); *Leurs villes* (т. е. Буртасов) *sont au nombre de deux, savoir Bartas* (***) *et Sawan* (***) (ч. (***) Сивар). Якут там же: (***)). Казвини там же: (***)).

Приведенное выше место эль-Балхи о языке Буртасов у Якута читается так: «Буртасы имеют особенный язык, который ни тюркский ни хозарский, ни болгарский». Казвини идет дальше и говорит: «Язык их различается от всех других языков». Я думаю, что эти вариации не имеют большого значения, так как Якут и Казвини, по-видимому, только выписывают эти известия из приведенного места эль-Балхи.

Кроме этих известий о Буртасах, сообщенных Масуди и Балхи, мы не находим у мусульманских писателей никаких сведений об этом народе, достойных внимания. Все прочие арабские показания о Буртасах скорее всего способны сбить исследователя с толку. Например, Ахмед этъ-Туси относит одно известие Ибн-Фодлана о Хозарах к Буртасам, а известия его же о Болгарах к Печенегам (См. Гаммера, там же, стр. 32, 33 и след. и 97 и след. и 98.). Далее он говорит, что одна часть Буртасов исповедует ислам (это, как выше доказано, основывается на ошибке), и что Хозары и Буртасы живут грабежом и убийством, что, без сомнения, не верно. У Ибн-Саида известия о местопребывании Буртасов чрезвычайно перепутаны (См. Aboulfeda, Georg., стр. ***, trad., стр. 290 и след.). Мирхонд знает, что у Кумара (вероятно Кумана), сына Иафетова, было двое сыновей: Буртас и Болгар, которые занимались приготовлением разного мехового товара (Hammer, там же, стр. 56, 59, 116, 119.). Ибн-эль-Варди говорит (Рукописи Санкт Петербургского университета № 111, лист 32, b.) о реке Буртас, вытекающей из страны Тагазгаз, на берегу которой находится много городов и населенных местностей. Это известие, очевидно, заимствовано из вышеприведенного места Масуди. Притом Ибн эль-Варди делал из неизвестного ему имени (***), «Боргаз» (так называются Болгары у Масуди) — (***), «Тагазгаз», имя, вероятно, хорошо ему известное. Что же касается до множества городов на берегу реки, то это уж его собственная выдумка.

Таким образом мы видим, что подлинный и верные известия о Буртасах находятся только у Масуди и эль-Балхи, и что эти известия ограничиваются скудными показаниями о смежности страны Буртасов с Хозарией, о том, что они имели деревянные дома, что они занимались приготовлением меховых товаров, и что они говорили на языке, не сходном с языками хозарским и болгарским. Известия о том, что они Тюрки, конечно, не имеет значения, равно как и множество других этнографических известий Арабов. Чем незначительнее

остальные известия о Буртасах, тем замечательнее все сказанное Ибн-Даста, потому что почти все его известия новы для нас. Эль-Бекри дает нам краткое извлечение из известий Ибн-Даста о Буртасах; извлечение это издал Дефремери (там же, стр. 11, 19 и след.); но текст его очень испорчен.

19. Ср. предыдущее примечание. У эль-Бекри неверно (**) и (***) вместо (***) и (***)).

20. У эль-Балхи сказано, что расстояние от Итиля до границы Буртаса — 20 дней пути.

21. Это согласно с вышеприведенными словами Масуди.

22. Вероятно, что всадники выступали в поле, как вспомогательные войска Хозарам.

§ 3.

23. У эль-Бекри ясно: (***) — Они, следовательно, были язычники, и по крайней мере во время Ибн-Даста, не было между ними мусульмане.

§ 5.

24. По Мукаддесси (Ms. Sprenger в Берлине 5, а, стр. 157), к вывозимых из Болгара товарам принадлежали, мед и воск, и я ссылаюсь на Савельева, который доказал (Мухам, нум., стр. ХСII, ср. примечание 167), что пчеловодство и теперь составляет важную отрасль промышленности Чувашей и Черемиссов, живущих приблизительно там, где прежде жили Буртасы. Они, может быть, потомки их.

25. Ср. ниже примечание 27.

26. Френ в своем сочинении: Ibn Fozlan (стр. 107, 108, 252 и 253; ср. там же, стр. 131, прим. 180) подробно говорит о значении слова (***), «хелендж». Он склонен к мнению, что под словом «хелендж» разумеется береза. В пользу этого мнения говорит то обстоятельство, что Мордва и ныне еще называет это дерево «киленг» или «килинг», а Чуваши «хоран». Но проф. Флейшер полагает, что хелендж непременно есть смолистое дерево, что видно как из места Демешки, приведенного Френом (стр. 253), так и из турецкого Камуса. В Камусе говорится, что хелендж есть род (***), «чам», то есть, сосна или ель и похож на тамариск (***). Кузнецы, продолжает Камус, большею частью употребляют угли этого дерева для топления печей. Я думаю, что последние слова еще не доказывают, что под хеленджем нельзя

разуметь березы. Угли березы, как известно, распространяют гораздо больше жара, чем угли упомянутых деревьев, а по этому очень может быть, что иные кузнецы употребляли их (ср. еще Френа, *Die altesten Nachrichten uber die Wolga-Bulgaren*, стр. 574, прим. 46).

27. Соответствующее место эль-Бекри гласит: (***) ; последнее слово без сомнения (***) . Дерфемери неверно хочет направить его в (***) , что, по его мнению, тоже что (***) соответствует *loup-cervier* (см. *Defremery, Fragments*, стр. 20, прим. 2). — О торговли мехом Буртасов, Болгар и Руссов со странами, подвластными халифам, мы говорим ниже в примечание 98 к главе VI, §. 4. У Эль-Балхи 15 дней пути; столько же у Истахри (стр. 97), у Эдриси (II, стр. 403) и у Якута (ст. I, стр. 567 и след.).

Болгаре

[29](#).

§ 1.

Болгарская земля смежна с землею Буртасов^{[30](#)}. Живут Болгаре на берегу реки^{[31](#)}, которая впадает в море Хозарское (Каспийское) и прозывается Итиль (Волгою), протекая между землями Хозарской и Славянской^{[32](#)}. Царь Болгар, Алмуш^{[33](#)} по имени, исповедует ислам. Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут.

§ 2.

Болгаре делятся на три отдела: один отдел зовется Берсула, другой — Эсегел, а третий — Болгар; относительно образа жизни все трое стоят на одной и той же степени^{[34](#)}. [23]

§ 3.

Хозаре ведут торг с Болгарами; равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т. е. Руссов), которые живут по обоим берегам помянутой реки, везут к ним (т. е. Болгарам) товары свои, как-то: меха соболя, горностаевые, беличьи и другие^{[35](#)}.

§ 4.

Болгаре народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и друппе^{[36](#)}. — Большая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами^{[37](#)}. Те же из них, которые пребывают в язычестве, повергаются ниц пред каждым знакомым, которого встречают^{[38](#)}. [24]

§ 5.

От земли Буртасов до земли этих Болгар три дня пути. Последние производят набеги на первых, грабят их и в плен уводят. Болгаре ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение.

§ 6.

Подать царю своему платят они лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади. Когда

приходят к ним мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть (товаров)³⁹.

§7.

Одежда их похожа на мусульманскую⁴⁰; равным образом и кладбища их как у мусульман. Главное богатство их составляет куний мех. Чеканенной монеты своей нет у них⁴¹; [25]звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум диргемам с половиной⁴². Белые, круглые диргемы приходят к ним из стран мусульманских, путем обмена за их товары⁴³.

Комментарии

§ 1.

29. Мы находим у мусульманских писателей гораздо больше известий о Болгарах, чем о Буртасах; но все-таки эти известия, за исключением Ибн-Фодлановых, скудны или маловажны, так что Ибн-Даста и здесь пополняет важный пробел. Его известия, может быть, приведут даже к окончательному решению вопроса о национальности Болгар.

Я предполагаю, что известия Ибн-Фодлана о Болгарах известны. Новое издание его известий в большем географическом словари Якута (ed. Wuestenfeld, I, стр. 722 — 727) представляет много замечательных вариантов; см. выше, стр. 6, примеч. 19.

Масуди, который не имел ясных понятий о географии восточной и юго-восточной Европы, смешивает Болгар приволжских с придунайскими, и его известия о Боргазах (так называет он Болгар) относятся то к тем, то к другим. Правда, Масуди знает, что, плывя из Каспийского моря вверх по Волге, доходят сперва до страны Хозар, потом до страны Буртасов и наконец до Болгарии (ср. II, стр. 23); но тем не менее он говорит в другом месте (стр. 15), что город Болгар лежит на берегу Азовскаго моря. Масуди говорит так, вероятно, потому, что он принимал впадающий в Азовское море Дон за приток Волги; а так как Болгары жили у этой последней реки, то, вероятно, он и думал, что страна их находилась не далеко от берега Азовского моря. Масуди принимает Болгар за тюркское племя; я не хочу оспаривать это известие, но и не могу считать его доказательством того, что Болгары действительно принадлежали к Тюркам, потому что этнографические показания Арабов большей частью не имеют цены; особенно же они не умели различать финские племена от тюркских. Постоянно,

продолжает Масуди, ходят караваны из Болгарии в Ховарезм, и именно через Хорасан, и наоборот, при чем они должны защищаться от тюркских племен, кочующих в этих местах. Подобно ему говорит и Абу-Зейд эль-Балхи (Лист, 121,b: (***) ; ср. Истахри, стр. 116 (128) и Fraehn, *Drei Munzen der Wolga-Bulgaren etc.*, стр. 178, примеч. 1.) о караванах, отходящих из Джорджания, у впадения Аму-Дарьи в Аральское озеро, в страну Хозар. Далее Масуди говорит о принятии ислама болгарским царем, вследствие сновидения, при халифе Муктадир-Биллахе, о пилигримстве одного сына этого царя в Мекку через Багдад и о подарках, которые он передал халифу по этому случаю. Эти подарки состояли из знамени, черного меха (вероятно, меха черно-бурых лисиц) и т. п. Потом Масуди говорит о войнах Болгар с Византийцами, что, конечно, может относиться только к придунайским Болгарам. Наконец он упоминает о чрезвычайно коротких, ночах в стране Болгар в известное время года. Это опять относится к земле приволжских Болгар. Якут буквально приводит все эти известия Масуди (I, стр. 568, s. v. (***) , Боргаз) и прибавляет к нему справедливое замечание, что страна Болгар лежит не на берегу Азовского моря, а довольно далеко от него.

Эль-Балхи (Лл. 94, b. и след.; ср. выше, стр. 76, примеч. g, где арабский текст этого текста сообщено нами.) сообщает следующее о Болгарах и Болгарии: Болгар, говорит он, — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (или Сивара) (Так называет Якут этот город I, стр. ***, s. v. (***) .), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник Болгар сказал автору, что число жителей обоих этих городов простирается до 10,000 человек. Дома, продолжает автор, деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам. Наконец мы находим еще показание того же мусульманского проповедника о долгих летних днях и коротких ночах и зимних коротких днях и долгих ночах.

В другом месте (Лист 4, а (***)) эль-Балхи говорит: «Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства». Под выражением «Внешний Болгар» Арабы всегда понимают страну придунайских Болгар, в противоположность

«Внутреннему Болгару», то есть стране приволжских Болгар (Ср. Aboulf. Geogr. стр. *** и trad. стр. 81 и *ibid*, примечание 2.). Но здесь эль-Балхи, очевидно, разумел город Болгар на Волге, так как сказанное здесь не может относиться к стране придунайских Болгар. Вследствие этого я думал, что нужно читать: (***) , «эль-дахил», то есть, внутренний, вместо (***) , «эль-харидж», то есть, внешний. Ибн-Хаукал также относит это место эль-Балхи к городу на Волге, ибо он, приводя это место, прибавляет, что Руссы совершенно ограбили этот город в 358 (968) году, равно как и Хазеран (восточную часть Итиля), Итиль и Семендер (См. Fraehn, Ibn Fozlan, стр. 64).

Кажется, однако же, что эль-Балхи употребляет выражения (***) и (***) , т. е. «внутреннее» и «внешнее» в противоположном смысле тому как другие, позднейшие географы это делают. Так он говорит (л. 95): (***) , «внутренние Болгары — христиане». Здесь, без сомнений разумеются только придунайские Болгары, которых он называет, внутренними». Ибн-Хаукал также имеет это место эль-Балхи (См. Fraehn, там же, стр. 66.), но у него это предложение гласит: (***) , «между внутренними Болгарами есть христиане и мусульмане». По этому это предложение можно отнести только к приволжским Болгарам. И так возможно, что это место у эль-Балхи искажено. Другое место, однако же, с большей, по-видимому, ясностью указывает на то, что он употребляет выражения «внутренний» и «внутренний» иначе чем прочие географы и что он приволжских Болгар называет обыкновенно просто Болгарами. Это явствует из приведенного выше (стр. 76) места и из следующего: (***) (на краю (***) (***)), «от Итиля до Болгара расстояние по степям — около одного месяца пути; водою же, вверх по реке около двух месяцев, вниз по реке, около 20 дней... От Болгара до Куябы (Киева) около 20 дней пути». Здесь речь может идти только о приволжских Болгарах. Далее, (***) «от внутренних Башджардов до Болгара 25 дней»; здесь, под внутренними Башджардами (т. е. Башкиров = Мадьяр) может быть разумеются придунайские Венгерцы; ибо о приуральских Башкирах эль-Балхи в другом месте говорит, что они граничат с (приволжскими) Болгарами (См. об этом ниже, примеч. 44, стр. 105.).

Ибн-Хаукал говорит еще о приволжских Болгарах, что между ними есть христиане и мусульмане. В наше время, продолжает он, ни у Болгар, ни у Буртасов, ни у Хозар не осталось ничего, потому что

Руссы напали на них и взяли у них все эти страны. Беглецы живут в соседнем крае, надеясь в последствии возвратиться на родину, как подданные Руссов (См. Fraehn, там же, стр. 66.).

Мукаддеси, писавший в 375 (985) году (Мнение Френа (там же, стр. L), что Мукаддеси умер в 444=1052 году, основано на ложном показании Румянцовского кодекса Хаджи Халфа. Ср. печатное изд., I, стр. 167, и след. №129. В предисловии сам Мукаддеси говорит, что он писал свое сочинение в 375 (985) году.), знает о трех городах Болгар и рассказывает о них следующее: «Болгар лежит на обоих берегах (реки), и строения там из дерева и камыша. Ночи там коротки. Главная мечеть стоит на рынке. Мусульмане уже давно завоевали его. Болгар лежит у реки Итиля (Волги) и находится ближе к морю, чем к столице». Что арабский географ понимает под столицю — я не могу объяснить; ибо Итиль столица Хозар, лежала почти на самом берегу моря. Мукаддеси упоминает и о городе Сиваре и говорит, что этот город также лежит на Волге, что тамошние строения суть войлочные юрты, и что у жителей много полей и имущества. Мукаддеси говорит еще об одном городе в стране Болгар, но я не мог разобрать в рукописи имени его. По словам Мукаддеси, этот город лежит на одном берегу другой реки и больше обоих вышеупомянутых городов. Жители, продолжает он, которые сперва были Евреями и потом сделались мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но теперь возвратились в этот город (Ms. Spr. в Берлине, №5,а, стр. 192: (***)). Выражение (***) не вполне ясно; но мне, кажется, что им означает местоположение города в отношении к реке. (***) также не совсем ясно; (***), множ. чис. (***) значит: Pars vallis, ubi aqua ad utramque partem fluit; здесь же (***) может означит, местность между двумя ручьями, впадающими в большую реку. Слово (***) Персияне употребляют в смысле: маленький город; см. Notices et extrait des manuscrits, ч. XIII, стр. 277, примеч. 1.). Как ни темно это последнее известие, тем не менее, оно все-таки любопытно; во-первых, потому что мы видим из него, как далеко на север распространялась еврейская религия, вероятно, из Хозарии, а во-вторых, потому, что узнаем отсюда о том, как Болгары когда-то удалялись к берегу моря и во время Мукаддеси возвратились на прежние свои жилища. Это переселение легко можно сопоставить с набегом Руссов в 968 году и принять за последствие набега. О другом очень важном известии Мукаддеси

относительно товаров, вывозимых из земли приволжских Болгар в разные страны Азии, мы говорим ниже, в примечании 98. Эль-Бекри (у Defremery, *Fragm.* стр. 12 и 21) знает известие Ибн-Даста о Болгарах и дает краткое извлечение из них. Но он пользовался еще другим источником, не вполне мне известным, и который оставался почти неизвестен и позднейшим арабским географам. Пользование этим неизвестным источником видно из слов эль-Бекри, что число Болгар очень невелико, что их всего 500 семейств (Ср. Hammer, *Sur les orig. Russ.*, стр. 73 и 131.). Это последнее известие, без сомнения, основывается на ошибке, или же цифра искажена.

В продолжение XII века мусульмане из разных стран, кажется, часто посещали город Болгар. Ибн-эль-Варди, например (Рукопись библиотеки Ст. Петерб. Унив. № 91, лист 32, и стр. 95 печатного Булакского издания 1260 (1863)года. Место это гласит: (***)). Вместо (***) эль-Джевалики, печатного издания в рукописи стоит (***) эль - Хаукали, под которым вероятно разумеется Ибн-Хаукал; но по моему мнению больше чем сомнительно, чтобы этот географ когда-либо был в Болгарии; и других приволжских стран. Потому, как он говорит об экспедиции Руссов в эту страну, ясно видно, что сам он никогда не был там. В том месте, где он говорит о Хозарском городе Семендере, он именно прибавляет, что известия свои об этом городе он собрал в Джорджане; см. Френа, *Ibn Fosflan*, стр. 63 — 66 и ср. Reiraud, *Georg. d'Aboulf.I, Introd.*, стр. LXXXIII.), приводит одно место из эль-Джевалики (1145 г.) (По Хаджи Халфа, V, стр. 632, № 12, 405 он умер уже в 1072 г. Но это неверно; Хаджи Халфа смешивает год рождения его с годом смерти; ср. Reinaud, там же, стр. CXI и мое сочинение, *Die Ssabier und der Ssabismus*, II, стр. 763, примеч. 32.), в котором последствий говорит о коротких зимних днях в Болгаре, и говорит как очевидец.

В 1136 г. испанец Абу-Хамид эль-Андалуси, которого называют и Абу-Абдаллах эль-Гарнати (Френ, вследствие ошибки, очень извинительной в его время, из Абу-Хамида и Абу-Абдаллаха сделал двух различных путешественников. Но оно не так, ибо Абу-Хамид носил и имя Абу-Абдаллах; см. Reinaud, там же, стр. CXI, и след. и особ. стр. CXII, примеч. 1.), также посетил Болгар и соседние страны и много посещал Болгарского Кади, писавшего историю Болгара и конечно хорошо знакомого со своей родиной (Ср. выше, стр. 63, прим.

с.). Извлечения из его известии об этих странах, в которых истинное и баснословное смешаны, находятся у Казвини ((***), стр. ***, s. v. (***) и след., s. v. (***), s.v. (***) в конце, и ***, s.v.(***)). Болгар, говорит он, большой город, дома которого выстроены из соснового дерева, а стены из дубового. Бесчисленные тюркские племена окружают эту страну, находящуюся от Константинополя в расстоянии двухмесячного пути. Тут же мы находим известие, взятое, очевидно, из Масуди, что Болгары воюют с Византийцами. Это извлечение, конечно, может относиться только к придунайским Болгарам и, кажется, что это, цитата из Масуди привел сам Казвини. Абу-Хамид говорит далее о чрезвычайно долгих ночах и коротких днях и необыкновенном холоде в Болгарии; потом он сообщает украшенный разными чудесами рассказ о введении ислама в Болгарии, взятый из сочиненной упомянутым болгарским кади, Якуб бен-эль-Номаном, «Истории Болгара» (См. Френа, *Drei Munzen der Wolga-Bulgaren etc.*, стр. 184 и след.; ср. там же, стр. 181, примеч. 12.). Рассказ этот противоречит достоверным известиям Ибн-Фодлана о том же предмете и вследствие того должен считаться неверным, и нас удивляет, что Френ придает этому известии некоторый вес. Не смотря на страшный холод, господствующий в Болгарии, продолжает Абу-Хамид, царь Болгар со своими приученными к перенесению холода воинами ведет войны против неверных, жен и детей которых он уводит в плен. Эту способность к перенесению холода Абу-Хамид приписывает тому, что Болгары питаются медом, мясом бобров и белок. Дальше Абу-Хамид говорит о великане, не обыкновенном силаче, которого он будто бы видел там на службе при царе, об огромных зубах (вероятно, клыках мамонтов), находимых там в земле и вывозимых для продажи в Ховарезм, где их покупаюшь и употребляют для изготовления разных предметов. Остальные известия его мы можем пропустить; но нельзя не заметить очень любопытного указания Абу-Хамида, что имя «Билар» вместо Болгара было известно уже в начале XII века. Это имя принимали тогда даже за первоначальное и туземное; упомянутый болгарский кади говорит, что город получил название от Билара, который ввел у них ислам, и что это имя арабизировано в Болгар; но это, без сомнения, неверно.

О другом путешественнике, посещавшим город Болгар, вероятно, в XIII веке по имени Хасан-Руми, говорит Кади Шихаб-эд-Дин эль-

Омари, писавший в первой половине XIV в., в своем сочинении «Месалек-эль-абссар фи мемалек-эль-амссар» (См. Notices et extraits des manuscrits, ч. XIII, стр. 277.).

Известия о Болгарах Ахмеда эт-Туси (Hammer, там же, стр. 34 и след., и 98 и след.) не имеют никакой цены; он даже не знает, где лежит Болгария. Известия его о городах, находящихся в этой стране, по моему мнению, также не имеют для нас никакого значения.

Абульфёда (Georg. стр. *** и след. и trad. стр. 324 и след.) говорить о городе Болгаре под статьей «Билар» и полагает, что оба названия означают один и тот же город. Затем он продолжает: Билар находится на самом севере обитаемой земли и лежит в долине, на расстоянии одного дня пути от гор, немного к северо-востоку от Волги. До Сарая, находящегося также на берегу этой реки, 20 дней пути. В городе находятся три купальни, и жители его мусульмане.

Абульфёда говорит потом о холоде, господствующем в Болгаре и до того сильном, что там не могут созреть плоды, и о долгих летних днях.

Шемс-эд-дин Димешки, космограф начала XIV века, упоминает (В своей «Космографии», изд. Мерена (Mehren), стр. ***) о пилигримстве, совершенном многими Болгарами в Мекку через Багдад, где пилигримы запаслись лошадьми и другими необходимыми для путешествия предметами, и замечает притом, что Болгары, когда их спросили, что они за народ, ответили: «Мы народ, родившийся между Тюрками и Славянами». Смысл этого ответа, по всей вероятности, тот, что они принимали себя за народ, смешанный из Тюрков и Славян. Так понял этот ответ и Френ (Die aelteste Nachrichten uber die Wolga-Bulgaren ect., стр. 550.).

Из Ибн-эль-Варди, впрочем, не рассказывающего о Болгаре ничего нового, мы узнаем, что этот город пользовался большой славой на востоке; Ибн-эль-Варди, говорит, что описание его превышает всякую вероятность (Ср. выше, стр. 86, примеч. b.).

Хаджи Халфа, придерживающегося ложного мнения, что язык и нравы Болгар сходны с языком и обычаями Руссов, рассказывает о богословском споре относительно Болгар между двумя мусульманскими учеными в Ховарезме. Болгары обратились к ним с вопросом, обязательна ли для них вечерняя молитва летом, тогда как у них нет ночи. Из этого обстоятельства, равно как и из многих других,

мы видим, до какой степени ислам вкоренился в земле Болгар в позднейшие века (Известный путешественник XIII века Руйсбрук также говорит о Болгарах: *etilli Bulgari sunt pessimi Saraceni, fortius tenentes legem Mahometiquam aliqui alii*; см. *Recueil de Voyages*, t. IV, стр. 267.). Из другого обстоятельства мы узнаем, что в Болгарии распространялся не только ислам, но и науки, известные мусульманам. Дело в том, что мы находим известия об одном ученом уроженце этого края, по имени Бурхан-эд-Дин Ибрахим Ибн-Юсуф Болгари. Он сочинил комментарий к прославившейся между мусульманами книге «Адаб», сочинения Самарканди, и еще комментарий к книге Иссери о риторике и, наконец, сочинение «о простых лекарствах». Это сочинение его, кажется, было довольно известно мусульманам (См. Хаджи Халфа, *Lexic. bibliogr.*, I, стр. 210; IV, стр. 442 и след. № 9, 106 и VI, стр. 34, № 12, 624.).

Известия магометанских писателей о Болгарах мы передали здесь вкратце, не обращая, конечно, внимания на тех авторов, которые ограничиваются лишь повторением того, что было сказано их предшественниками. Тем не менее, лица, желающие исследовать историю Болгар, найдут в предложенных извлечениях необходимый для этого материал, который представляют нам восточные писатели, и по справедливости оценить известия Ибн-Даства.

О торговле Болгар с разными народами и о предметах их торговля мы поговорим подробно ниже в примечания 98.

30. Это согласуется с теми писателями, по известиям которых Буртасы живут между Хозарами и Болгарами.

31. Если здесь сказано при «береге», а не при «берегах», то я не полагаю, чтоб Ибн-Даства хотел этим сказать, что Болгары жили на одном только берегу, ибо это противоречило бы многим вышеприведенным известиям, также и действительности. Поэтому я считаю это выражение Ибн-Даства неточным. — В соответствующем месте эль-Бекри действительно значится: (***) , т.е. - «Их (Болгар), жилища находятся по обоим берегам Волги».

32. Очевидно, что Ибн-Даства хочет сказать не то, что Хозары жили по одной стороне, а Славяне по другой стороне реки, но то именно, что Волга разделяется между Хозарами и Славянами, то есть, как те, так и другие живут на берегах этой реки. И в самом деле, ниже, в § 3, стр. 23, Ибн-Даства говорит о Руссах, которые имели свое

местопребывание по обоим берегам Волги, и которых он считал, следовательно, за Славян — Соответствующее место эль-Бекри гласит: (***) , Derfemery переводить: *lis* (т. е. Болгаре) *separent les Borthas des Slaves*. Текст и перевод неверны; ибо вместо (***) следует читать (***) , что нужно относить к Волге, как видно из Ибнъ-Даста.

33. У эль-Бекри (***) — это тот самый царь, у которого был Ибн-Фодлан, и имя которого мы встречаем в его известиях под названием. Алмус, вместо Алмуш. Произношение этого имени не вполне известно, так как Ибн-Фодлан пишет только буквы «Алмс», а Ибн-Даста — буквы «Алмш», и к тому же первая буква может читаться как *e*, или как *o*, или как *u*. Вероятно, это имя произносится Алмус или Алмос с ударением на *a*. Как известно, отец Арпада, основателя первой мадьярской династии, выведшие Мадьяр из их первоначального жилища, по известиям самого древнего мадьярского историка-анонима (*Anonymus Notarius Belae*), назывался Алмос. Напротив того император Константин Багрянородный пишет имя его: (***) (*de Administr.*, гл. 38). Начальное *s* произошло здесь от члена *Az* предшествующего самому имени (См. *Fessler, Geschichte von Ungarn*, ed. Klein, стр. 49, прим. 3.). Не подлежит сомнению, что имя нашего болгарского царя тождественно с именем мадьярского предводителя, и мы, прежде всего, можем заключить, что имя первого произносилось Алмус или Алмос, но никак не Алмас, Улмас или Улмос. Тождественность обоих этих имен весьма замечательна в этнографическом отношении, потому что указывает на сродство языков Мадьяр и Болгар. Ближайшее исследование этого предмета я принужден оставить знатокам финских и тюркских языков; причем полагаю, что в рассмотрении этого вопроса, прежде всего, следовало бы разъяснить то обстоятельство, которому из двух элементов мадьярского языка, Финскому или тюркскому, принадлежит мадьярское имя Алмос.

§2

34. Это известие Ибн-Даста, очевидно, должно принимать не в географическом, а этнографическом смысле, то есть, Ибн-Даста хочет этим сказать, что три упомянутые им здесь племена были сродни между собою, а не то чтобы они были соседями друг другу. Доказательством этому может служить то обстоятельство, что, по всей вероятности, считаемое здесь за Болгар племя Эсегел (произношение

этого имени не определено с точностью), жило в Седмиградии или где-нибудь вблизи Дуная. Ибн-Даста говорит в следующей главе, где идет речь о Мадьярах, что один из округов, населенных этим народом, лежит между землями Печенегов и болгарских Эсегел; но так как известия Ибн-Даста о Мадьярах, равно как и другое его показание о местопребывании их, относятся к тому времени, когда они жили к югу от Печенегов, вероятно, между Дунаем и Днестром (Ср. ниже гл. IV, § 1, примечание 52.), то следовательно племя Эсегел жило далее, южнее к Дону и довольно далеко от волжских Болгар. Если мы примем вышеупомянутое показание Ибн-Даста этнографически, то должны принять и то, что название «Болгары» в обширном смысле было общим для различных между собою сродных племен, а в тесном смысле название Болгар принадлежало одному племени приволжскому. К тому же результату пришел и Цейс (См. его *Die Deutschen und die Nachbarstämme*, стр. 715.) на основании византийских писателей, ибо он утверждает, что «*Bolgarî*» не следует считать за отдельное имя, но за общее название различных племен Гуннов. Исследуем же, кто именно были эти сродные с Болгарами племена.

Византийский летописец Феофан сообщает известие, что Хозары происходят изнутри страны Берзилии (См. Феоф. Хронограф, стр. 298 и ср. *Nicéphor*, стр. 23.); но у него не показано, где именно эта земля находилась. В географии, приписываемой Моисею Хоренскому, находится известие, что народ Барзилеев, считаемый там в числе обитателей Сарматии, занимал 70 рукавов Волги (О 70 рукавах Волги говорит также Якут, I, стр. ***, s. v. (***) ; ср. Аристова, Промышленность древней Руси, стр. 190.). Под этими 70 рукавами разумеются, без сомнения, те, которые Волга образует при впадении своем в Каспийское море; таким образом, мы видим, что Барзилеи жили в самой нижней части Волги. Но так как при самом устье ее находился главный город Хозар, то, вероятно, Барзилеи жили немного более к востоку или к югу отсюда. «Царь Севера, сказано дальше в этой географии, или Хакан, есть князь Хозар, царица или Хатун, супруга Хакана, — от народа Барзилеев» (См. *St. Martin, Mem. sur l'Arménie*, II, стр. 355 и 357.). В географическом лексиконе Якута (II, стр. *** s. v. (***) : (***) . Под Филем, (***) , вероятно разумеется страна Филаншаха на Кавказе.) находится известие от имени эль-Келби, что

Хозар, Борсол и Ховарезм — братья, чем выражено, что, страны Хозария, Барзилия и Ховарезм лежали рядом одна с другою. Доссон (*Les peuples du Caucase*, стр. 10; ср. *ibid.* примеч. 3.) сообщает еще известие, подчеркнутое из неизвестного мне источника, что Ануширван будто бы имел свидание с одним царем хозарским в Барсилия, (***)). Доссон замечает, что тут, может быть, разумеется Баршли, маленький город, в 4 или 5 лье на север от Дербенда. Хозарский царь Иосиф к народам сродным с Хозарами причисляет и народ, называемый им (***) Бизел; но так как буквы *i* и *r* в рукописях часто смешиваются, была бы не слишком смелою конъектура, читать здесь (***), Берзел вместо (***) Бизел. Под этим народом разумелись бы Берсилеи. Моисей Хоренский в некоторых местах (II, 65; ср. 48.) упоминает и о северном народе, по имени Бассиль, который вместе с Хазирами, т. е, Хозарами, производил набеги на Армент. Возможно, что Бассиль — а может быть и (***) Бизель — только сокращение из Барсилия, под которыми разумеются в свою очередь Бар-силеи. Мадыарский летописец XIII века, Симон де Кеца, говорит о государстве в Скифии по имени Barsacia (*Simonis de Keza, Gesta Hunnorum*, I, 2, стр. 88, ed. Endlicher (*Rerum Hung. Monum. Arpadiana*, 1849): *Sciticum autem regnum comprehensione una cingitur, sed in regna tria dividuntur, principando scilicet in Barsaciam, Denciam et Mogoriam.*), что также может быть искажение имени Barsalia. Как бы то ни было, мы узнаем из приведенных известий, что близь Каспийского моря, недалеко от устья Волги, находились земля Берзилия и народ Берзилеи, или Барзилеи; последние же, очевидно, были в тесной связи с Хозарами. От Ибн-Даства же мы узнаем, что Барзилеи принадлежат болгарскому племени.

Вивиен де Сен Мартен (См. *Recherches sur les populations primitives... du Caucase*, Paris, 1847, стр. 146 и след. и статью того же автора *Sur les Khazars* в *Nouv. ann. des voyages*, 1854, II, стр. 134 и след.), который приводит сообщенные нами известия о Барзилиях из географии, приписанной Моисею Хоренскому, высказывает предположение, что под упомянутыми Геродотом (IV, гл. 6 и 56) *SkuJai basilihioi* в связи с *katiaroi* (в которых этот французский ученый видит Хозар, называемых Армянами Хазир) должно разуметь не «царских Скифов», как обыкновенно переводят это имя, но Скифов берзилийских. Геродот, говорит этот ученый далее, изменил имя

Barsilhoi в знакомое ему название Basilhoi, и это название ошибочно считали за «царские». По сравнению всех мест у Геродота, где речь идет об этих SkuJai basilhoi, я пришел к убеждению, что эта гипотеза тогда только может быть оправдана, когда мы допустим, что предполагаемая ошибка берет свое начало у самого Геродота, то есть, что он сам вместо SkuJai Barsilhoi писал SkuJai basilhoi, и что он сам понимал это прозвание в смысле «царские», потому что он считал этих Скифов за знаменитивших oi aristoï, которые смотрели на остальных Скифов, как на своих рабов (см. IV, гл. 20). Одно отложившееся от этих Скифов поколение жило, по Геродоту (IV, гл. 22), почти на том самом месте, где жили Барзулы Ибн-Даста или Барзилии Моисея Хоренского (Ср. Herodot, ed. Greuzer и Ваer, ed. alt., t. II, стр. 338.). В случае, если бы предположение Сен Мартена получило подтверждение, мы имеем бы ясное доказательство тому, что между Скифами находились и такие племена, которые совсем не принадлежали к индоевропейским народностям, что, впрочем, по моему мнению, нет надобности и доказывать.

Труднее объяснить название второго здесь упомянутого болгарского поколения. Это же имя пишется здесь (***) «Асгл», причем первая буква может произноситься как *e*, или *o*, также как *y*. Хотя во втором вышеупомянутом месте это имя пишется (***) «Аскл», но это *k*, очевидно, произносится здесь по персидскому выговору, как *z*, так как Персианин Ибн-Даста, или по крайней мере, Персианин, переписчик рукописи, которою я пользовался, пишет имя Болгар также с буквою *k*. Эль-Бекри, который цитирует второе место из Ибн-Даста, пишет (у Дефремери, Fragm., стр. 12) это имя (***) «Ашкл», и здесь *k*, конечно, произносится как *g*. Абульфеда же, который имел пред глазами это место из Эль-Бекри, пишет это имя (***) «Алскк», при чем «Ал», очевидно, есть только арабский член, который Абульфеда считал нужным прибавить, а последнее (***) *k* происходит от арабской конечной буквы (***) *l*, которая весьма сходна с арабскою конечною (***) *k*. Таким образом, Абульфеда или читал в своем оригинале только (***) «Скл», или имел также пред собою (***) «Аскл», но полагал только, что (***) *l* арабского члена выпало, и вследствие этого он писал (***) «Алскл».

Какое же племя подразумевается под этим именем? По показаниям Ибн-Даста, оно было родственно Болгарам и жило к югу

от бывших местопребываний Магьяр, то есть, где-либо в близости нижнего Дуная. Я предполагаю, что это имя произносится Эсегель или Эсегуль, и что под этим именем разумелись живущие с самых древних времен в Седмиградии, *Saculi*, или *Seculi*, нынешние Секлы, или Секлеры, *Szekely*, как обыкновенно пишут Магьяры, и *Sekei*, как они сами себя называют. Уже нотариус-аноним короля Белы, который, по мнению некоторых, писал уже во второй половине XI столетия, знал о Сикулах (*Siculi*), живших в Седмиградии, и считал их потомками Гуннов (Гл. 50: *et omnes Siculi, qui primo erant populi Athile regis.*). То, что он пишет это имя *Siculi*, а не *Saculi*, подобно другим позднейшим магьярским летописцам, объясняется его стремлением придать варварским именам классическую форму, вследствие чего он употреблял встречаемое в классической литературе, имя *Siculi*, то есть, Сицилийцы, вместо *Saculi*. В другом месте (гл. 11) он говорит о Хозарах (*gentes qui dicuntur Cosar*), которые при прибытии Магьяр жили в близости Седмиградии. Но так как сродные Болгарам Хозары (см. выше, стр. 73) едва ли могли пробраться до этой местности, то можно предположить, что аноним легко мог заменить здесь болгарское племя хозарским. Точно также упоминает о *Saculi* магьярский летописец XIII века, Симон де-Кеза (Там же, I, 4, стр.100: *Remanserunt quoque de Hunis virorum tria millia... qui timentes occidentis naciones in campo Chigle usque Arpad permanserunt, qui se ibi non Hunos, sed Zaculos vocaverunt. Isti enim Zaculi Hunorum sunt residui, qui dum Hungaros in Pannoniam iterato cognoverunt remeasse, redeuntibus in Ruthenie finibus occurrerunt, insimulque Pannonia conquestata, partem in ea sunt adepti, non tamen in piano Pannonie, sed cum Rlackis in montibus confini sortem habuerunt.*); он считал их остатком Гуннов и говорит, что они вместе с Валахами жили в Седмиградии. Более подробно говорит о них третий магьярский летописец Туроц (*Thwroc*); относительно их местопребывания и происхождения он согласен с двумя вышеупомянутыми хронистами, но кроме того прибавляет еще, что *Saculi* сами называли себя *Sekei* (*Thwroc*, ap. *Schwandtn.* стр. 78: *Tria millia virorum, eadem de natione (Hunorum),... metuentes ad Erdewelwe* (т. е. Семиградия) *confinia videlicet Pannonicae regionis se transtulere, et non Hunos sive Hungaros, sed ne illorum agnoscerentur esse residui, Siculos, ipsorum autem vocabulo Zekel, se denominasse perhibentur.* Он далее

замечает, что эти *Siculi* или *Zekel* донныне еще там живут и, в многих отношениях, отличаются от Магьяр.).

Если бы наше предположение о том, что под болгарскими Эсегель Ибн-Даста разумелись действительно магьярские Секлы, получило подтверждение, то и вышеупомянутая показания нашего автора о том же приобрели бы историческую важность. Так, мы находим, что Секлы уже в начале X столетия жили в тех же местах, в которых они живут и теперь; этим же опровергается мнение тех ученых, которые считают их потомками гораздо позднейших Куманов и предполагают, что имя их просто значить пограничные стражи (См. Schlozer, *Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen*, стр. 183, 219 и 222.); показания же упомянутых магьярских хронистов о их происхождении этим и подтверждаются, хотя бы косвенным образом, потому что Болгары также были потомками Гуннов. Подобным образом опровергается предположение Шафарика, что Секлы могли быть потомками славянских Сакулати, которые жили около середины IX столетия в окрестностях Солуня (См. Шафарик, *Slawische Alterthümer*, II, стр. 204, прим. 2 и ср. там же, стр. 194 и 222.). Известия Ибн-Даста показывают также неправильность воззрения некоторых новейших магьярских историков, которые утверждают, что Секлы были только отраслью Магьяров, отправившиеся в горы в то время, как последние жили при Пруте, недалеко от тех же гор (См. Szalai, *Geschichte des Ungarischen Reiches*, Pesth. 1861, I, стр. 9, примеч. 4, и Fessler, *Geschichte von Ungarn*, bearbeitet von Klein, 1867, 1, стр. 25.); дело в том, что, по Ибн-Даста, один округ Магьяр граничил с жилищами племени Эсегель; но говоря это, Ибн-Даста ясно различает тех от других и причисляет последних к Болгарам.

По этому поводу я позволяю себе высказать еще два предположение, которым, впрочем, не придаю большого веса, но высказываю их только в надежде, что, может быть, они возбудят специалистов к дальнейшим исследованиям и наведут на разрешение некоторых этнографических вопросов. Не напоминает ли имя *Zaragouoi*, «Асгл», которое может быть произносимо также Асгол, имя Сколот, как называли себя Скифы во время Геродота (IV, 6)? Далее, Приск, который был хорошо знаком с отношениями гуннских племен, упоминает в двух местах (стр. 158 и 161 Боннск. изд.) об одном народе *Kat*, который около 468 года, вместе с *Akatiroi* или *Katziroi*, (как их

называют в других местах) предпринимал набеги по ту сторону Кавказа. Отсюда не слишком далеко предположение, что имя «Асагул» (как это имя может быть произнесено) происходило от Сарагур. Это предположение находит себе еще подпору в том, что мы здесь встречаем Сарагур в связи с Акатирами или Катцирами, между тем как в высшей степени вероятно, что под последними подразумеваемы были Хозары, которые, как известно, назывались у Армян Кацир и во времена Сасанидов совершали частные нападения через Кавказ на Персию (См. Vivien de St. Martin, *Sur les Khazars*, стр. 144 и след.; Neumann, *Die Volker des suedlichen Russlands*, стр. 99. и след. и прим. 45 и Dorn, *Naehrichten uber die Chasaren*, стр. 6 и след.). Хозары же и Асагулы были сродные племена, так как оба эти племени были в родстве с Болгарами.

§ 3.

35. Последнее предложение в арабском тексте может относиться, как к Руссам, так и к Болгарам, потому что арабский текст допускает следующие смыслы «Все из них, (т. е. Болгарах), которые живут по обоим берегам помянутой реки, везут к ним (т. е. Руссам) товары свои» и т. п. Но такому пониманию арабского текста противоречит тот факт, что Руссы и в своей собственной земле добывали много мехов и даже продавали их в восточных местностях, как мы знаем это из многих других источников и от самого Ибн-Даста. В таком случае Руссы не могли иметь надобности покупать меховой товар у Болгар. Впрочем, мы еще будем говорить ниже (гл. VI. § 4. примеч. 98) о торговле Хозар, Болгар и Руссов, причем упомянем и об их меховой торговле.. Достопримечательно то место Ибн-Даста, где он говорит о Руссах, живущих на обоих берегах Волги. Тут едва ли можно разуместь шведских Норманнов, потому что, очевидно, здесь речь идет о таких Руссах, которые имели свои постоянные местожительства у Волги. Норманны же, конечно, едва ли имели постоянной оседлости на этой реке уже в конце IX столетия. Из этого места явствует также, что Ибн-Даста не считал, подобно другим арабским писателям, Каму за верхнюю Волгу (ср. выше, стр. 72), и что ему было известно настоящее течение средней Волги выше р. Казанки; ибо не подлежит сомнению, что под описанными им ниже Руссами (гл. VI) он, конечно, не мог разуместь финские племена, жившие у Камы. Если же в таком случае Ибн-Даста говорит здесь о Руссах, живущих у Волги, то он

разумел под этим именем не что иное, как ту реку, которую и мы называем тем же именем; ср. выше, стр. 90 прим. 32.

Весь этот § у эль-Бекри (стр. 12) передается следующими словами: (***) «Хозары ведут торговлю с Болгарами и также Руссы», т. е. эти последние также торгуют с Болгарами. У Defremery (I. с. 21) это место переведено неверно: Les Khazars commercent avec les Balcans (ч. Bolgars) et avec les Busses. (Об именах (***) ср. Ibn-Foszlan, стр. 208, прим. 7; Voyage d'Ibn-Batutah, II, стр. 401 и след. и Dozy, Dictionnaire detaille des noms des vetements chez les Arabes, стр. 358 и след., примеч. а и с).

§ 4.

36. По Ибн-Фодлану также видно, что пашни Болгар доставляли в изобилии ячмень и пшеницу; просо также принадлежало к их степным припасам (см. Френа, Die aeltesten Nachrichten der Araber ueber die Wolga-Bulgaren стр. 562 и 575).

37. Ср. выше, стр. 81 и след.

38. Подобное сообщает и Ибн-Фодлан о языческих Хозарах (см. Fraehn, De Chazaris, стр. 584 и 590).

§ 6.

39. По Ибн-Фодлану, дань у Болгар состояла в воловьей шкуре с каждого дома; см. Fraehn, Die aeltesten Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren, стр. 563 и 575. — Об налоге, состоявшем в одном куньем мехе который должен был платить в Руси жених, см. Schlozer, Нестор, V, стр. 127.

§ 7.

40. Ибн-Фодлан (там же), говорит о шапках, носимых Болгарами. Эль-Балхи говорит (лист 95): (***) «Одежда Руссов — короткие куртки, а Хозар, Болгар и Печенегов — совершенный (т. е., вероятно, длинные) куртки». Подобно же выражается Эдриси (II, 409) о Башкирах, говоря, что их одежда — большие (длинные) куртки подобно болгарским; (ср. Fraehn, Ibn Foszlan, стр. 74 и 248 и Dozy, Dictionnaire detaille de noms des vetements chez les Arabes, стр. 362, s. v. ***) Оба эти показания находятся в противоречии с показанием Ибн-Даста об одежде Болгар.

41. Ближайшие преемники вышеупомянутого болгарского царя Алмуса начали чеканить монету, и Френ, как известно, описал три болгарские монеты, из которых самая древняя относится к 338 (= 949

— 950), и позднейшая к 366 (=976) годам. Но как видно, эта чеканка монеты скоро прекратилась, так как, кроме, этих трех монет, по сие время не найдено никаких других болгарских денег.

42. Факт, что куний мех был употребляем вместо денег, давно известен (Ср. Карамзина, Истор. госуд. Росс. I, 3, стр. 150 и след. и примеч. 524, стр. 143 изд. Эйнгерлинга; Погодина, Исследов. III, стр. 281 и след. и VII, стр. 322 и след. — Еще в середине XIII столетия известный путешественник Рейсбрук говорил: *Moneta Rutenorum communis sunt peliculae varium varii et grisii*; см. *Recueil de voyages et de memoires*, ч. IV, стр. 329.); менее же известно отношение меховых денег к серебряным. Из Ибн-Даста мы узнаем, что куний мех у Болгар ценился в 2 1/2 диргема. Если мы примем, что диргем, как говорит Спренгер, равняется 72 сентимам (См. *Journ. of the Asiat. soc. of Bengal*, 1866, I, 2, стр. 125, и ср. *Sprenger, Leben und Lehre des Mohammed*, III, стр. 141.), то в таком случае цена куньего меха должна равняться одному франку 80-ти сентимам или 45-ти копейкам (см. Аристов, Промышленность древней Руси, стр. 302, где показано, что куний мех ценился в России в конце XV столетия около 90 коп. сер.)

43. Болгары, со своей стороны, получали за эти мусульманские монеты от народов, живших на западе, различные товары, которые они частью употребляли сами для себя, частью вывозили далее на восток, и таким способом магометанские монеты различным образом распространялись в отдаленнейших местах на западе (ср. вышеупомянутое сочинение Савельева, Мухаммеданская нумизматика и проч.).

Мадьяры (El-Modschgarijjah)

[44](#).

§ 1.

Между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель⁴⁵ лежит первый из краев Мадьярских. Мадьяры эти - тюркское племя⁴⁶. Глава их выступает в поход с 20,000 всадников⁴⁷ и называется Кендеһ. Это титул паря [26] их, потому что собственное имя человека, который царем у них — Джыла⁴⁸. Все Мадьяры повинуются приказаниям, которые дает им глава их, по имени Джыла, прикажет ли он на врага идти, или врага отражать, или что другое⁴⁹,

§ 2.

Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища⁵⁰. Земля их обширна; одною окраиной своею прилегает она к Румскому морю (Черному морю)⁵¹, в которое впадают две реки; одна из них больше Джейгуна (Аму-Дарьи); между этими-то двумя реками и находится местопребывание Мадьяр⁵². С наступлением зимнего времени, кто из них к какой реке ближе, к той реке прикочевывает и остается там в продолжение зимы, занимаясь рыболовством⁵³. Жить им зимой у тех рек удобнее чем где-либо. Земля Мадьяр богата лесами и водами, и почва там сыра. Много у них также и хлебопахотных полей⁵⁴. [27]

§ 3.

Мадьяры господствуют над всеми соседними Славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными. — Вера Мадьяр огнепоклонническая⁵⁵. — Воюя со Славянами и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, который зовется Карх⁵⁶. — Сказывают, что в прежние времена Хозаре, опасаясь

Мадьяров и других соседних с землею своею народов, окапывались против них рвами⁵⁷. — А как дойдут Мадьяры с пленными своими до Карха, Греки выходят к ним навстречу⁵⁸. Мадьяры заводят торг с ними, отдают им пленников своих, и в замен их получают греческую карчу, пестрые шерстяные ковры и другие Греческие товары⁵⁹.

Комментарии

§1.

44. Чтобы верно понять известия о Мадьярах, приведенных в тексте и находящаяся у других арабских писателей, необходимо сказать здесь несколько слов о происхождении этого народа, переселении его из первоначальной родины и месте его жительства в Европе до пришествия в нынешнюю Венгрию.

Мадьяры принадлежат, по всей вероятности, к Вогульскому племени, которое есть отрасль Угорской группы народов, составляющей в свою очередь, часть большой Алтайской семьи. Первоначальное место жительства Мадьяр находилось по обеим сторонам Уральского хребта, между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика или Урала. Они не только одного племени с Башкирами, но, кажется, входили когда-то в состав этого народа; так можно думать на том основании, что путешественники XIII века, посетившие страну Башкир, находили башкирский язык тождественным с мадьярским. По этой причине они и называли страну, обитаемую Башкирами, прямо «Великою Венгрией» (*major Hungaria* (См. *De facto Hungariae Magnae a fratre Ricardo... invento tempore D. Gregorii IX*, изд. Endlicher (*Monum. Arpad.* стр. 248 — 254), и ср. *Itinerarium Wilhelmi de Rubruck*, стр. 274, где говорится: *Ydioma Pascatur* (то есть Башкир) *et Ungariorum idem est*; потом на стр. 327.... *terra Pascaver, quae est major Hungaria*. Тоже мы находим у путешественников: Плано Карпини, который три раза (стр. 677, 708 и 747) называет Башкирскую землю «*magna Hungaria*», и Бенедик Полонус, который также говорит (стр. 776): *Bascurdos, qui sunt antiqui Ungari* (*Recueil de voyages*, ч. IV)). Арабские географы, как мы увидим ниже, идут еще дальше и ясно говорят, что есть восточные и западные Башкиры; последние живут в странах, смежных с Печенегами и Византийским государством.

Около 884 года одна часть мадьярского племени, притесняемыми восточными Печенегами, выселилась из вышеупомянутых стран под начальством того же Алмуса, отца Арпада, о котором шла речь выше (стр. 91). После долгих странствований они поселились в стране, смежной с Хозарией, и жили там в некоторой зависимости от Хозар. Страна эта получила название Лебедии по имени тогдашнего славного начальника их Лебедиаса, который, по всей вероятности, был преемником Алмуса. Местоположения ее нельзя определить достоверно. Притесняемые снова переселившимися в Европу Печенегами, Мадьяры отправились дальше на юго-запад и поселились, под начальством упомянутого Лебедиаса, в Ателькузе. Какую страну тут нужно разуметь, не сказано, и мы поговорим о том ниже, прим. 52.

Хозары беспрестанно имели столкновения с Печенегами, которые постоянно притесняли Мадьяр. Вследствие того Мадьяры были союзниками Хозар, но не имели до того времени общего начальника; ибо Алмус и Лебедиас были, кажется, только временными их предводителями, которым на определенное время давалось преимущество над другими начальниками родов. Между тем в борьбе со столь сильным врагом, каковы были Печенеги, один главный начальник был необходим для Мадьяр. По этой причине Хозарский царь пригласил к себе вышеупомянутого Лебедиаса, занимавшего тогда первое место между мадьярскими начальниками и женившегося на дочери знатного Хозарина, и предложил ему владычество над Мадьярами под верховною властью его (Хозарского царя). Бездетный Лебедиас отказался от этой чести и предоставил ее Алмусу или сыну его Арпаду. Это предложение было принято с общего согласия (См. Константина Багрянор. *De administr.* гл. 38, стр. 468 и след.). Дальнейшая судьба Мадьяр, как-то: их переселение из Ателькузы, странствования до овладения Венгрии и проч., могут не занимать нас, так как известия Ибн-Даста, как сейчас увидим, относятся только к тому времени, когда Мадьяры жили еще в Ателькузе.

Известия мусульманских писателей о Мадьярах довольно скудны. Имя «Унгар» или скорее «Хункар», (***) встречается у них редко. Но они знают название «Мадьяр» под формою (***), «Моджгар», а

обыкновенно называют их Башкирами. Мы ниже скажем, как они пишут и произносят имя Мадьяр.

Из известных мне мусульманских писателей, говоривших о Башкирах, древнейший, кроме Ибн-Даства, есть Иб-Фодлан. Но он знает только об оставшихся в своей родине Башкирах, через страну которых он ездил в Болгар. Известия его сообщает Якут в своем большом географическом словаре (I, стр. *** и след.). Френ издал их с латинским переводом в мемуарах Императорская Академия Наук в Санкт-Петербурге (*Memoires etc.*, t. VIII, 1822, стр. 621 — 628).

Масуди, очевидно, знает о Мадьярах в Европе и называет их (***), «Баджгард», то есть, Башкирами. Говоря о Черном море, он, между прочим, замечает (I, стр. 262): «По показаниям астрономов и древних ученых об этом море выходит, что море Болгар, Руссов, Ногайцев (У Масуди (***), что следует читать (***), «Ногай», т. е. Ногайцы. Имя этого племени встречается у мусульманских писателей под различными искажениями; чаще всего (***) и (***); везде следует читать (***), «Ногай», что доказал уже Вюстенфельд в *Zeitschrift fuer vergl. Erdkunde*, 1842, II, § 209.), Печенегов и Баджгард'ов — последние три народа Тюрки — не что иное как черное». (Это место в французском переводе передано не совсем точно; древние ученые ничего не знали о море Руссов, Печенегов и Башкиров и т. д. и не могли знать о таковом.). Под этими живущими около Черного моря Башкирами он, очевидно, разумел Мадьяр. В другом месте (II, р. 59), Масуди говорит о четырех кочующих тюркских племенах, живущих к западу от Хозар и часто воюющих с Византийцами. К этим племенам причисляет он Печенегов и Баджгард'ов, под которыми и тут можно разуметь только Мадьяр. В третьем месте, (I, стр. 288) он говорит о разных тюркских племенах и причисляет к ним племя, которое называешь (***), «эль-Джа'рия». С помощью маленькой конъектуры, как бы вызываемой арабскими буквами, мы получаем здесь имя (***), «эль-Моджгария». Но так как Масуди говорит здесь только о тюркских племенах, живущих в Азии, то мы склоняемся к предположению, что ему было известно племя Моджгар, то есть, мадьярское племя, оставшееся на родине, и носившее это имя. Абу-Зейд эль-Балхи также знает о европейских Мадьярах, но только под именем (***),

«Башджард». Он говорит: «Башджарды разделяются на два племени; одно племя живет на самой границе, Гуззия — то есть, Гузов-Куман — близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2,000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны Болгарам. Другие Башджарты граничат с Печенегами. Они и Печенеги — тюрки, и они ближние соседи Румийцев» ((***) ; ср. Истахри, стр. 97 (106); Dora, Geogr. Caucas., стр. 22 и 69 и выше, стр. 73 и 76. У путешественника wilh. de Rubruck (стр. 274) также сказано: Pascater (т. т. восточные Башкиры)... contiguatur Majori Bulgarie ab occidente. То же самое говорит путешественник Венедикта (стр. 766): postea Bileros..., postea Bascardos.), т. е. византийского государства. Эти Башкиры, из которых одна часть оставалась на востоке, между тем как другая живет в стране, смежной, с одной стороны, с Печенегами, а с другой, близкой к Византийскому государству, очевидно, Мадыяры.

Известия о Мадыярах эль-Бекри страдают неверностью в географическом отношении. Он сообщает нам очень короткое извлечение из Ибн-Даста, прибавляя кое-что изредка. Так, например, он говорит, что страна Мадыяра (Моджгария) имеет в длину 100 фарсахов (около 500 верст) и столько же в ширину. Потом он говорит о горе, которая находится на границе Мадыярской страны к степи, и на которой живет народ, занимающийся скотоводством и земледелием. Имя же этого народа написано в рукописи так неясно, что трудно разобрать его. У подошвы горы, продолжает он, на берегу моря живет христианский народ, по имени Аугуна. Страна их смежна с принадлежащими к Тифлису мусульманскими странами; там же начинается граница Армении. Эта гора, говорит он наконец, простирается до Дербенда и доходит до страны Хозар (См. Defremery, Fragm., стр. 12 и след. и 21 и след. и ср. прим. 3 к стр. 12.).

Эдриси знает только о Башкирах, живущих у источника Камы и около Урала, и в главных чертах верно указывает на их страну. Некоторая путаница в его известиях является вследствие того, что он помещает Печенегов слишком далеко на север, а потому неверно показывает и положение страны Башкирской в отношении к стране Печенегов. Замечательно его известие, что язык Башкир отличается от

языка Печенегов. О Башкирах в Европе он не знает (См. Эдриси, Georg. II, 336, 339 и след., 403, 406, 408 след. 416 и 437.).

Якут знает Башкир только в Европе и понимает под этим названием Мадьяр. Так, он говорит: Страна Башкир лежит между Константинополем и Болгарией. Это определение, конечно, не совсем верно; его нужно понимать так, что страна эта смежна с Византийским и Болгарским государствами. Потом Якут приводит вышеупомянутое известие Ибн-Фодлана, не замечая притом, что тут идет речь о совершенно других Башкирах; далее он рассказывает, что видел в Алеппо Башкир с рыжими волосами и лицом того же цвета. «Они исповедывают ислам и следуют учению Абу-Ханифа». Они описывали ему границы обитаемой ими страны, говоря, что они подданные короля Венгрии (***, Hunkar), где они заселяют около тридцати местностей, которые они однако же не имеют права окружать стенами, ибо король боится восстания. Относительно языка и одежды, продолжали они, «мы не различаемся от Ифрендж (тут, очевидно,разумеются Мадьяры, называемые народом Ифрендж'ов) и служим с ними вместе в войске». Относительно происхождения их вероисповедания они рассказывали предание, что семь болгарских юношей вводили и распространяли у них ислам. Мы сами, прибавили они, пришли в Алеппо для усовершенствований в звании ислама и будем занимать в своей родине важные духовные места (См. Fraehn, de Baschkiris, стр. 621 и след. и Якута, I, стр. *** и след.; ср. Абульфеда, Georg, trad, стр. 224 и след., прим. 5. стр. *** и след.). Итак, Якут в разбираемом месте говорит о Башкирах-мусульманах живущих в нынешней Венгрии. Конечно, можно утверждать, что тут идет речь об отдельных толпах башкирских, попавших в страну Мадьяр вследствие неизвестных нам событий; но можно представить доказательства к тому, что этих мусульман называли Башкирами лишь по той причине, что они жили в стране, жителей которой Арабы принимали за Башкир. Правда, из слов Якута этого не вполне видно, но за то слова Казвини служат ясным доказательством.

Казвини описывает ((***) , стр. *** и след.) положение Башкирской страны точно также, как Якут; потом он дает краткое извлечение из отчета Ибн-Фодлана и, наконец, говорит следующее:

Один из мусульманских богословов Башкир рассказывает, что народ Башкир очень велик, и что большая часть их исповедует христианство; но есть между ними и мусульмане, которые должны платить дань христианам, как христиане у нас (то есть, в мусульманских странах) мусульманами Башкиры, продолжает он, живут в избах и не имеют крепостей. Каждое местечко предоставлялось в ленное владение знатной особе; когда же царь заметил, что эти ленные владения давали повод ко многим спорам между владельцами, он отнял у них эти владения и назначил определенное жалованье из государственных сумм. Когда царь Башкир во время набега Татар вызывал этих господь на войну, они отвечали, что будут повиноваться, только с тем условием, чтобы данные владения были им возвращены. Царь отказал им в том и сказал: Выступая в эту войну, вы ведь защищаете себя и детей своих. Магнаты однако же не послушались царя и разошлись. Тогда напали Татары и опустошили страну мечем и огнем, не находя нигде сопротивления. Из приведенной цитаты ясно видно, что Башкиры - мусульмане принадлежали к той же национальности, что и Башкиры-христиане. Что тут вообще идет речь о Венгрии видно: 1) из описания положения страны, описания, буквально согласного с известиями Якута, называющего эту страну именно страной Венгерцев, и 2) из известий об отнятии царем данных владений, о последовавшем затем набеге Монголов (арабские писатели обыкновенно называют их Татарами) и об опустошении ими страны. Эти известия не совсем точны, как бывает обыкновенно с народными преданиями о великих бедствиях, преданиями, состоящими из смеси истины и выдумок. Но мы знаем, что Мадьярский король Бела IV, действительно, отнял ленные владения у дворянства не задолго до нашествия Монголов, и что этим он вызвал сильное неудовольствие со стороны магнатов. Если же мы сопоставим теперь приведенные здесь известия Казвини с известиями Якута, который именно говорит о Башкирах в стране Венгерцев, то легко заметим, что под Башкирами и тот, и другой разумели именно Мадьяр.

Кто именно эти мусульмане в стране Мадьяр или Башкир, как ее называют Арабы, — это мы узнаем из западных источников: то были так называемые *Bileres*, то есть, высленцы из Билара или Болгарии, Болгаре-мусульмане. Во время мадьярского герцога Таксони (ум. 972

г.) около 970 г. пришла в Венгрию толпа мусульманских приволжских Болгар, под начальством двоих братьев, Билла и Боксу; а затем, не многим позже, пришла и другая толпа под начальством некоторого Хесена. Они были встречены дружелюбно, и им отвели сельбища на левом берегу Дуная, где они основали город Пешт (Notar. Belae, гл. 57). Это пришествие Болгар есть, без сомнения, следствие страшного набега Руссов, при Святославе, в 968 году, на страны Болгар и Хозар, о чем говорилось выше. Этих переселившихся из Болгарии мусульман называли в Венгрии Билерами (Bileres), то есть, Болгарами и Исмаилитами (Ismahelitae), то есть, мусульманами; в последствии они играли важную роль в Венгрии в качестве откупщиков и управляющих финансами, несмотря на всевозможные гонения и притеснения. Следы существования доходят до половины XIV века (См. Schlozer, *Krische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbuergen*, стр. 185 и след. и Fessler, *Geschichte von Ungarn*, ed. Klein, I, стр. 77.). Этих же мусульман в стране Мадьяр Арабы называют Башкирами, потому что они жили в стране, принимаемой мусульманскими писателями за страну Башкир.

Димешки, кажется, знал о Башкирах в Европе, ибо он говорит о большой реке Руссов и Славян, в которую впадают разные реки из страны Башкир, Маджара и Сордака. Я не могу определить наверно, какая река здесь разумеется; но так как под Сордаком разумеется нынешний Судак в Крыму, то Димешки в этом месте мог говорить только о Башкирах на западном берегу Черного моря. В другом месте он причисляет Венгерцев (***, Hunkar) и Башкир к народам, живущих на берегу Черного моря (См. Димешки, ed. Mehren, стр. 106 и 189 и ср. там же стр. 21, 146 и XLIX, s. v. Serdak; ср. Fraehn, *Ibn Fozzlan*, стр. 38 и след.). Помещая же Мадьяр и Венгерцев рядом с Башкирами он, очевидно, делает это только потому, что слышал эти три народные имени и думал, что под ними разумелись три различные народа, носившие каждый свое имя.

Но упомянутые три последние арабские писателя знают и о горном хребте Башкир, находящемся в седьмом климате, под которым они, очевидно, разумели Урал (См. Якуш, I, стр. ***; Казвини, II стр. *** и Димешки, стр. ***; ср. Fraehn, там же, стр. 194 и след.).

Многие другие позднейшие арабские авторы не умеют уже различать Башкир, оставшихся в Азии, от переселившихся в Европу, то есть, Мадьяр, и смешивают их; некоторые из авторов даже принимают за три различные народа Башкир, Мадьяр и Венгерцев (***, Hunkar). Так, например, географ Ибн-Саид говорит о них следующее: Земля Башкир (***, Башкард) лежит в седьмом климате; следовательно, где-нибудь около Урала. Но это не мешает ему сказать, что Башкиры Тюрки, и что они живут около Алеманов, то есть, Немцев, и живут с ними в мире. Эти Тюрки, продолжает он, обращены в ислам ученым Туркменом, который дал им наставления в мусульманских обрядах. Большая часть их жилищ, говорится дальше, находится на берегах Думы (то есть, Дуная), на южном берегу которой лежит их столица, по имени Керат (?). Страна их принадлежит к странам, на которые напали и которую завоевали Татары (то есть, Монголы), и жителей которых они грабили. К востоку от этой страны находится земля Венгерцев (***, Hunkar), братьев Башкир; они приняли христианство вследствие соседства с Немцами. Они имеют много городов и местечек с варварскими именами, на берегу большой реки (Дуная) и столица их называется Тартебуа (?). И эта страна, прибавляет, наконец, Ибн-Саид, была завоевана Татарами (См. Aboulfeda, Geogr., стр. *** и trad., стр. 294 и след.).

Происхождение столь запутанных известий легко объясняется следующим образом: Ибн-Саид не знал, что Башкиры жили и около Урала, и в Европе. На востоке он слышал о мусульманских Башкирах (так назывались в Алеппо, по свидетельству Якута, изучавшие мусульманское богословие мусульмане из Венгрии), земля которых лежала на берегу Дуная, близ Германии. Но вместе с тем он слышал и о Венгерцах-христианах, находившихся в тесной связи с вышеупомянутыми мусульманскими «Башкирами», которые также жили на Дунае, в соседстве с Германцами. Но так как эти известия казались ему противоречащими друг другу, то он и согласил их в том виде, в каком они приведены выше. Из его известия, однако же, ясно видно, что арабские писатели знали о башкирском народе около Германии, и что этот народ есть именно мадьярский.

Абульфедда также принял один народ за разные, вследствие различных его имен. Так, он говорит в одном месте, что земля Башкир (***) Басджарт), которые суть неверные и убивают всякого пришедшего к ним, находится налево от земли (восточных) Печенегов. Немного ниже он цитирует только что приведенное нами место Ибн-Саида, не подозревая, что речь идет о том же народе, занимающем только другое место. В добавок затем в третьем месте он приводит часть сообщенных выше известий эль-Бекри о (***) «Моджгария», снова не подозревая, что уже часто говорил о том же народе (См. Aboulfeda, стр. *** и *** и след. trad. 293 и 324. — Абульфедда на стр. *** виновен в некоторой небрежности. Известия свои (***) он позаимствовал буквально у эль-Бекри; но он пишет (***), вместо (***), что было уже замечено выше; потом он останавливается в середине предложения. У эль-Бекри говорится: (***), Абульфедда же останавливается на слове (***), и чтобы дать этой фразы смысл, он пишет: (***) вместо (***)).

Другие позднейшие арабские писатели говорят о Мадырах, но не сообщают ничего нового о них; эти авторы важны только для проверки известий древнейших писателей; равным образом следует обращать внимание на находящуюся у некоторых позднейших писателей форму имени Мадыр, о чем мы и поговорим теперь же.

Мы видели выше, что Мадыры упоминаются у Арабов под различными именами; предлагаем сопоставить их по главнейшим источникам и в хронологическом порядке, в надежде получить новый научный результат.

Ибн-Даства (около 912 года) пишет имя Мадыр (***), «эль-Моджгария»; но отбросив отсюда арабский член и окончание, мы имеем, (***), «Моджгар» или «Маджгар».

Ибн-Фодлан (около 922 года) говорит об восточных Башкирах и пишет имя их в приведенном Якутом отрывки его отчета о его путешествии: (***) «Башкард»; тут впрочем, произношение гласной второго слога не определено. Я, конечно, предполагаю, что Якут

передал нам имя, как он его нашел в подлиннике, ибо сам он пишет это имя несколько иначе, как мы сейчас увидим.

Масуди (около 943года) пишет имя Мадьяр: (***) «Бадж-гард», но он, кажется, знал и форму; (***) «Моджгар», если только сделанная мною выше конъектура верна.

Абу-Зайд эль-Балхи (около того же времени) называет в одном месте как уральских, так и европейских Башкир: (***) «Башджард», а в другом месте, по одной рукописи, (***) «Башджарт». И здесь произношение гласной второго слога неопределенно. Персидские писатели, пользовавшиеся эль-Балхи, пишут: (***) «Башхарт» (См. Dorn, Georg. Gaus. стр. 23 и Мельгунова, там же, стр. 295.), что впрочем, может быть, описка.

Эдриси (около половины XII века), знающий только об уральских Башкирах, пишет имя их: (***) «Басджерд» или (***) «Басджерт», судя по рукописи, которою пользовался французский переводчик.

Якут (в начале XIII века) дает различные формы, а именно: (***) «Башгирд», (***) «Баяш-Джерд», (***) «Башджерд» и (***) «Башкерд», и называет так Башкир уральских и венгерских.

Ибн-Саид (около половины XIII века) пишет: (***) «Башкерд» и знает также имя (***) «Хункар», т. е. Венгер.

Казвини (около того же времени) пишет имя восточных и западных (***) «Башгарт».

Димешки (в начале XIV века) называет восточных Башкир, (***) «Басхарт» (Так нужно читать это слово в Демишки, стр. 22, вместо неверного (***) «Исхарт») и знает европейских под именем (***) «Башкард», (***) «Маджар» и (***) «Хункар». Как уже сказано выше, Демешки не знал, что эти имена означали один только народ и, следовательно, приводил имена, которые он находил в разных источниках.

Равным образом и Абульфеда (около 1320 года), который находил в разных источниках имена: (***) , «Басджерт», (***) , «Башкерд», (***) , «Хункар» и (***) , «эль-Моджгария»; думал, что эти имена означали разные народы.

Персидский писатель середины XV века, часто приводимый нами Шукр-аллах, дает короткое извлечение из известия Ибн-Даства о «Моджгар», то есть, Мадырах, но пишет имя это (***) , *Mxrkh*. Двое позднейших турецких писателей, которые взяли из него те же известия, пишут это имя точно также (См. Hammer, *Sur les origines Russes*, стр. 47, 55, 64, 71, 108, 123 и 130.). Шармуа, который приводит это имя по Гаммеру, изменяет это имя в (***) , «Мечерека» и думает, что оно имя финского племени Мещеры, обитавшего когда-то в нынешней Пензенской губернии и выслившегося в последствии в землю Башкир около Оренбурга (См. Charmoi, *Relations de Masoudi etc. в Mem. de l'Acad. Imp. de St.-Peterb. t. II, 4834*, стр. 367 и 402, и ср. Schloezer, *Nestor, II*, стр. 466 и 468, и Fraehn, *Ibn Fozzlan etc*, стр. 45.). Но это предположение не может быть верным по той причине, что сообщенные Шукр-аллахом известия, как выше сказано, первоначально принадлежат Ибн-Даства, который относил их к Мадырам. Странное же имя (***) , «*Mxrkh*» можно объяснить только следующим образом: оно или конъектура, сделанная Шукр-аллахом, или его источником из непонятого ему месте, «Моджгария», при чем он действительно мог бы думать о Мещере, или же оно просто испорчено из (***) , «Моджгария»; последнее кажется мне более вероятным.

Из общепризнанного теперь факта, что Мадыры происходят от Башкир (Ср. Fessler, *Gesch. von Ungarn*, ed. Klein, стр. 42 и след.) и из приведенных только что различных форм имени этого народа объясняется этимология имени Мадыр, до сих пор достаточно не разъяснены. Константин Багрянородный (*de administr.*, гл. 40) постоянно называет Мадыр Тюрками и знает только об одном мадырском племени, «Мегера». Нотарий Белы, древнейший мадырский историк, писавший не раньше второй половины XI века, говорит, что Мадыры сами называют себя «Могер» (*Notar. Belae, Prol.* стр. 2, ed. Endlieher.... *per idioma alienigenarum Hungarii, et in sua lingua*

propria Mogerii vocantur). Более древняя форма имени Башкир, по Масуди, то есть, не позже первой половины X века, (***) , «Баджгард». Это имя, по всей вероятности, изменялось двояким образом: 1) На востоке из (***) , «Баджгард», образовались формы (***) , «Башгард», (***) , «Башкард», (***) , «Башкарт» и т. д. 2) На западе начальное (***) , м перешло в (***) , б, а конечное (***) , д было отброшено, и так явилась форма (***) , «Маджгар» из (***) , Баджгард»; (***) , Маджгар» перешел в (***) «Маджар», и эта форма наконец перешла в «Мадьяр». Последняя форма, конечно, не имеет сходства с именем «Башкир», но тем не менее оба происходят от первоначального (***) , «Баджгард».

Вот таблица перехода имени «Баджгард» в Мадьяр и Башкир: **Баджгард** Башгард Баджгар Башкард Маджгар Башкарт Маджгар Башкерт Маджар Башкирт Мадьяр Башкир

[45](#). Ср. выше, стр. 95. и след. примеч. 34.

[46](#). Тюрками, как известно, называются Мадьяры у Константина Багрянородного, Масуди и других арабских писателей. Выше было уже замечено, что эти этнографические известия имеют для нас мало цены.

[47](#). Это число, очевидно, слишком невелико. По известиям мадьярских летописцев Симона де Кеза (II, 1) и Туроча (II, 2), Мадьяры при выселении из родины состояли из семи племен, имевших каждое по 30,000 человек вооруженных, кроме военных начальников разных степеней. Но и это число навряд ли можно принимать буквально, и сообщаемое Ибн-Даста число относительно отдельных начальников или предводителей может быть приблизительно вторым.

[48](#). В соответственном месте у эль-Бекри только: (***) , т. е. «имя их царя Кендеһ». — Это известие Ибн-Даста нуждается в более подробном объяснении; по его словам, начальник Мадьяр называется Джыла, между тем как титул его был Кендеһ; но каково бы ни было произношение последнего слова, и то, и другое неверно. Правда, в Мадьярском государстве были некоторые магнаты по имени Gyula, и они даже играли в политике довольно важную роль (Нотарий Белы (гл.

б) упоминает и об одном «Gyula», сыне Тухутума, начальник седьмого племени Мадьяр при выселении их из первоначальной родины.), но никогда не были главами всего народа. Зато из Константина Багрянородного мы знаем, что «Gylas» был мадьярский титул; Константин говорит: «Кроме князя, начальника войска, который всегда из племени Арпада, у Мадьяр бывают двое судей, Гылас и Кархан, из которых первый стоит выше второго». При этом Константин замечает, что эти названия не суть имена собственные, а титулы (См. De administr., гл. 40, стр. 174 и след.). Вследствие этого мы склонны к тому мнению, что Ибн-Даста ошибся и передал нам дело наоборот; ему следовало бы сказать: Джыла — титул, а Кендеп имя собственное начальника Мадьяр. Это было бы также не совсем верно, потому что Гылас был только верховный судья; но даже и это оспаривает Фесслер (там же, I, стр. 87), думающий, что под Гыласом нужно разуметь только «gyiiles», то есть, народные веча, а отнюдь не должность. Я не могу решить верно ли мнение Фесслера, или нет, но во всяком случае ясные известия Константина Багрянородного и Ибн-Даста противоречат ему, и эти согласные между собою и все-таки независимые одно от другого показания не могут быть прямо отвергаемы.

Но что значит слово (***) «Кендеп»? В упомянутом выше извлечении у Шукр-аллаха оно пишется (***) «Кид» или «Кейд», и из этой формы турок Мухаммед-эль-Катиб делает (***) «Кит» или «Кейт» (См. Hammer, там же, стр. 47, 64 и след. 108 и 123 и след.). Последние формы, очевидно, записаны по наслышке, но из формы (***) «Кид», «Кейд», у Шукр-аллаха видно, что в его источники это слово было написано без конечного (***) *h*. Следовательно, мы имеем в обоих источниках (***) *k* в начале этого имени и (***) *d* на конце; вторая буква в одном источнике (***) *n*, во втором (***) *u*; но эту букву, кроме того, можно принимать и за *b*, и за *m*, так как (***) и (***) *b*, *u*, *n* и *m* в арабском алфавите различаются только точками, который, особенно при транскрипции иностранных собственных имен, очень редко ставятся верно (Как известно, Арабы сделали, вследствие такой неверной пунктуации, из Понтуса — Нейтес, (***) вместо (***), так что настоящее имя Черного моря оставалось им почти вовсе не известным.). Поэтому я допускаю следующую конъектуру: арабистам

известно, что в древних арабских рукописях начальное (***) к очень похоже на (***) л и почти не различается от него; следовательно, я читаю первую букву (***) л, вторую (***) б и третью (***) д, то есть, (***) Лбд = Лебед, и это, по моему мнению, имя Лебедиаса, древнего начальника Мадьяр, по которому древняя земля их называлась Лебедию, и которому хозарский Хакан предлагал владычество над всеми Мадьярами. Незнакомые с арабским языком, конечно, будут считать очень смелым изменение «Кенд» или «Кид» в Лебед, но арабисты вряд ли назовут это изменение даже конъектурой. Таким образом, мое объяснение известия Ибн-Даста состоит в следующем: Ибн-Даста говорит, что имя главы Мадьяр было Джыла и титул его Кендеһ; я же полагаю, что Ибн-Даста здесь ошибся: Джыла — титул, а вместо Кендеһ следует читать Лебед, имя известного верховного главы Мадьяр.

Я впрочем, не хочу утверждать, что эта конъектура единственная верная и возможная, и позволяю себе указать на некоторые другие объяснения, которые мне однако же кажутся менее вероятными. Между начальниками племен мадьярских, под предводительством которых они выселялись из первоначальной своей родины, Нотарий Белы (гл. 6) упоминает и о некотором Кунду. Правда, мы не знаем, играл ли этот вельможа важную роль между Мадьярами, но все-таки возможно, что писатель, передавал нам эти известия о Мадьярах, знал именно только об этом мадьярском предводителе и принимал его за верховного начальника всего народа. Укажу еще на титул и значение (***) Кендер-хакана у Хозар, занимавшего первое место в государстве после Пеха (См. Fraehn, De Ghazaris, стр. 586 и 592.); имя Кендеһ можно было бы принять за сокращение или извращение Кендера. Относительно Джыла можно еще указать на провинцию Печенегов, Gyula, обнимавшую нынешнюю Трансильванию, и царь которой, по крайней мере, около половины X века, назывался «Guula» (См. Константина Багрянородного, De adm. гл. 37, стр. 165; ср. Шлёцера, Kritische Sammlung, стр. 211 и 455.). Но эти последние конъектуры натянуты и не объясняют показаний Ибн-Даста.

49. «Дисциплина их (то есть, Мадьяр), говорит Фесслер (там же, стр. 90) была строга, и повиновение начальникам было чрезвычайное

по причине строгих наказаний, которые налагались на трусливых и упрямых»; ср. там же прим. 1, где показаны места, приводимые в доказательство; к ним следует прибавить еще одно место из сочинения епископа Оттона Фрейзингенского, где о Мадырах сказано: *Si quando vero exercitum rex ducere voluerit, cuncti sine contradictione quasi in unum corpus aducantur*; см. Шлёцера, там же, стр. 232.

§2.

50. Соответствующее место у эль-Балхи немного уклоняется: (***) (у Абульфёда, стр. ***). «Этот народ имеет палатки и хижины и отыскивает местности оплодотворяемые дождем и места травянистые.» — Это известие, конечно, относится к тому времени, когда Мадыры еще не имели постоянных жилищ и питались преимущественно охотой и рыболовством; ср. Schloezer, Нестор, III, стр. 107 и след и 141, и ниже примеч. 53.

51. (***); у эль-Бекри (***) «(простирается) до земли Румской, т. е. до византийского государства, что однако же неверно, как видно по следующим за тем словам: (***)»

52. Это известие важно и может служить к окончательному решению одного из сложных вопросов древнейшей мадырской истории. Мы привели выше известие Константина Багрянородного о том, что Мадыры, по выселении из Лебедии, отправились на запад и поселились «в тех местах, которые называются Ателькузу» (εἰς τὸν τόπον τὸν ἐρημοναζομένον Ἀτελκούζου). Но где лежало это Ателькузу? Мнения на этот счет крайне разногласны: одни помещают эту страну близ Дуная, между тем как другие ее ищут около Волги. Последнее мнение, столь решительно высказываемое Касселем (См. Gassel, *Magyarische Alterthümer*, стр. 139 и след. и 202, примеч.), совершенно лишено значения. Приводить остальные мнения и объяснять их здесь не уместно; об этом предмете довольно говорят мадырские историки. Мы попытаемся только разъяснить известия Ибн-Даста. По его словам, Мадыры жили между двумя реками, впадающими в Черное море, из которых одна больше Джейхуна = Оксуса = Аму-Дарьи. Под этими реками можно разуметь Днепр и

Днестр или Буг, или же Дунай и Днестр. Днепр, конечно, гораздо меньше Аму-Дарьи, но в устье он так широк и величественен, что иностранец, не знающий верхового его течения, пожалуй, может принять его за реку больше, чем Аму-Дарья. Но Ибн-Даста ниже говорит, что земля Мадьяр лесиста, а этого нельзя сказать о стране, лежащей между Днепром и Днестром, так как она крайне бедна лесами. Правда, Геродот говорит (IV, 9, 18 и след., 54 и след., и 76.) о лесистой местности, (ulaih gh) около Днепра, но она, по мнению большей части ученых, находилась на левом берегу этой реки, приблизительно около нынешних Алешек (Ср, Herodot., ed. Greuzer et Baer, t. 11, стр. 303 и след., ed. alt.; Herodot, ed. Stein, t. II, стр. 174.). Остальные страны, обитаемые Скифами, в том числе и земля между Днепром и Днестром, уже Геродотом описываются как крайне бедный лесами. Следовательно, Ибн-Даста мог тут разуместь только страну между Дунаем и Днестром, нынешнюю Бессарабию, в северной части которой и ныне находятся леса, а прежде находились, вероятно, еще большие. Известия Ибн-Даста, что страна, обитаемая Мадьярами, изобиловала водою и вследствие того была сыра, кажется, скорее относится к стране между Дунаем и Днестром, чем к стране между этою последнею рекою и Днепром. Другое его известие, что одна часть страны Мадьярской смежна с землею Эсегелов, также более согласно с этим мнением, если только верно, что под Эсегелами он понимал трансильванских Секлов.

Это известие Ибн-Даста о месте пребывания Мадьяр находится почти буквально, но в сокращении, у Шукр-аллаха, где еще прибавлено: «Одна из этих рек называется Вафою, и другая Итилем, и обе не больше Джейхуна». У Мухаммеда эль-Катиба первая река называется Вакою, и тут прибавлено, что обе они больше Нила и Джейхуна. У Хаджи Халфа наконец реки эти называются Волгой и Доном (См. Hammer, Sur les orig. Russes, стр. 4.7, 65, 71, 108, 124.). Оба последние писатели, очевидно, заимствуют это известие о Мадьярах у Шукр-аллаха и переделывают его известия произвольно; следовательно, позволительно предполагать, что и Шукр-аллах приводит имена этих рек по собственному благоусмотрению. Впрочем, я не знаю ни одной реки, впадающей в Черное море и носившей когда-либо имя Вафа или Вака.

53. Магьяры преимущественно занимались охотой и рыболовством. Так летописец Регино (под годом 889) говорит о них: «Et primo quidem Pannoniorum et Avarorum solitudines pererrantes, venatu ac piscatione victum quotidianum quaeritant». Это известие, правда, относится к более позднему времени, но и древний магьярский летописец, Нотарий Белы, упоминая о выселении Магьяр с востока, говорит, что рыба составляет главнейшую пищу их. Вот его слова (гл. 7): «Et nunquam viam civitatis vel habitaculi invenerunt, nee labores hominum comederunt, ut mos erat eorum, sed carnibus et piscibus vescebantur».

54. Некоторые магьярские историки предполагали уже, что Магьяры между прочим занимались и земледелием еще до поселения в нынешней Венгрии, но сколько мне известно, это мнение не было доказываемо никакими положительными свидетельствами. Положительные известия Ибн-Даста подтверждают это предположение, в пользу которого говорят и собственные магьярскому языку названия хлебных растений; ср. Fessler, Geschichte von Ungarn, ed. Klein, I, стр. 84.

§ 3.

55. Собственно: «огни», то есть, огонь во всех формах и явлениях, в число которых, может быть, входили и небесные светила. Мы не имеем никаких известий касательно религии Магьяр; но у народов, сродных с Магьярами, мы видим, что поклонение огню составляло главнейшую часть религии (см. Theophylakt., стр. 286, ed. Bonn.)

56. У эль-Бекри мы находим это место Ибн-Даста, (у Defremery, Fragm., стр. 12 и 22), но вместо слова (***) «эль-ниран», огонь, стоит слово (***) «Аутсан», идолы. Я полагаю, что последнее есть извращение первого, и что переписчик, или даже сам компилятор, написал общеупотребительное для означения язычников слово «идолопоклонники» вместо менее употребляемого «огнепоклонники» (ср. Fessler, там же, I, 88. 56) По известиям Ибн-Даста, Карх был порт на берегу Черного моря, обитаемый Греками. Я полагаю, что это не

что иное, как упоминаемый Гекатеем, Геродотом и многими другими писателями город Каркинит или Каркинэ, по которому и залив называется Каркинитским. Геродот говорит (IV, гл. 55), что город этот лежал на берегу реки Гипакыриса, на самом конце южного скифского берега по сю сторону Таврического полуострова. О том, какую реку тут следует разуть, мнения ученых не сходятся. Но г. Спасский и до него Мальден полагают, что эта речка Каланчак, текущая между Херсоном и Перекопом и впадающая в Днепр несколько выше устья его (см. Herodot, ed. Creuzer et Baer, t. II, стр. 416 и Спасского, О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах (Москва, 1850)); в этой книге вопрос о местоположении города трактуется подробно. Итак, мы узнаем из Ибн-Даста, что город этот существовал еще в начале X века и был цветущим торговым пунктом.

57. Это предложение, отделяющее предыдущее предложение от следующего самым неестественным образом, очевидно, находится не на своем месте, и очень может быть, что оно есть только примечание читателя, попавшее, вследствие ошибки переписчика, в текст, и очевидно, на неверное место. Но как бы то ни было, принадлежит ли оно Ибн-Даста или одному из его читателей — содержание его не совсем понятно. Мы знаем из других источников, что соседние с Хозарами народы им подчинялись и платили дань, и что они именно стояли в тесном союзе с Мадырами. Впрочем, кажется, что это показание Ибн-Даста само по себе — достоверно. Около Харькова и ныне существует вал Каганово, а около Воронежа некоторые другие валы, которые все приписываются Хозарам (См. Карамзина, История государства России. I, стр. 25 и след. и примеч. 90, стр. 36, изд. Эйнгерлинга, и Schafarik, Slawische Alterthümer, II, стр. 64 и след.). И так, если они и были в определенное время в дружных отношениях с Мадырами, то сношения их с этим народом прежде могли быть другими. Подобных случаев, что народы устраивали валы на большем пространстве много. Как известно, и ныне находятся около р. Донца валы со рвами, длиною в 50 верст, которые были сооружены для защиты от набегов крымских Татар (см. Guldenstadt, Reisen durch Russland, II, стр. 226, 227, 238 и след.). Подобный укрепления в больших размерах имели и Авары. Подробное описание их мы находим в сочинении *De gestis Caroli imperatoris*, соч. Monachi

Sangallensis (II, 1, в Pertz, Monum. Germaniae, II, стр. 748). Следовательно, возможно, что и Хозары строили валы и вырывали рвы в некоторых пунктах слабых и подвергавшихся нападениям кочующих народов; ср. Масуди, I, стр. 18 и след., где говорится о значительном отряде хозарском, который стоял между Доном и Волгою для защиты дороги от набегов Гузов и Руссов.

58. Греки выходили к Мадырям, которых не пускали в город; вероятно, Греки боялись насильственных поступков со стороны варваров. Подобную меру предосторожности, по некоторым известиям, употребляли и Генуэзские колонисты в Кафе.

59. Масуди (II, стр. 64) говорит о четырех тюркских племенах, к которым принадлежат и Мадыря (ср. там же, стр. 59), что они обыкновенно меняли взятых ими в плен женщин и детей на материю и платья шелковые и парчовые. Он же говорит, что Мадыря производили набеги на земли Славян, Франков и даже на Испанда.

Сообщенное здесь известие об обращении Мадыря со Славянами Шукр-аллах рассказывает так: «Мадыря, с одной стороны, и Славяне и Руссы, с другой (у Ибн-Дастан о последних ничего не сказано), постоянно воюют друг с другом. Первые побеждают последних, берут их в плен, приводят их в Византийское государство и продают их там» (см. Hamper, там же, стр. 47, 108; ср. там же, стр. 65, 71, 124 и 130). И здесь мы имеем пример обращения позднейших авторов с древними источниками, известия которых они часто переделывали и извращали.

Славянская земля

[60](#).

§1.

От земли Печенегов до земли Славян 10 дней пути^{[61](#)}. В ближних краях земли Славянской находится город, по имени Ва-и-^{[62](#)}. Путь туда идет по степям, по местам бездорожным, через ручьи и леса дремучие^{[63](#)}. Земля Славян есть равнина лесистая; в лесах они и живут.

§2.

Славяне не имеют ни виноградников, ни пашен^{[64](#)}. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный собирается. [29]

Зовутся эти кувшины улищ^{[65](#)} и заключают в себе каждый около 10 кружек меду^{[66](#)}. Разведением свиней занимаются они, ровно как (другие) овцеводством^{[67](#)}.

§ 3.

Когда^{[68](#)} умирает кто-либо из них, они сжигают труп его^{[69](#)}. Женщины их, когда случится у них покойник, царапают себе ноже^{[70](#)} руки и лица^{[71](#)}. На следующий день по сожжении покойника, отправляются на место, где оно происходило, собирают пепел и кладут его в урну, которую ставят затем на холм. Через год по смерти покойника берут кувшинов двадцать меду, иногда несколько больше, иногда несколько меньше, и несут их на тот холм, где родственники покойного собираются, едят, пьют и затем расходятся^{[72](#)}. [30]

§ 4.

Если у покойника было три жены⁷³, то та из них, которая утверждает, что она особенно любила его, приносить к трупу его два столба и вбивает их стоймя в землю, потом кладет третьей столб поперек, привязывает посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конец этой веревки завязывает вокруг своей шеи: тогда скамью вытаскивают из под неё, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умрет. После этого труп её бросают в огонь, где он и сгорает⁷⁴.

§ 5.

Все Славяне — огнепоклонники⁷⁵. Хлеб, наиболее ими возделываемый, — просо⁷⁶. В пору жатвы кладут они [31] просяные зерна в ковш, поднимают его к небу и говорит: «Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь нас ею в полной мере!»⁷⁷.

§ 6.

Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Последние длиною в два локтя, лютня же их восьмиструнная⁷⁸. Хмельной напиток готовят из меду⁷⁹. При сожигании покойников предаются шумному веселью⁸⁰, выражая тем радость свою, что Бог оказал милость покойному (взяв его к себе)⁸¹. Рабочего скота у них мало, а верховых лошадей имеет только один упомянутый человек⁸². — Вооружение их состоит из дротиков, щитов и копий; другого оружия не имеют⁸³. [32]

§ 7.

Глава их зовется супанеч (жупан). Ему они повинуются, и от приказания его не отступают. Жилище его находится в середине земли Славян. Помянутое выше лицо, которого титулуют они «главою глав» (великий князь), зовется у них Святополк. Это лицо стоит выше супанеча (жулана), который считается лишь его наместником⁸⁴. Он (т. е. великий князь) имеет верховых лошадей и питается исключительно кобыльим молоком⁸⁵. Есть у него также прекрасные, прочные и

драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, зовется Джерваб. Здесь у Славян происходят ежемесячно, в продолжение трех дней, торг: продают и покупают⁸⁶.

§8.

В земле Славян холод бывает до того силен, что [33] каждый из них выкапывает себе в земли род погреба, который покрывает деревянную остроконечную крышею, как видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством, и взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают уже одежду. В таком жильё остаются до самой весны⁸⁷.

§ 9.

Царь их объезжает их ежегодно. Если у кого из них есть дочь, обязан он давать (царю) по одному из платьев ее в год. Таким же образом обязан давать ему в год по одежде из платьев⁸⁸ сына его, если есть сын. У кого нет ни сына, ни дочери, тот обязан давать по платью в год от жены или служанки⁸⁹. Поймает царь в государстве своем разбойника, - [34] велит или задушить его, или же отдает его под надзор кого-либо из правителей на отдаленных окраинах своих владений⁹⁰.

Комментарии

§ 1.

60. В примечаниях к предыдущим главам мы старались собрать известия мусульманских писателей о тех народах, о которых говорилось в этих главах, а отчасти и разобрать эти известия критически. В этой и следующей главе это невозможно, потому что известия Арабов о Славянах и Руссах так обширны и разнообразны, что для передачи и критики их требуется объемистый том. Впрочем,

один из бывших моих слушателей взял на себя этот труд, и можно надеяться, что он и окончит его. Мы же, в настоящем случае, будем разбирать только те находимые у арабских писателей известия о Славянах и Руссах, которые могут служить к объяснению Ибн-Дастовых показаний. В разборе их я часто ссылаюсь на Шафарика, *Slawische Alterthümer*, и Палацкого, *Geschichte von Bohmen*, авторитет которых общепризнан. Хотя и нельзя совершенно освободить обоих этих историков от упрека в национальном пристрастии, но сочинения их все-таки служат, и еще долго будут служить основой исследований по славянской истории и этнографии. Я не считал своим делом проверять их источники, да и не всегда имел возможность к тому. Но в тех случаях, когда источниками служили Шафарику показания императора Константина Багрянородного, я проверял их. Критический разбор этого источника, конечно, завел бы меня слишком далеко, и я не считаю себя способным к тому. Но полагаю, что этот писатель-император имел средства и желание говорить правду, и что, следовательно, сомневаться в его показаниях или вовсе не признавать их можно только тогда, когда имеются на то очень важные и сильные доказательства.

61. Шукр-аллах, заимствовавший малочисленные свои известия о Славянах у Ибн-Дасты, говорит, что расстояние земли Славянской от Печенежской равняется 16 дням пути (см. Гаммера, *Sur les orig.*, стр. 47 и 108). Трудно решить, верно ли это известие Ибн-Дасты, или нет, потому что, во-первых, границы Печенежской земли были неопределенны, а во-вторых, нельзя сказать с достоверностью, каких именно Славян разумел тут Ибн-Даста. Константин Багрянородный говорит, что земля Печенегов находится на расстоянии одного дня пути от России: тут, вероятно, следует разуметь Киев. Он прибавляет, что один печенежский край смежен со славянскими местностями, платящими дань Руссам; он и называет эти местности. Ниже мы выскажем мнение, что Ибн-Дастовы известия о Славянах отчасти, кажется, относятся к северным, белым Хорватам, страна которых простиралась, по мнению Шафарика, от восточной Галиции через Карпаты до Исполинских гор в Богемии (см. Шафарика, *Slawische Alterthümer*, II, стр. 242 и след.). От этих-то Славян, земля которых, по Константину Багрянородному (*De Administr.*, гл. 31, стр. 152), лежала на

30 дней пути от Черного моря, и подвергалась набегам Печенегов, эти последние, может быть, и находились на расстоянии 10 дней пути.

62. Несмотря на все старания, мне не удалось разобрать имени этого города, и конечно, еще меньше определить его местоположение, хотя бы приблизительно. Но мы желаем дать возможность разбора этого имени специалистам, больше нас знакомым с прежними местами пребывания различных славянских племен, но не знакомым с арабским языком: первая буква, *в* может стоять и вместо *б* и, может быть, есть искажение или *д*. Вторая буква *а*, может быть, испорченное *л*. Одна из двух следующих букв *і* или *ј*, другая же или *б*, или *т*, или *н*; которая из этих двух букв *і* или *ј* — не определено. Последняя буква *б* или *т*. Как видно, число возможных комбинаций очень велико, и так как нельзя определить достоверно местоположения этого города, то я и не мог разобрать его имени. Могу впрочем, сказать наверно, что тут нельзя разуместь Киев, потому что элементы имени этого города, как ни извращали его арабские писатели, (обыкновенно (***)) все-таки вовсе не похожи на буквы, которыми здесь написано разбираемое слово: (***). Киев не лежал на расстоянии десяти дней пути от земли Печенегов и не находится в местности которая была бы подобна описываемой здесь. Не изменяя формы арабских букв значительно, мы получаем имя (***), «Краков» вместо (***). Этот город существовал уже в конце IX века, но вряд ли имел тогда такое значение, что мог быть известен арабским писателям.

63. Ср. Карамзина, Ист. госуд. Росс. I, 3, стр. 38 и примеч. 144, стр. 52 изд. Эйнгерлинга.

§ 2.

64. Это известие Ибн-Даста неверно. Конечно, правда, что не все Славяне занимались виноделием, но по свидетельству Константина Багрянородного (там же, гл. 30, стр. 145), были и Славяне, например, Хорваты, которые им занимались (ср. Fraehn, Ibn-Foszlän, стр. 28 и след.). Известно также и то, что Славяне вообще были преимущественно земледельцы, и что «земледелие», как выражается Шафарик (Slaw. Alterthtimer, I, стр. 537) «составляло главный элемент

первоначальной славянской жизни, которым определялось все прочее»(ср. Палацкого, *Gesch. von Bohmen*, I, стр. 87, Карамзина, там же, I, стр. 38 и след.; Макушева, Сказание иностранцев о быте и нравах Славян, стр. 118 и Аристова, *Промышленность древней Руси*, I, 5, стр. 48 — 64). Сам Ибн-Даста, впрочем, ниже § 5, говорить о том, что Славяне сеяли просо.

65. Не совсем отчетливо написанное арабское слово, (***) по моему мнению, следует читать «улиц», что почти тождественно с хорватским «ulisce», улей — Ср. Френа, *Die aeltest. Nachr. ueber die "Wolga-Bulgaren*, стр. 557, 569 и 546, прим. 46, где говорится о мёдном напитке Болгар, имя которого (***) у Вюстенфельда (***); я не берусь решать, имеет ли это какую-либо связь с (***) Ибн-Даста.

66. О пчеловодстве у Руссов и вообще у Славян см. Аристова, там же I, 3, стр.21 — 40 и Макушева, там же, стр. 120. Воск был одним из главных предметов торговли у Новгородцев и у древних Руссов вообще; см. Погодина, *Исслед. VII*, стр. 315 и след. и ниже примеч. 98.

67. Известно, что Славяне усердно занимались скотоводством (ср. Карамзина, там же, примеч. 145; Аристова, I, 4, стр. 40 и след. и Макушева, стр. 120) и в том числе, конечно, разведением свиней. Но Ибн-Даста обращает особенное внимание на этот предмет, без сомнения, потому что это особенно поражало и удивляло мусульманского писателя, которому религия запрещала употребление свинины.

§ 3.

68. Сообщаемый здесь и в следующих §§, равно как и в § 13 (стр. 40) следующей главы известия о погребальных обычаях Славян и Руссов, я несколько времени тому назад сообщил профессору Котляревскому, который обнародовал и разобрал их в книге: *О погребальных обычаях языческих Славян* (Москва, 1868), стр. 54 и след. Он говорит (на стр. 55 и след.) об этих известиях Ибн-Даста следующее: «Уже при первом взгляде на рассказ Ибн-Дасты, нельзя не заметить полной исторической правдивости его: так говорить может

только очевидец, или тот, кто записал показание достоверная очевидца; на это указывает и обстоятельная, трезвая передача фактов, незатемненных личным взглядом, от которого едва ли удержался бы собиратель летучих слухов, и еще более — соглашение их с другими свидетельствами славянской старины». Так как в означенной книге трактуется о погребальных обычаях очень подробно и основательно, то в следующих примечаниях я могу ограничиться только тем, что обращаю внимание на некоторые пункты, могущие служить дополнением к сказанному г. Котляревским.

69. К многочисленным свидетельствам Арабов о сожжении покойников у Славян я прибавляю новое, которое древнее всех известных до сих пор. Ибн-Вахшия, разработавший книгу «о земледелии Набатеев» в 903 году, сообщает (На стр. 476 принадлежащей мне рукописи: (***)) мнение, что тела умерших портят воздух, и прибавляет, что Инды, Славяне и др. по это причине сжигают умерших. В другом месте говорится гораздо подробнее о великой пользе сожжения умерших, к чему автор прибавляет (Там же, стр. 1148: (***)), что его удивляет каким образом Славянам, несмотря на свое невежество и незнакомство с науками, приходило в голову сжигать тела всех своих покойников, будь они цари или другого звания. Обычай этот, следовательно, был уже в конце IX века общеизвестным у Арабов. Известия других Арабов о том же предмете сообщает с подробным разбором их Котляревский, стр. 57 — 79.

70. В рукописи (***) , но такого слова нет в арабском языке. Персидское (***) значит «грязь»; это слово однако же здесь не идет вследствие относящегося к нему глагола (***) . Итак, несомненно здесь следует читать (***) или (***) ; оба эти слова означают «нож».

71. По поводу этого места г. Котляревский замечает (стр. 56): «Грубое выражение печали терзанием лиц и рук мы встретим далее, и в положительных свидетельствах старины, и в теперешних народных нравах». Тоже он доказывает и на стр. 104 и во многих других местах. Мы же постараемся доказать, что этот обычай чрезвычайно древен и существовал у цивилизованных и нецивилизованных народов. Уже в Пятикнижии упоминается о нем, и там он запрещается. Так, в книге

«Левит», XIX, 28 говорится: «Ради умершего, не делайте нарезов на теле вашем!» То же повторяется в книге «Второзакония», XIV, 1: «Сыны вы Господа Бога вашего, не делайте нарезов на теле вашем, и не делайте плечи над глазами вашими по умершим». Несмотря на эти запрещения, делать себе нарезы на теле при смерти родственника было общеупотребительно еще во время пророка Иеремии. Описывая будущее бедствие и одиночество жителей Палестины, он говорит XVI, 6: «И умрут на земле сей и великие, и малые; не будут погребены и оплакиваемы, и никто не делает за них нарезов на себе,» и т. д. Говоря далее о несчастьи Филистимлян, он восклицает (XLVII, 5): «Доколе будешь ты изрезываться?», то есть, доколе будешь ты делать себе нарезы в печали? О плачущих Израильтянах, пришедших в Иерусалим, говорится там же, XLII, 5, что они пришли с остриженными бородами, в разоренных платьях и «с нарезами». Исцарапывание женщинами лица своего в случае смерти родственника было обычным и в Афинах, и только Солон уничтожил этот обычай (см. Plutarchi vit. parall., Solon, 21). У Римлян также господствовал этот обычай еще во время императоров, несмотря на все запрещения. Уже в законах XII таблиц мы находим предписание: «Mulieres genas ne radunto», то есть, женщинам не следует исцарапывать себе щек (в случае смерти кого-либо) (см. Cicero, de legibus, II, 23 и 25). Фест по поводу этого закона XII таблиц замечает: «Genas radere est unguibus scindere vel cruentare». Это исцарапывание лица, следовательно, делалось не какими-нибудь инструментами, а ногтями, что, впрочем, видно и из других упоминаний; так, например, Виргилий, описывая печаль Анны о смерти сестры своей, Дидоны, говорит (Aeneid. IV, 673): «unguibus ora soror foedans»..., то есть, «ногтями сестра обезображивает себе лице». Те же слова повторяет Виргилий при описании печали Ютурны о брате ее Турне (там же, XII, 871). Цицерон (Tusc, III, 26) называет царапанье женщинами своего лица (laceratio genarum), безобразным родом траура (detestabile lugendi genus). Тем не менее, этот обычай, по-видимому, был общеупотребительным у Римлян; так, например, Овидий пишет жене своей (Eleg., III, 3, 51): Parce tamen lacerare genas! то есть, «оставь же царапанье щек». Тоже говорит Делии Тибулл (Eleg., I, 1, 67 и след.): Tu manes ne laede meos, sed parce solutes Crinibus, et teneris, Delia, parce genis! то есть: «не обижай духа умершего и щади распущенные волосы свои, Делия, и нежные щеки!»

О Скифах в стране Герреев, около Борисфена, и о так называемых царских Скифах Геродот говорит (IV, 71), что они в случае смерти царя отрезают себе часть ушей, подстригают волосы, изрезают руки, исцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелой. Эти истязания сами по себе не были, по-видимому, только выражением печали, но употреблялись, вероятно, и потому, что Скифы думали угодить ими умершим, и часто делалось это в смысле религиозного обряда. Гелиодор (Aethiop., VI, 14) говорит об одной Египтянке, оплакивавшей убитого сына: «Она схватила меч, стала им быстро размахивать, взывала к луне разными варварскими, слуху непонятными именами и, наконец, изрезала себе руку, и кровью, которую стерла лавровой ветвью, окропила костер». Плутарх говорит (Consol ad. Apoll, 22) о варварах, отрезающих себе известные части тела в случае смерти кого либо или изувечивающих нос, уши и т. д., и именно прибавляет, что они думают этим угодить умершим. Мы надеемся, что приведенными цитатами достаточно доказали древность этого обычая и трудность его истребления. Монография об этом обычай, которыми я однако же не мог пользоваться, писали: Wichmannshausen, De corpore scissuris figurisque non cruentando, Wittenberg, и I. G. Michaelis, De incisura propter mortuos в Obsevatt. sacr. Arnhem. 1752, 8, стр. 131 и след.

[72](#). По поводу этого места г. Котляревский, там же, стр. 56, замечает: «Обычай собирать пепел сожженного и справлять поминки по нем находит полное подтверждение в свидетельствах русской «Повести временных лет (о чем далее) (У него на стр. 414 и след.) и в рассмотренном уже нами показании Феофилакта (стр. 44 — 46), причем Ибн-Даста пополняет и уясняет их не точности, определяя время поминок и подробности обряда» (ср. Шафарика, I, стр. 517 и Палацкаго, стр. 183 и след.).

§ 4.

[73](#). Это положительное показание о многоженстве у Славян очень замечательно. Но есть и у других писателей свидетельства о том же, которыми по моему мнению, нельзя пренебрегать. Палацкий (Gesch.

von Bohmen, I, стр. 188 и сл.) говорить: «Нельзя решить, было ли многоженство общим обычаем, или просто дозволенным, или только терпимым; чешская история не показывает нам примеров того, кроме одного: Само», первый король чешский, в первой половине VII в., который, по свидетельству Фредегара, имел 12 жен. В примечании (178) к приведенному месту Палацкий замечает, что кроме упомянутого свидетельства Фредегара, существуют еще два, а именно: 1) жалоба Забоя в песне того же имени в Краледворской рукописи: «i jedinu družu nam imeti po puti wsei z "Wesny po Moranu» и 2) место в vita S. Adalberti (у Freher, стр. 78): prima et principalis causa, propter plures uxores unius viri etc. Но Палацкий полагает, что эти примеры многоженства были только злоупотреблением, которое позволяли себе лишь вельможи, подобно тому как и Каролинги все имели наложниц. Макушев (стр. 139 и след.) приводит еще свидетельство Сефрида, относящееся к балтийским Славянам; но Сефрид прибавляет, что, по крайней мере, у князей одна жена только считалась законной, остальные же были только наложницами. Сорок жен царя Руссов, о которых упоминает Ибн-Фодлан (у Френа, Ibn Foszlan, стр. 21), очевидно, были наложницами, если только это известие верно, в чем я, впрочем, сомневаюсь. Казвини (II, стр. 415) говорит о Славянах, что они берут себе по двадцати и более жен, и вследствие этого они столь многочисленны. Но на это показание нельзя обращать много внимания, потому что известия Казвини о Славянах, находящаяся непосредственно пред приведенным нами местом, находятся и у Якута, который их, однако же, относит к тюркскому племени Кеймаков (Кумыков?) (ср. I, s. v. (***) , стр. 839). По моему мнению, для решения вопроса о многоженстве древних Славян вес имеют только следующие показания: 1) приведенное выше место из жития св. Адальберга, и 2) одно место Нестора (у Шлёцера, II, 126), которое не приводится ни Палацким, ни Макушевым. Там говорится, что Радимичи и Вятичи, которых впрочем, Нестор представляет полудикими, имели две или три жены. Третье важное свидетельство по этому вопросу есть известие Ибн-Даста, столь определенное и приводимое им, так сказать, мимоходом. Показания Ибн-Даста о погребальных обычаях Славян, как доказал г. Котляревский, совершенно верны, а так как в тесной связи с ними стоит и известие его о многоженстве, то вряд ли можно сомневаться и в достоверности последнего; ср. Погодина,

Исследования, ч. II, стр. 368, где сказано: «славяне допускали многоженство, обыкновенное в то время; впрочем вероятно, в простонародии, у каждого мужа было по одной жене, а только у правителей и вельмож было большое число». Этому различию впрочем из известия Ибн-Даста не явствует (ср. также Погодина, там же, III, стр. 420 и след.). Замечательны однако же в этом показании Ибн-Даста слова: «Если умерший имел трех жен» и т. д. Мы скорее ожидали бы слов: «если умерший имел несколько жен» и т. д. Из того обстоятельства, что здесь говорится именно о трех женах, я заключаю, что таково было обыкновенное число жен у Славян, или по крайней мере, у богатых из них, и что не было позволено или употребительно брать больше трех жен.

74. Связь показывает, что здесь следует читать (***) вместо (***), как в рукописи. И эти известия Ибн-Даста во многих отношениях важны, на что и указывает г. Котляревский. Он (стр. 61) спрашивает, добровольною ли была смерть жены или нет, но сам собственно не решил этого вопроса. По известиям Ибн-Даста, ясно видно, что смерть была вполне добровольною, и что только одна из жен умершего лишала себя жизни, между тем как другие оставались в живых. В этом отношении согласны с Ибн-Даста и Абу-Зейд эль-Балхи, и Масуди, которые именно говорят, что смерть была добровольной (Истахри говорит, стр. 97. тоже. Это место только неверно переведено Мордтманном. Поэтому необходимо поправить и место у г. Котляревского стр. 79, строка 14 — 16.); первый, однако же, говорит о некоторых девицах, которых сжигали по собственному желанию их.

«Способ, говорит г. Котляревский, каким жена предаёт себя смерти, то есть, удушение веревкой, стоит в очевидной связи с жертвенным значением этого действия». При этом он ссылается на другое место своей книги (стр. 36 и след.), где утверждает, что «повешение и удушение было обыкновенным способом принесения жертвы». Мнение это подтверждается одним местом Ибн-Дастовых известий о Руссах (§ 9, стр. 38), где именно говорится, что они вешали и удушали свои жертвы, людей и животных без различия.

§5.

[75.](#) В рукописи (***) «быки», что однако же без сомнения неверно; следует читать (***) как выше (IV, § 3, стр. 27) у Мадьяр. И в соответствующем месте Шукр-аллаха мы читаем: (***) т.е. «Они (славяне) поклоняются также огню» (см. Hammer, там же, стр. 48 и 108.) — Это известие, очевидно, следует принимать также, как подобное ему показание о Мадьярах (ср. выше стр. 120, прим. 55). Оно, однако же, неверно. Арабы вообще имели очень неясные понятия об язычестве и описывали его или как идолопоклонство, или как поклонение небесным светилам, или как огнепоклонство — ибо им были известны: 1) идолопоклонники, 2) Сабийцы, которых они принимали за поклоняющихся звездам, и 3) огнепоклонники, вследствие чего они и разделяли язычников и язычество на эти три категории. Но известия их по этому предмету редко имеют действительную цену.

[76.](#) Император Маврикий (Strateg. IV, 5, стр. 275) также считает просо растением, преимущественно разводимым Славянами.

[77.](#) Ср. молитву Руссов в известиях Ибн-Фодлана; см. Френа, Ibn Fozlan, стр. 9.

§ 6.

[78.](#) О склонности древних Славян к пляске, пению и вообще музыке свидетельствуют многие древние писатели (см. Палацкого, там же, I, стр. 60 и 189, Карамзина, там же, I, 3, стр. 41 и след. и Погодина, Исследования, II, стр. 370). Более подробное известие об употребляемых ими музыкальных инструментах находим мы, сколько мне известно, только у Ибн-Даста. Феофилакт и Ибн-Фодлан упоминают только о гусях (см. Френа, там же, стр. 14 и ср. стр. 112, прим. 124). Было бы любопытно исследовать музыкальные инструменты западных неславянских народов, чтоб узнать, были ли у них музыкальные инструменты, подобные славянским. Если не были, это указывало бы — и по моему мнению, оно вероятно — на то, что древние Славяне сами делали их, из чего можно было бы вывести

заклучение о существовании некоторой степени искусства у древних Славян.

[79](#). Ср. Палацкого, I, стр. 69 и Аристова, стр. 79.

[80](#). В рукописи (***) . Это слово обыкновенно имеет след. значения: I. отправляться ночью куда-нибудь, или приходиться ночью; ударять одним предметом о другой, сражаться с кем-нибудь. II открывать кому дорогу или предлагать проход. III. потуплять глаза или опускать голову со стыда или горя. Все эти значения, даже последнее, не подходят; ибо здесь очевидно идет роль о действии радости, а не горя. Я поэтому изменяю букву (***) в (***) , вследствие чего слово получило значение, показанное в тексте.

[81](#). Ни из этого места, ни из подобных ему не следует заключать, что древние Славяне язычники верили в бессмертие души в нашем духовном и благородном смысле; такая вера была почти неизвестна даже самым цивилизованным языческим народам, и только древние Египтяне и Персы составляют отчасти исключение. В моем сочинении «Восемнадцать еврейских надгробных надписей» и т. д., стр. 165 (109 нем. изд.) я указал на большую разницу между верованием в продолжение индивидуального существования за гробом, причем люди представляют себе, так сказать, материальное продолжение земной жизни, и верованием в чисто духовное продолжение существования души, причем тело, подвергающееся тлению, совсем не принимается в соображение. Первое верование мы находим почти у всех народов, как у высоко образованных Греков и Римлян, так и у разных варварских народов нового и древнего времени. Последнее же есть продукт иудейства и чрез посредство христианства сделалось общим достоянием всех цивилизованных народов. Г. академик Стефани доказал до какой степени грубы и материальны были представления Греков о посмертном существовании (см. Stephani, Der ausruhende Heracles, стр. 17 и след.). Принимая это в расчет, мы не имеем никакого права предполагать, что у древних Славян были более высокие и благородные понятия о посмертном существовании души. Да оно и решительно невозможно; много ли и ныне найдется людей, которые могут представить себе чисто духовное блаженство после

смерти. Все свидетельства, напротив того, указывают на то, что древние Славяне верили в посмертное продолжение индивидуального существования человека, хотя и в измененном виде. Поэтому-то они и снабжали покойника всем тем, что нужно живому человеку: пищею и питьем, платьями, драгоценностями и оружием. Необходимым условием была и жена, и музыкальный инструмент, чтобы не скучать. Если покойник был богатым и знатным в этом мире, то получал и лошадей, и слуг. О другом веровании Славян и речи не может быть; но верование в бессмертие в том смысле, в каком мы объяснили его, без сомнения, существовало у них. Показание же Титмара, который говорит, что Славяне верили, что со смертью все кончается, нужно так понимать, что Славяне считали уничтожение после смерти как возможность, а именно как наказание, или следствие проклятая и гнева богов; см. Срезневского, О языческом веровании древних Славян в бессмертные души, в Журн. Мин. Нар. Пр., 1847, № 2; Карамзина, Ист. госуд. Росс. I, 3, стр. 61, и прим. 233, стр. 61; Котляревского, стр. 86 и след. и Макушева, стр. 91 и след.

Замечательно показание Ибн-Даста, что Славяне считали смерть, милостью, оказываемою богом. Я нигде не нашел подобного показания, и оно, по моему мнению, указывает на довольно чистые понятия о божестве и некоторую нежность и мягкость характера. У народов сурового характера подобные идеи не могут образоваться.

82. Под последними словами, очевидно, разумеется великий князь, как мы и видим это из следующего §. Ясно, что в предыдущем § речь шла об этом великом князе, и что какой-то переписчик ошибся и пропустил это предложение.

Показание Ибн-Даста о недостатке в лошадях у Славян, справедливо только отчасти. Чехи, например, имели много лошадей, так что они даже составляли предмета вывоза (см. Палацкого, I, стр. 187, и Макушева, стр. 120). Многие Славяне, напротив того, и древние Руссы первоначально постоянно сражались пешими и не имели конницы. Ибн-Даста именно говорит это о Руссах (см. ниже, гл. VI, § 10, стр. 39) и мы это знаем и из других источников (см. Аристова, стр. 41 и след. и ниже прим. 108). Вид этих Славян сражающихся только

пешими, может быть, и дал нашему автору повод к мнению, что они вовсе не имели лошадей.

83. Это известие не согласно с тем, что мы знаем о вооружении Славян, которые имели мечи, луки, большие, тяжелые щиты и бердыши (см. Палацкого, там же, I, стр. 186; Карамзина, Ист. госуд. Росс. I, стр. 34, и прим. 125, стр. 50 изд. Эйнгерл.; Аристова, стр. 114 и Макушева, стр. 190). Но во всяком случае Ибн-Даства понимает здесь только вооружение простолюдина, ибо в следующем параграфе он говорит, что князья имели отличные кольчуги.

Позднейший турецкий писатель второй пол. XVI века, Сипахи-Задэ Мухаммед Эфенди говорит о Славянах: (***) «они имеют полное вооружение, кольчуги, шлемы и мечи»; см. Charmoi, Relation de Masoudi etc стр. 360, 364 — где (***) переведено неверно — и ср. *ibid.* стр. 402. О топорах и обоюдоострых мечах, как полагает Шармуа, здесь не говорится.

При этом случаю я позволяю себе сообщить еще одно древнее свидетельство о Славянах, в котором находится показание и о вооружении их. Так как источник этот еще не известен нашим русским историкам, то я приведу все место.

Иоанн, епископ Эфеса, из секты монофизитов, современник императора Юстиниана, написал церковную историю на сирийском языке, в трех частях, из которых последняя, к сожалению, не дошедшая до нас вполне, издана Кюретоном в 1853 году (Заглавие этого издания: *The third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Oxford, 1853*). В шестой книге этой части, обнимающей историю с 536 года по 586, находятся две главы о Славянах (25-ая и 48-ая); но, к сожалению, только первая из них дошла до нас. Название этой главы следующее: «О народе Славян ((***) Асклаваину) и опустошении, которое они производили во Фракии в третий год царствования императора Тиверия». Заглавие второй главы (До нас дошло оглавление всего сочинения.), которая до нас не дошла, следующее: «О завоевании и опустошении земли Славянской» ((***)

Асклаваину). Вот перевод сохранившейся главы (Ed. Cureton, стр. 402 и след.).

«На третий год по смерти императора Юстиниана и царствования Тиверия Победоносного (то есть, в 581 году) выступил проклятый народ Славян и производит набеги на всю Элладу, местности Солуня и всю Фракию. Они завоевали много городов и укрепленных мест, опустошали, жгли, грабили страну и овладели ею. Они поселились в ней без страха, как будто она им принадлежала. Это продолжалось четыре года, то есть пока император был занят войною против Персов и посылал все свои войска на восток. Поэтому Славяне имели полную власть в стране, поселялись там и распространялись, пока Бог не низверг их. Они опустошали, жгли и грабили до внешней стены (Константинополя). Все императорские стада, несколько тысяч голов, и все другие вещи грабили они. Даже до нынешнего времени, то есть, до 895 года (эры Селевкидов = 583 по Р. Х.) живут, сидят и покоятся они в римских провинциях, без заботы и страха, грабя, убивая и поджигая, так что они богатели и приобретали золото, серебро, стада, лошадей и много оружия. Они выучились и вести войны лучше Римлян, они, эти глупые люди, которые не дерзали показываться вне лесов и в не лесистых местностях и не знали, что такое оружие. Кроме двух или трех дротов» (loggadia) (они не имели оружия).

Последнее показание, может быть, преувеличено; но во всяком случае мы видим из него, что оружие некоторых славянских племен первоначально было очень простым, и что они с течением времени привыкли к употреблению другого оружия.

§ 7.

84. Во-первых, я ссылаюсь на предпоследнее примечание, где высказано мнение, что в предыдущих известиях в одном месте вследствие ошибки переписчика пропущено предложение, в котором говорилось о великом князе. К этому, к сожалению, не сохранившемуся месту относятся слова: «Помянутое выше лице» и т. д.

Имя (***) «жупанеч», я разобрал с помощью конъектуры, ибо это слово, встречающееся три раза в нашем тексте, искажено тремя различными способами. На первом месте сделан из этого слова арабский глагол (***) ; глагол этот, означающей: «он коронуется», сам по себе, конечно, дает смысл, но из связи явствует, что здесь речь идет только о наместнике, который не мог быть коронован. На втором месте (***) «Сутдж» и на третьем (***) «Субдж» (У Арабов нет. буквы *n*; они также обыкновенно пропускают большую часть гласных, особенно же короткие и те, на которые не падает ударение.). Это место Ибн-Даста в сокращенном виде передано позднейшими писателями, у которых упомянутое имя встречается в следующих формах: В сочинении Моджмель-эт-Таварих (Об этом сочинении см. ниже стр. 4 41 прим. с.), и у Шукр-аллаха (***) «Срндж», у турецкого писателя Мухаммед-эль-Катиба (***) «Шупдж», у Хаджи-Халфа (***) «Субх» (См. D'Ohsson, Les republ. du Cauc. стр.239 и след. и Hammer, там же, стр. 48, 65, 71, 108, 124 и 130. Следует заметить, что в рукописях почти невозможно различать (***) бх, от (***) ндж; равным образом часто смешиваются буквы (***) у, в, и (***) р.). Если сопоставить все эти формы (***) и (***) , мы почти без конъектур получаем форму (***) «Субндж», т.е. Субанедж, или (***) «Супнч», т. е. Супанеч; эти две формы в арабском обыкновенно выражаются теми же буквами и означают «жупанеч» или «жупанич». Объяснение этих двух форм, вместо обыкновенной «жупан», я предоставляю славистам.

Приведенное здесь показание о жупанах и отношениях их к царю совершенно верно. Известно, что у многих славянских племен существовали так называемые жупаны. Вся страна разделялась на округа, жупы, и в главе каждой жупы стоял жупан, высший чиновник, которому подчинялось известное число нижних чиновников. Все жупаны, конечно, подчинялись князю и были некоторым образом его наместниками. В каждой области или жупе был укрепленный город или крепость, где, вероятно, и было жилище жупана. Но так как эти укрепленные места в военное время служили убежищем сельского населения, то они, вероятно, лежали в центре каждой жупы. Так, вероятно, и следует понимать показание Ибн-Даста о том, что жилище жупана находилось в самом центре земли Славянской. Это показание очень важно, потому что им доказывается существование жупанов уже

в IX веке, как и полагали, не имея однако же возможности доказать эту догадку положительным свидетельством (ср. Палацкого, там же, I. стр. 174 и Карамзина, там же, I, 3, стр. 45, и примеч. 170 и 171, стр. 55 и след.).

Имя «Святоплк» мы также получили с помощью маленькой конъектуры. В рукописи стоят буквы (***) , «Свиит» и за ними следуют буквы (***) , «млк». Последние обыкновенно произносятся «малик» и означают царя; но это тут не дает смысла. Я поэтому твердо убежден, что первоначально в рукописи стояло: (***) «Свиитблк»; но как буквы (***) , б и (***) , м в арабском письме очень похожи друг на друга, то переписчик сделал из нынешнего (***) , «блк», очень известное (***) , «млк» = малик — царь, и так из (***) , «Свиитблк» образовалась форма (***) , «Свиитмлк». , и потом «Свиит млк» то есть «царь Свят». Позднейшие мусульманские историки, как мы увидим ниже, пропускали слово (***) , «млк», которое они справедливо считали лишним, и писали: царь Славян называется «Свят». Многие ориенталисты, между прочими Френ и Шармуа, тщетно старались объяснить это имя. Впрочем, возможно и то, что мусульманин, от которого исходить это показание, сам изменил в (***) «млк» последний слог имени «Святоплк», или потому что произношение его было ему трудно, или потому что он неверно слышал его.

Не может быть никакого сомнения в том, кто именно был этот царь (***) Святоблк». Это общеизвестный моравский великий князь Святоплек, сильнейший государь своего времени, который возвел Моравское государство на самую высокую степень процветания, и имя которого было славно от крайних границ Германии до Константинополя; он умер в 894 году и оставил своим сыновьям великое основанное им государство. Историю его см. у Палацкого, I, стр. 125 — 149. Ибн-Даста пишет последний слог его имени без гласной, потому что его так обыкновенно и произносили; в таком же виде находим мы это имя и в латинских рукописях, где пишется «Zwatorplk» (См. Палацкого, I, стр. 174, прим. 156.), без гласной в последнем слоге. Славяне, употреблявшие греко-славянскую азбуку, писали то имя: Святоплѣк = Святопѣлк. По-моему мнению, Ибн-Даста, слышавший о Святоплеке, вероятно, хотел сказать тут только то, что

славянский государь, о котором вообще знали и слыхали, носил имя Святоплек или Святоплк, но может быть, и не желал сказать, что все славянские князья носили это имя. Впрочем, очень может быть, что Ибн-Даста действительно полагал, что все славянские князья назывались так. Позднейшие мусульманские историки, правда, понимали известия Ибн-Даста в последнем смысле. Мы находим у мусульманских историков несколько примеров того, что они принимали часто повторяющееся имя государя за собирательное имя всех государей стран, в которых оно встречалось. Так, например, Масуди (I, стр. 359) говорит, что все испанские короли до нашествия мусульман носили имя «Лодерик» (то есть, Родерик), Ибн-Хордадбех говорит (Journal asiat., 1865 года, t. V, стр. 43; ср. стр. 256 и след.), что цари персидские носили имя Кесра (то есть Хозроэс), цари Рума (Византии) «Кайсар (т. е. Цезар) Василий» и т. д.

Показание Ибн-Даста о жупане и Святоплке перешло, не знаю каким образом, в персидское историческое сочинение под заглавием «Моджмел-эт-Таварих» (Автор этой книги, наверно, не знал об Ибн-Даста.), сочиненное в 520 (1125 г.) (Имя автора неизвестно; см. Journal asiat., 1841, t. XI, стр. 136 и след.) Первое имя было искажено в (***) «Сундж», а последний слог второго, как выше сказано, был пропущен. Из этого же сочинения показание это перешло в позднейшее персидское историческое сочинение, из которого два турецкие писателя взяли его в свою очередь. Все четыре писателя искажали эти имена по другому способу. Так имя Святоплк, с опущением последнего слога, звучит (***) «свет» в Моджмел-ет-Таварих; у Шукр-аллаха (***) «Свит»; у Мухаммед эль-Катиба (***) «Свист» и у Хаджи Халфы даже (***) Србтав (См. Доссона и Гаммера, там же. Следует впрочем заметить, что Гаммер при всех своих заслуг к восточной литературе, не совсем надежен и что в позднейших рукописях легко можно принимать (***) за (***) и т. д.) . Доссон, Френ и Шармуа (См. D'Ohsson, Les peuples du Caucase, стр. 239 и след.; Fraehn, Ibn Fozzlan, стр. 46 и Charmoi, Relation de Masoudi etc. стр. 394 и след.) старались объяснить эти имена; Френ сравнивал их с «Satrapos» и «Советник», а Шармуа с «Свентичем» и «Святичем». Второго имени они, конечно, не могли объяснить, потому что последний слог был пропущен. Но касательно первого имени, которое у Ибн-Даста также искажено, очень

естественно сравнивать его с именем жупан, что тут и есть единственно верное.

85. Это показание хотя и странно, но все-таки не вполне выдуманно. Вульфстан, писатель второй половины IX века, рассказывает следующее о предках Пруссков и Латышей: «Царь и богатейшие пьют лошадиное молоко, а бедные рабы пьют мед» (см. Шафарика, II, стр. 670 и 671, прим. 4). Подобное ложно понятое показание, вероятно, подало повод Ибн-Даста или его источнику к рассказу, что царь Славян питался только лошадиным молоком.

86. Трудно решить, какой город здесь разумеется. Если не обращать внимания на диакритические точки, которые очень редко ставятся правильно над иностранными именами, группу букв имени этого города: (***) можно было читать (***), «Хорват» и разумеет первоначальную родину белых Хорватов, которая простиралась от восточной Галиции до чешских Исполинских гор. Нельзя удивляться тому, что у восточного писателя имя страны принималось за имя города. Арабское имя (***), «Джерваб», может быть также искажением имени (***), «Морав», то есть, Моравии, для чего стоит только незначительно изменить одну букву. Впрочем, очень возможно, что это имя есть искажение из (***), «Градист'а», под которым, может быть, разумелся город «Hradistje» называемый ныне Градищем. Город этот, называвшийся прежде Велеградом, уже в IX в. был очень известен и был столицей Ростиславу и Святоплуку и местопребыванием архиепископу Мефодию (см. Шафарика, II, стр. 501).

§ 8.

87. Кто тут не узнает столь древнего способа топления русской бани? Следует притом вспомнить о легенде о святом Андрее у Нестора (Шлёцер, II, стр. 96), где описывается такая же баня. Вопрос только в том, основывается ли это показание на ошибке, так что Ибн-Даста или его источник сделали из бань зимнее жилье? Были ли, действительно, славянские племена, которые зимою жили в жилищах, подобных тем, которые описывает Ибн-Даста? Решение этого вопроса я предоставляю знатокам славянских древностей. Но кажется, что нельзя прямо

отвергать известие Ибн-Даста, так как древние Славяне не умели устроить себе теплые дома (ср. Карамзина, там же, I, 3, стр. 40 и след. изд. Эйнгерлинга).

§ 9.

88. В рукописи: (***) ; здесь нет дополнения; а поэтому полагаю что после (***) пропущено (***) , вследствие чего (***) изменили в (***) . Очевидно, что здесь следует читать (***) .

89. Подобного показания о налоге, состоящем из платья, сколько мне известно, не в славянских источниках. Но известно, что славянские князья получали вместо подати — материи, так называемый «паволоки». Это, может быть, и дало повод к показанию Ибн-Даста.

90. Наконец представляются еще два вопроса: 1) откуда Ибн-Даста или его источник взял эти показания о Славянах? и 2) к каким Славянам относятся они?

Арабы могли получать известия о Славянах из двух мест: 1) из Константинополя, куда часто приходили мусульманские посланцы, и где часто находились в плену Арабы (Мы заметили выше (стр. 11), что Ибн-Даста дает подробное описание Константинополя по рассказу одного Араба, находившегося там в плену.), которые там могли иметь сношения со Славянами; Славян же, всегда много было в Константинополе; 2) из Итиля, столицы Хозар при устье Волги, потому что там постоянно жили многие Руссы и другие Славяне, имевшие даже своего судью (см. Masoudi, II, стр. 9 и 11). Ибн-Даста, хотя сам был Персианин по всей вероятности, и жил в Саманидском государстве, стоявшем в оживленных торговых сношениях с землями Болгар и Хозар, но конечно, мог получать свои сведения о Славянах посредственно или непосредственно и из Константинополя. Второй способ сам по себе вероятнее, и одно обстоятельство, по нашему мнению, положительно указывает, что он получил свои сведения из Итиля: дело в том, что он передает имя Святоплука так, как его произносили только северо-восточные Славяне, то есть Свиитплк =

Святоплк. Другие Славяне произносили его или «Свентоплук» как видно из Константина Багрянородного гл. 13, стр. 81, гл. 40, стр. 174 и гл. 41, стр. 175, или же «Сватопулк». Столь отчетливая передача имени, звучащего так странно в ушах Араба или Персиянина, по моему мнению, указывает на то, что эти известия были собираемы и писаны непосредственно по показаниям северо-восточных Славянки не проходили через многие руки.

Если эти показания принадлежат северо-восточному Славянину, то они, вероятно, и относятся к одному из северных славянских племен. Но какое племя здесь разумеется? Имя Святоплука ясно указывает на Моравии, потому что в конце IX века не было никакого знаменитого славянского князя этого имени, кроме моравского. Кроме того, и жупаны, о которых говорит Ибн-Даста, ясно указывают на то, что тут не может быть речи о русских Славянах. Но собственная Моравия лежит на расстоянии более чем десяти дней пути, то есть, около 350 верст от земли Печенежской, на сколько бы мы ни отодвинули бы границы сей последней на запад. Есть два средства объяснить это обстоятельство: 1) Можно было бы полагать, что Ибн-Даста собирал свои известия о Славянах от разных лиц, и что поэтому его показания относятся не к одному определенному племени, но отчасти к моравским, отчасти к другим Славянам, жившим недалеко от Печенегов. 2) Можно было бы предполагать, что все эти показания относятся к одному славянскому племени, и что здесь идет речь, о Славянах, принадлежавших к государству Святоплука, но живших в стране, которая находилась значительно восточнее Моравии. В последнем случае можно разуметь только северных или белых Хорватов, страна которых, как уже сказано выше, простиралась от восточной Галиции до чешских гор. Эта страна, по мнению Палацкого (I, стр. 140 и след.), вероятно, принадлежала к государству Святоплука, смежному на юге с Болгарским государством, а потому обнимавшему и нынешнюю Галицию. Но против этого предположения говорило бы показание Ибн-Даста, что земля Славян была равнина; а Галицию нельзя называть равниною. Единственно верное мнение то, что показания Ибн-Даста относятся частью к моравским Славянам, частью к Славянам, жившим на расстоянии около 350 верст на запад от Печенегов.

Русь

[91](#).

§ 1.

Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Окружность этого острова, на котором живут они (Руссы), равняется трем дням пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется, по причине (рыхлости от) обилия в ней воды⁹². [35]

§ 2.

Русь имеет царя, который зовется Хакан-русь⁹³. Они производят набеги на Славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Болгарам и продают там⁹⁴. Пашен Русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле Славян⁹⁵.

§3.

Когда у кого из Руси родится сын, отец (новорожденного) берет обнаженный меч, кладет его пред дитятею и говорит: «Не оставлю в наследство тебе никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечем»⁹⁶.

§ 4.

Русь не имеет ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен⁹⁷; единственный промысел их — торговля [36] собольими, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим; плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои⁹⁸.

§ 5.

Любят опрятность в одежде⁹⁹; даже мужчины носят золотые браслеты¹⁰⁰. С рабами обращаются хорошо. Об одежде своей заботятся¹⁰¹, потому что занимаются торговлею. Городов у них большое число¹⁰², и живут в довольстве.

§ 6.

Гостям оказывают почет и обращаются хорошо с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если [37] кто из них обидит или притеснит чужеземца, помогают последнему и защищают его¹⁰³.

§ 7.

Мечи у них Соломоновы¹⁰⁴. Когда просит о помощи который либо из их родов, выступают в поле все и не разделяются на отдельные отряды, а борются со врагом сомкнутым строем, пока не победят его.

§ 8.

Когда кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым и препираются; когда царь произнесет приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя не довольны, то, по его приказанию, должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одерживает верх. На борьбу [38] эту родственники (обоих тяжущихся сторон) приходят вооруженными и становятся. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побежденного, чего хочет¹⁰⁵.

§ 9.

Есть у них, из среды их, врачи, имеющие такое влияние на царя их, как будто они начальники ему. Случается, что приказывают они приносить в жертву творцу их что ни вздумается им: женщин, мужчин и лошадей; а уж когда прикажет врач, не исполнить приказания его

нельзя никоим образом. Взяв человека или животное, врач накидывает ему петлю на шею, навешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется. Тогда говорит: «Вот это — жертва Богу»¹⁰⁶.

§ 10.

Руси мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего. [39] Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство. Ростом они высоки, красивы собою¹⁰⁷ и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях¹⁰⁸.

§ 11.

Шалвары носят они широкие: сто локтей материи идет на каждые. Надевая такие шалвары, собирают они их в сборки у колен, к которым затем и привязывают.

§ 12.

Никто из них не испражняется наедине: трое из товарищей сопровождают его непременно и оберегают. Все постоянно носят при себе мечи¹⁰⁹, потому что мало доверяют они друг другу, и что коварство между ними дело обыкновенное: [40] если кому удастся приобрести хотя, малое имущество, то уж родной брат или товарищ тотчас же начинают завидовать и домогаться, как бы убить его и ограбить¹¹⁰.

§ 13.

Когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома¹¹¹, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты¹¹² золотые, которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканенную монету¹¹³. Наконец кладут в могилу живую и

любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается, и жена умирает в заключении¹¹⁴.

Комментарии

§ 1.

91. Мы находим у Арабов довольно много известий о Руссах; но эти известия тем перепутаннее, чем они позднее. Более древние известия, каковы, например, свидетельства Ибн-Хордадбега, Ибн-Фодлана, Ибн-Даста и Масуди, трезвы и вообще верны. Но, как известно, все вообще средневековые показания об иностранных народах, никогда не бывают свободны от недоразумений и неточностей, кем бы они ни были передаваемы, восточными или западными писателями. Если бы позднейшие писатели просто переписывали известия древнейших, мы были бы им очень благодарны, так как последние нам не всегда доступны и частью пропали в течении времени; но позднейшие, по большей части, передают нам только извлечения, которые часто крайне небрежны и переполнены ошибками всякого рода; из различных названий одного и того же народа они делают различные народы и смешивают известии древнейшие и позднейшие: так, например, какой-нибудь географ, получив известие об изменившемся географическом положении народа, говорит о новом его местожительстве и новых его границах; позднейшие же географы, не отличая их от старых границ, перемещают местожительства бывших с ними смежных народов в другие местности. Далее, если один из первых географов говорит, что весь живет близ источников Волги, то позднейшие географы, принимая Каму за Волгу, помещают ее у гор уральских.

Прежде было невозможно понимать арабские известия о Руссах, как и вообще о северных народах, потому что были известны только позднейшие писатели. Ныне же мы имеем возможность объяснить себе эти известия; необходимо только для этого строгая критика. Следует разобрать хронологически все известия, доказать зависимость одного источника от другого, определить географическую терминологию и взгляды каждого писателя и исследовать причины ошибок позднейших авторов, ибо часто даже ошибки ведут нас к познанию истины, если мы раскроем причину и источник их.

Якут в начале своей статьи о Руссах (>В своем географическом словаре, II, стр. *** s. v. *** и Fraehn, Ibn Foszlán, стр.) сообщает как, от имени Мукаддеси, некоторые находящиеся у Ибн-Дастан известия о них, не без недоразумений и искажений, и у него то заимствованы они позднейшими писателями. Я пользовался знаменитым географическим сочинением Мукаддеси, под заглавием (***), «Ахсан-эт-Текасим» (Ms. Sprenger в Берлине, № 5,а), которое справедливо высоко ценится Шпренгером, но не нашел в нем места, приведенного Якутом от имени Мукаддеси. Можно даже, утверждать положительно, что такого места никогда и не было в его сочинении; ибо Мукаддеси говорит в предисловии (стр. 4: (***)), что будет повествовать исключительно о мусульманских странах и упоминать только о тех местах в странах не мусульман, где живут мусульмане. Итак, он не имел намерения говорить о Руссах. Мукаддеси в предисловии и говорит о своих предшественниках: Абу-Аб-даллахе эль-Джейхани, Абу-Зейде эль-Балхи, Ибн-эль-Факихе эль-Хамдани, эль-Джахитзе и Ибн-Хордадбехе, и критикует труды их по части географии; об Ибн-Дастан же он не упоминает, и, кажется, не знал его. Поэтому я полагаю, что ни Мукаддеси, а другой какой-нибудь писатель позаимствовал у Ибн-Дастан известия о Руссах, приведенные Якутом от имени Мукаддеси, и что Якут, вследствие ошибки, приписал их Мукаддеси. Действительным источником Якута, может быть, был эль-Бекри, единственный из известных мне арабских писателей, который, наверное, пользовался Ибн-Дастан и сообщает нам его известии, хотя обыкновенно в значительно сокращенном виде и в смешении с известиями, взятыми из других источников. Так было и в данном случае.

92. Все это место передает нам Якут (Там же и у Френа, Ibn Foszlán, стр. 1 и след.) в следующих кратких словах: «Они (Руссы) живут на нездоровом ((***) , «wabiah») острове, окружением озером». Френ полагает (прим. 10, стр. 47 и след.) что Де, «wabiah» есть искаженное имя обитаемого Руссами острова и принимал его за искажение имени Дании. Это — очень остроумное и соблазнительное, но вместе с тем и опасное предположение, неверность которого ясно выходит из последнего места Ибн-Дастан. Да остерегутся впредь

русские историки, желающие пользоваться Ибн-Фодланом, как источником для русской истории, отыскивать остров вабия, будто бы обитаемый Руссами (Ср. Krug, Forschungen in der alten Geschichte Russlands, II, стр. 470 и 476, прим. издателя.).

Но, так как невозможно разуместь тут остров Данию, спрашивается: что же это за лесистый и болотистый остров, простирающийся приблизительно на 100 верст? Этого я не знаю и полагаю, что невозможно определить это. Кто бы ни были эти Руссы, Норманны или Славяне, ни те, ни другие не жили исключительно на острове, и уж никак не жили на острове, подобном здесь описываемому. Правда, что Скандинавия полуостров, что Шармуа (Relation de Masoudi etc. стр. 371 и след.) и принимал здесь к соображению, и что арабский язык означает понятие об острове и полуострове одним словом, но Скандинавия — полуостров только в глазах географов, которые и самую Европу считают полуостровом; простому же смертному Шведу и в голову не приходит, что он живет на полуострове; я даже думаю, что простолудин и в Англии не знает, что он живет на острове. Я представляю себе дело вот как: Ибн-Даста или источник его видел в Итиле или в другом месте на берегу Каспийского моря ловких, смелых, предприимчивых купцов, пришедших из Руси. «Кто вы?» спросил он их. «Мы Руссы», ответили они; ибо так называли себя все приходящие из Руси купцы, какому бы племени они ни принадлежали (См. исследование Геденова: «Отрывки из исследований о Варяжском вопросе, гл. X., стр. 85, в Зап. Ими. Акад. Наук, ч. I, № 3, 1862 года). «Где вы живете?» «На острове», то есть, на одном из множества островов, образуемых рукавами Волги; может быть, на острове около устья Днепра, — так как Руссы уже давно поселились около Черного моря (См. Геденова, там же, V, стр. 53 и след.; ср. Масуди, I, стр. 262, и II, стр. 24, где Черное море называется Русским, и II, стр. 15, где сказано, что Руссы живут на берегу Черного моря, на котором ходят исключительно их суда. Из этого видно, что Руссы, по крайней мере, во второй половине IX века уже жили около Черного моря; противное этому мнение гг. Погодина и Куника поэтому не имеет ни какого весу; см. Погодина. Исслед. II, стр. 354 и след. и. Krug, там же, стр. 828, примеч. издателя.). «Велик ли ваш остров?» «Около трех дней пути». По лисам и болотам путешествуют

нескоро и в три дня не проходят большого пространства. «Есть ли у вас хорошие пашни?» «Нет, весь остров наш состоит из лесов и болот, так что земля трясется под ногами». «А чем же вы живете?» спросил наконец любознательный мусульманин. «Мы купцы», ответили Руссы, «и живем торговлею». Таким образом, спросивший мог удержать в памяти, что Руссы имеют такой-то наружный вид, живут торговлей и обитают на лесистом и болотистом острове. Подобно этому разве не поступают и новые путешественники? Кто желает отыскать остров, на котором жили эти Руссы, едва ли найдет его.

Очень возможно, что Ибн-Даста или источник его обращались и к другим, приходящим из Руси купцам и постоянно получали ответ, что они живут на островах, то есть, островах Волги; ибо эти люди, вероятно, имели важные причины жить именно на болотистых и лесистых островах. Надеюсь, что я не взведу клеветы на этих почтенных купцов, если предположу, что они, кроме торговли, занимались и еще кое-каким посторонним делом, именно разбоем (Ср. Карамзина, Ист. госуд. Росс. I, 10, стр. 149, где сказано: «Россияне, подобно Норманнам, соединяли торговлю с грабежом» и т.). Руссы, по свидетельству Ибн-Даста, на воде и кораблях были очень опытные. Стало быть, ловким и удалым Руссам было очень удобно предпринимать с острова в лодках набеги на неуклюжих финских береговых жителей, грабить их и потом безопасно возвращаться на свои лесистые и болотистые острова. В таком случае Ибн-Даста, вероятно, нередко получал ответ: мы живем на острове такого-то рода, и заключил из этого, что весь русский народ живет на острове. Иначе я не могу объяснить себе известие об острове Руссов, так как никогда не существовал народ Руссов, живший только на острове, и при том на острове, подобном тому, который описывается у Ибн Даста.

Остров на котором будто бы жили Руссы, упоминается разными позднейшими писателями, которые еще многое прибавляют выдуманного ими; известиям же их очевидно служили основанием только показания Ибн-Даста (См. Гаммера, *Sur les orig. Russ.* стр. 37, 41, 48, 85, 101, 103, 108 и след. и 124.).

§ 2.

93. Это показание совершенно верно и очень важно. Известно, что русские князья даже в XI в. носили еще титул Хаганов и были называемы так своими русскими подданными. Происхождение этого титула г. Куник объясняется тем, что русские князья, начиная с Оскольда, освободившего от ига хозарских Хаганов многие славянские племена, некоторым образом заменили в их глазах этих Хаганов, и что освобожденные племена, не имевшие тогда развитых государственных понятий, не знали другого титула верховного главы, кроме Хагана (См. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, II, стр. 272 и след.; ср. стр. 247 и след.). Итак, титул Хаганов могли иметь только царствующие в России князья, кто бы они ни были, Славяне или Норманны. Мы здесь не обращаем внимания на то, когда начался в России хаганат, до прихода Варягов в Киев (См. Гедеонова, там же, XI, стр. 101 и след. и ср. Замечания г. Куника у Погодина: «г. Гедеонов и его система о происхождении Варягов и Руси», в Зап. Ими. Акад. Наук, ч. VI, № 2, 1864, стр. 73) или с Олега. Мы довольствуемся тем, что верность показания Ибн-Даста доказана, и выводим из этого факта то заключение, что Ибн-Дастовы известия о Руссах, по крайней мере, отчасти, относятся к Руссам, подвластным упомянутым русским Хаганам, то есть, к Руссам, жившим на Руси, а не где-нибудь в Швеции. Выше (стр. 23, ср. прим. 35, стр. 99) мы даже видим, что Ибн-Даста говорит о Руссах, живущих около Волги; которые, по его рассказу, занимаются торговлею с Болгарами: те же Руссы, о которых он говорит здесь, так же имеют торговые сношения с Болгарами. Стало быть, Руссы приволжские не могут быть нетождественными с теми, о которых он говорит здесь, и великий князь которых, живший в Киеве носил титул «Хакан-Русь».

94. Это показание следующим образом сокращено и искажено в месте, приведенном Якутом от имено Мукаддесси (у Френа, Ibn Foslan, стр. 3): «Славяне производят набеги на них (то есть, Руссов) и берут у них имущество». Таким образом, в этих словах выходит смысл, диаметрально противоположный тому, что сказано у Ибн-Даста. Поэтому понятно, что Круг не мог объяснить себе это показание и заметил справедливо (там же, стр. 485): «Ни в первоначальных областях Руси, ни в завоеванных первыми

преемниками⁴ Рюрика Руссы не давали Славянам увозить свое имущество; последние, наверное, были больше в убытке». Он, стало быть, предполагал недоразумение в словах Якута, и, как мы видим из Ибн-Даста, так оно и было.

Руссы приходят на кораблях к Славянам и полонят их; но откуда являлись они на кораблях? Это не сказано. Может быть, из Швеции? Ни под каким видом, ибо эти русские купцы разбойники были подданными сидевшего в Киеве русского Хакана и жили, как мы видели выше (стр. 23), около Волги. Они, вероятно, ходили на своих кораблях и производили набеги по той же реке и по тому же пути возили они живой свой товар к Болгарам и Хозарам, что мы и знаем из Ибн-Фодлана (см. Френа, там же, стр. 7 и 9).

О торговли Руссов с этими странами вообще мы поговорим ниже (§ 4, примеч. 98). Здесь заметим только следующее: Имя города, куда Руссы обыкновенно отводили пленников, пишется в рукописи (***) «Хареван». Такой город не известен; но за то мы знаем из Ибн-Хаукала, что восточная часть города Итиля, обитаемая преимущественно купцами, называлась (***) Хазераном, и что Руссы состояли в торговой связи особенно с этим городом (См. Френа, там же, стр. 71 и его же *De Chazaris*, стр. 602, примеч. 73). Форма (***) «Хареван», явилась из формы (***) «Хазеран», вследствие опущения одной точки и незначительна изменении одной только буквы. Имя области, столицею которой был Тифлис, пишется подобным образом, именно (***) (См. Ибн-Хордадбех в *Journ. Asiat.* 1865, ч. V, стр. 98 и 489 и 1866, ч. VII, стр. 262; Масуди, стр. II, 65 и 67; Мерассид, ч. V, стр. 331 и след., *Aboulfeda, Geogr., texte*, стр. 219, 397, 391 и след. и *trad.*, стр. 326 и там же, примеч. 2). Далее был город (***) «Хазван», недалеко от Бухары (См. Якута, II, стр. ***, s. v. ***). Но ведь гораздо проще разуметь тут Хазеран, часть города Итиля, потому что мы положительно знаем, что Руссы возили товары и туда, и что многие из них постоянно жили там (см. Масуди, I, стр. 11).

95. Ниже, § 4, говорится: «Русь не имеет недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен». У Якута это место в конце § 2 передано словами: «Они не имеют пашен и стад». Круг, считающий Руссов

арабских писателей непременно Норманнами, полагает, что это показание не может относиться к жителям Скандинавии вообще, ибо эти последние занимались и земледелием, и скотоводством. Поэтому он думает, что показание это относится к тем воинственным Норманнам, которые, выселившись из Скандинавии, владычествовали в чужих странах (в данном случае в России) и, конечно, не могли и не хотели заниматься земледелием и скотоводством и т. д. (См. Круга, Forschungen, II, стр. 481 и след.) Г. Геденов (там же, стр. 88) также думает, что показание это может относиться только к Норманнам. Я же полагаю, что тут очень легко может быть речь о настоящих Руссах. В этом случае Ибн-Даста только отнес ко всему русскому народу то, что ему рассказывали разные русские купцы о себе и своих товарищах. Подобные недоразумения встречаются и у новых путешественников. Показание Ибн-Даста о том, что Руссы живут исключительно своею добычею в земли Славянской, по моему мнению, ясно указывает на то, что тут роль идет не о целом народе, а только о купеческой и, может быть, военной корпорации, и что повествователь разумеет только тех Руссов, которых сам видел, и которые вели подобную жизнь. Как известно, и ныне есть у нас целые местности, например, в Ярославской губернии, в которых большая часть жителей занимается исключительно торговлею и не имеет ни пашен, ни скота. Я не сомневаюсь, что подобные местности, исключительно занимающаяся торговлею, существовали у нас и тысячу лет тому назад. Мы, Русские, народ консервативный, и сохраняем до нынешнего времени добродетели, пороки и склонности наших предков, живших тысячу лет тому назад. У нас и ныне существует гостеприимство наших предков, какого нет нигде в свете; но вместе с тем не совсем исчезли у нас и беспорядки времен Рюриковых, и ныне еще не один мужичек умирает за водкою, как это было во время Ибн-Фодлана. Поэтому, полагаю, мы имеем право сделать обратный вывод, именно, что и во время Ибн-Даста существовали «Ярославцы», занимавшиеся исключительно торговлею и не имевшие ни пашен, ни скота. Таких-то людей Ибн-Даста, вероятно, и спрашивал на берегу Каспийского моря об их житие-бытие и показания их относил ко всему русскому народу.

Впрочем, позволяю себе заметить, что сказанное мною о консервативном характере русского народа можно сказать и обо всех

других народах земного шара. Тот, кто внимательно следит за внутреннюю жизнь народов, легко заметить, что характеристические черты, склонности, обычаи и духовный склад жителей любой страны или народа сохраняются, хотя и в измененной форме, по прошествии тысячелетий. Это явление мы видим даже у тех народов, которые подвергались смешению с другими и совершенному изменению политических форм, даже у тех народов, у которых была введена новая религия. Читая характеристику древних Галлов, мы думаем, что речь идет о Французах нашего времени. В Италии и Греции путешественника поражают многие обычаи, многие черты и явления классической эпохи, сохранившиеся доныне. В Персии путешественник часто думает, что он в государстве Ахеменидов, и многократные увещания против лжи в священных персидских книгах, приписываемых Зороастру, объясняются характером нынешних Персиан. Персиане, как известно, со времен Ахеменидов смешивались с Греками, Парфянами, Арабами, Турками и Монголами; приняли новую религию, а между тем характер их не изменился. А потому именно, что характер и нравы народов неизменны, одна и та же религия обыкновенно принимает различные формы у различных народов, одни и те же законы получают различное применение. Все установления применяются к характеру народа, а не наоборот. Особенности, глубоко коренящиеся в характере отдельного народа, даже одной личности, неискоренимы; они только являются при различных обстоятельствах в различных формах, которые однако же все объясняются одним и тем же принципом. Но здесь не место распространяться об этой истине, не всеми признаваемой.

§3.

96. Тоже сообщает нам Якут по Мукаддеси, хотя и в сокращенном виде (см. Френ, там же, стр. 3). Подобное показание находим мы и у Мирхонда, рассказывающего, что у Руссов в обычае давать в наследство дочерям все имущество, а сыновьям только меч, причем они говорят: «Вот твоя наследственная доля» (см. Hammer стр. 48, 57, 65, 109, 117 и 124).

Об этом показании говорит Круг (Forschungen, стр. 492 — 498) и доказывает, до какой степени меч был предметом гордости и отрады Норманнов, как они презирали золото и серебро и любили меч, так что часто имели большие запасы драгоценных мечей. Но ошибаются те, которые из этого показания Ибн-Даста выводят норманнское происхождение его Руссов. Почитание меча, то есть, оружия, материальной силы, есть наследственная доля индоевропейских народов вообще, направление, которого не могло искоренить ни христианство, ни древняя, ни новейшая цивилизация, и которое, к сожалению, еще надолго останется не искорененным. Кто герои и идеалы в эпопеях Арийцев, у Гомера, в Шах-Намэ, Нибелунгах, песнях о Сиде и пр., и пр.? Представители материальной силы, люди с руками, обогранными кровью, люди, разрушавшие города и целые государства. Разве народы, принадлежащие к индоевропейскому племени, и ныне думают иначе? Французский Чингисхан нашего века, на совести которого лежит смерть миллиона юношей, разве не обижается донныне половиною Европы? Способнейшие люди из способнейших индоевропейских народов не употребляют ли с давних пор свои таланты и остроумие на изобретение разных разрушительных машин. Не уважают ли эти народы еще и ныне «мужа меча» больше, чем «мужа духа»? Но спрашивается: были ли народы, думавшие иначе, имевшие другие идеалы, народы, героями которых были «мужи духа», народы, почитавшие дух выше меча? Многих таких народов, конечно, не было; но один был. Народ этот, оскорбляемый и презираемый в течение более, чем двух тысячелетий, и часто сравниваемый с цыганами, имел, конечно, и мужей меча; но имена их за немногими исключениями, забыты, и люди, их носившие, никогда не были уважаемы за то, что они — воины. Имен же законодателей, мудрецов и учителей своих — этот народ во все времена имел таковых — он никогда не забывал, и эти мужи духа, часто выходившие из низших классов народа, всегда почитались и почитаются ныне; они даже считаются святыми. Чего желал, на что надеялся этот народ? Он желал и надеялся, что настанет время, в которое все народы земного шара будут искать истины и находить ее, в которое все народы «перекуют мечи свои на сошники и копья свои на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать» (Кн. Исаии, II, 4; кн. Михея, IV, 3.). И как представляли учителя этого народа идеального

героя и идеальное время? Будет ли этот герой завоевателем городов, грабителем стран, покорителем народов? Желал ли этот народ приобретать себе «славу», в французском смысле, покорением других народов? Нисколько. Идеальный герой этого народа будет одарен мудростью, разумением, познанием и страхом Божиим; «правда будет поясом на чреслах его и верность на бедрах его; бедного будет он судить справедливо и неправедного уничтожать дуновением уст своих»; во время его всеобщий мир будет царствовать, и вся земля будет преисполнена разумением (Кн. Исаии, XI, 2- — 9). Такой муж мудрости и справедливости составлял идеал этого народа, и время общего мира, общего распространения познания и образования, уже более, чем две с половиною тысячи лет тому назад, было предметом его желаний и надежд. Не пустая ли мечта этот идеализм? О, нет! Это идеализм библейский и поэтому он и должен быть целью стремления всех истинных библейских народов. Я, потомок этого древнейшего библейского народа, родственник пророков, предвещавших такое время общего мира и разумения, — я горжусь этим родством, — я твердо вторю, что настанет время, — может быть, время внуков наших — когда сделают машины из пушек, рельсы из корабельных броней, гимназии из казарм, и употребят военные бюджеты на построение шоссе, каналов, рабочих и школьных домов и на общее распространение образования. Не имеющий такой веры не верит в усовершенствование человечества, а кто не верит в это усовершенствование, тот не знает человечества и его истории. Извиняюсь пред читателем. Я забыл, что должен объяснить арабского писателя. При словах моего автора о великом почитании меча, невольно явилось множество мыслей, проникающих всю мою душу. И если они возникли в моей голове, то пусть узнают о них и другие. Ведь мои надежды — надежды древних пророков, божественные слова которых почитают две трети человечества, хотя и не всегда внимают им.

При этом случае я позволю себе обратить внимание читателей еще на один предмет, который, кажется, опущен из виду историками философами: характеристические черты, резко выдающаяся у одного народа, обыкновенно встречаются и у остальных народов, принадлежащих к одной с ним, расе, иногда в высшей, иногда в

низшей мере. Это почитание мужей меча, впрочем, составляет резкую отличительную черту Индоевропейцев от Семитов вообще. Тем, что я сказал сейчас о народе Моисеевом, могут хвалиться и другие семитические народы, хотя и в гораздо меньшей степени. Самое дикое арабское племя считает великим счастьем появление среди его поэта; в таком случае от всех соседних племен являются посольства, чтобы приветствовать племя, ошачливленное новым поэтом. Большая часть государственных переворотов у Семитов производилась не героями меча, а мужами духа, пророками, благочестивыми или святыми, знаменем которых был не меч, а идея. Притязания различных претендентов во время калифата основывались на близком или дальнем родстве с пророком или его сподвижниками при основании и распространение новой религии. По упадке Багдадского калифата, в пределах его образовалось несколько династий. В восточных странах, как, например, в Хорасане, Ховарезме и т. д., где жили большей частью индоевропейские народы, основателями этих новых династий были храбрые наместники и полководцы; на западе же, где жили преимущественно Арабы, сначала, до покорения Арабов тюркскими племенами, основателями новых династий были преимущественно благочестивые, святые, представители новых идей, как например, основатели династий Алидов в Египте и Альмохадов в Африке и Испании. Даже в наше время знаменитейшим героем Арабов был благочестивый ученый, сын святого; я разумею Абдэлкадера.

Прошу не думать, что я говорю «pro domo» и желаю унижать индоевропейскую семью, противоположно Ренану. Напротив того, я убежден, что индоевропейская семья оказала человечеству, по крайней мере, столько же услуг, сколько и семитическая. Тем не менее сказанное выше о характере индоевропейских народов несомненно и останется таковым; дай только Бог, чтоб оно скорее перестало быть живой действительностью.

Факты истории составляют только материал для исторической науки; настоящую историческую науку образуют философские заключения, выводимые из материалов, решение вопросов: отчего происходили эти факты, в какой связи они находятся между собою, какой общий принцип служил им основанием, хотя необходимый

последствия они имеют? Всякий, понимающий историческую науку, всякий, кто понимает, что в истории как в природе, действуют вечные неизменяемые законы, пусть стремится к разрешению этих вопросов, где, как и на сколько он может. Этим я извиняюсь в отступлении от своего предмета.

§ 4.

[97](#). Ср. предпоследнее примечание, стр. 152 и след.

[98](#). Пользуемся настоящим случаем для хронологического сопоставления и критического объяснения известных нам свидетельств мусульман о торговле Руссов и других приволжских народов.

Древнейшие дошедшие до нас известия об этом предмете принадлежат географу Ибн-Хордадбеку, писателю второй половины IX века. Показание его, правда, известно, ибо давно было обнародовано Шпренгером (*Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal*, 4844, ч. XII, стр. 521 и след.) а потом Рено (*Geogr. d'Aboulfeda*, ч. I, *Introd.*, стр. LIX) и подробно разобрано проф. И. И. Срезневским (*Вестник Императорского Русского Географического Общества*, 1854 г., I, стр. 49 — 68.); но я сообщаю его здесь для полноты. Ибн-Хордадбек сперва говорит об еврейских купцах, поддерживавших замечательный торговый сношений с Индией и Китаем и вывозивших между прочим бобровые меха на восток, и потом продолжает: «Что же касается до русских купцов, принадлежащих к Славянам, то они из отдаленнейших стран славянских привозят бобровые меха, меха черных лисиц и мечи к берегу Румского моря (то есть, к Черному морю, где оно касается Византийского государства, и к морю около Константинополя), где они дают десятую часть Византийскому императору. Иногда они на кораблях ходят по реке Славян (то есть, Волге) и проезжают по заливу хозарской столицы (Итиля), где они платят десятую часть царю страны. Оттуда отправляются они в Каспийское море и выходят на берег, где им угодно.... Иногда они возят свой товар на верблюдах до Багдада» (См. *Journ. Asiat.* 1865, ч. V, стр. 115 и след. и 512 и след. Ср. *Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal*, там же,

стр. 524 и след., где Шпренгер сообщает еще подобное известие из малоизвестной рукописи Британского музея, под заглавием: «Китаб-эль-Болдан». Показание это, по-видимому, взято из Ибн-Хордадбеха и только запутанно передано автором. Кстати замечу, что встречавшийся у Шпренгера Самкуш-эль-Йахуд не значит: Еврей Самкуш (ср. Срезнеского, там же, стр. 54 и след.), а Самкуш Евреев, под которым разумеется, без сомнения, местность, обитаемая преимущественно Евреями. Ср. Калет эль-Яхуд = Чуфут Калэ в Крыму. — О торговых сношениях древних Руссов с Константинополем, ср. Погодина, Исслед. III, стр. 256 и след.).

За Ибн-Хордадбехом в хронологическом порядке следует Ибн-Даста, показания которого о произведениях и торговли народов приволжских, к которым он причисляет и Руссов, состоят в следующем: о Буртасах он говорит (II, § 5, стр. 21): «Главное их богатство составляют медь, меха куньи и мех вообще». Вывозили ли Буртасы эти товары не сказано; вероятно, они покупались соседними с Буртасами и занимавшимися торговлею Болгарами, а может быть, и Хозарами, и вывозились на восток.

О Болгарах Ибн-Даста говорит (III, § 3, стр. 23) «Хозаре ведут торг с Болгарами; равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из Руссов, живущих по обоим берегам Волги, везут к Болгарам товары свои, как-то: меха собольи, горностаевые, беличьи и другие». В другом месте (там же, § 6, стр. 24) говорит он: «Когда приходят к Болгарам мусульманские суда, то берут с них пошлину, десятую часть товаров». Чеканенных денег они во время Ибн-Даста не имели и заменяли их куньими махами. Один такой мех равнялся двум диргемам с половиною (около 45 коп.; см. там же, § 7, стр. 24 и слбд. и ср. выше, стр. 101).

О Руссах говорится у Ибн-Даста (VI, § 2 и 4, стр. 35 и след.), что они продавали в Болгаре и хозарской столице славянских рабов, и что промысел их состоял только в торговле собольими, беличьими и другими мехами, которые они продают за наличные деньги. Последнее показание, особенно важно, ибо оно объясняет одно странное явление: Руссы, как известно, имели замечательные торговые сношения с

Константинополем, и между тем, сколько мне известно, у нас найдено относительно небольшое количество византийских монет. Мусульманских монет, напротив того, найдено у нас огромное количество; они чеканены от VII до начала XI века и ввозились путем торговли с востока. Явление это просто объясняется следующим: в Константинополе Руссы некоторым образом занимались меновым торгом; там они запасались всем, чего не могли достать на родине, как-то: паволоками, винами, овощами, дорогими сосудами, богатыми одеждами, коврами, сукнами, сафьяном, перцем и т. д. (См. Костант. Багрявародн., De administr. гл. 6, стр. 71 и след. изд. Von.; Карамзина, там же, I, 10, стр. 147 и примеч. 512; Погодина, Исслед. III, стр. 278, и ср. VII, стр. 300 и след. Аристова, Промышленность древней Руси, стр. 184, и Ибн-Фодлана, ниже, стр. 162.). Произведения же востока, вероятно, менее нравились им, и вследствие того Руссы продавали там свои товары за звонкую монету. Восточная же монета могла быть только мусульманская, ибо Хозары никогда не имели собственных чеканенных денег, а Болгары не имели таковых, по крайней мере, во время Ибн-Даста. Из Ибн-Хордадбеха мы узнали, что Руссы возили свой товар иногда до побережья Каспийского моря, иногда до Багдада. В тех случаях, когда они продавали свои товары Болгарам и Хозарам, эти покупатели могли платить только мусульманскою монетою, которую они получали в государстве Саманидов за русские товары. Из этой страны товары эти также вывозились дальше; ибо, по эль-Балхи (Там же, лист 121, b, говорится о Саганьяне (***) , лежащей на востоке от Бухары, что оттуда вывозились: (****). Лист 127, b говорится о Ховорезме: (***) ; ср. Истахри, стр. 118 (129)), к товарам, вывозимым из означенных стран, принадлежали: невольники из стран Славян, Хозар и других соседних с ними, далее — куны, собольи, лисьи, бобровые и другие меха. Все эти товары вывозились из стран Болгар и Хозар в Саманидское государство и оттуда в отдаленнейшие места исламских земель; по Мукаддеси), лисьи и куны меха принадлежали к товарам, вывозимым из Хамадана и из Вальвалиджа в Бадахнше, в Тохарестан. Итак, совершенно естественно, что, вследствие этой торговли, монеты из отдаленнейших мусульманских земель стекались в приволжские страны.

Ибн-Фодлан видел торгующих Руссов на берегах Волги, вероятно в Итиле, куда они возили невольниц и собольи меха. Там же она оставались довольно долго, пока не продадут своего товара; они даже строили себе там деревянные дома по берегу реки (См. Френа, Ibn Fozzlan, стр. 5, 7 и 9). И из Ибн-Фодлана видно, что Руссы продавали там товары свои за звонкую монету, ибо он рассказывает (стр. 9), что Руссы молились своим идолам, чтобы боги посылали им покупателей, имеющих много золотых и серебряных денег. В страну Хозар, по Ибн-Фодлану, привозили товары сухим путем, морем и Волгою и пошлина, взимаемая с этих ввозимых товаров, составляла значительную часть доходов государства. Сама Хозария, говорит Ибн-Фодлан далее, не производит вывозных товаров; вывозили же оттуда только товары, в свою очередь привозимые туда, «как-то: невольников, мед, воск, бобровые и другие меха (См. Френа, De Chazaris, стр. 584, 586, 590 и след.; ср. стр. 604, примеч. 88). Ибн-Фодлан говорит и о платьях из византийской парчи, которые он видел у Руссов и Болгар (См. Френа, Ibn Fozzlan, стр. 43 и 15; его же: Die altesten Nachr. uber die Wolga-Bulgaren, стр. 557 и 569, и ср. Карамзина, там же, I, 10, стр. 147, 150 и прим, 512 и 521.). Первые, вероятно, покупали эти материи в Константинополе, носили сами и продавали в Болгаре.

Перейдем теперь к Масуди. Сперва, однако же, нам должно опровергнуть ложное мнение, будто этот действительно много странствовавший географ и историк лично посетил страны Болгар и Хозар (См. Френа, Ibn Fozzlan, стр. X); иные полагают даже, что он достигал до самого Балтийского моря. Этого никогда не бывало: Масуди, опровергая мнение тех, которые полагают, что Каспийское море соединено с Черным и Азовским, говорит (I, стр. 273 и след.), что он справлялся об этом у купцов, объезжавших страну Хозарскую и моря Черное и Азовское, чтобы отправится к Руссам и Болгарам, и что эти купцы уверили его в том, что море Каспийское соединено с обоими упомянутыми морями только Волгою и то посредством Дона, который Масуди принимает за рукав Волги. Далее говорит он, что он сам отправлялся из Абескума, гавани Джорджана, в Табаристан и другие прибрежные места Каспийского моря и всячески справлялся у умных купцов и моряков; все они единогласно уверяли его, что нет соединения между двумя этими морями, кроме того пути, по которому

Руссы шли из Азовского моря к Каспийскому (в 913 году по случаю описанной им же, II, стр. 18 и след. экспедиции Руссов на Каспийское побережье). Из этого места ясно, что Масуди сам никогда не посещал приволжских стран: но вместе с тем мы узнаем, что на южном берегу Каспийского моря было много купцов, которые сами посещали эти страны, а также побережье Черного и Азовского морей, и, следовательно, знали их довольно хорошо; далее мы узнаем, что эти мусульманские купцы не всегда ждали привоза товаров Болгарами и Руссами и часто сами отправлялись к ним для закупки, а может быть, и для продажи своих товаров.

Послушаем далее, что сообщает нам Масуди собственно о торговле приволжских народов: в его *Les prairies d'or*, ч. II, на стр. 15 и след., он говорит о караванах, которые постоянно ходят с товарами из Болгарии в Ховарезм и, наоборот, при чем они, однако же, должны защищаться от кочевых тюркских племен, через страны которых должны проходить. На стр. 14 он упоминает о хозарских и болгарских кораблях, плавающих по средней Волге, выше устья Камы, по-видимому, с торговой целью. Из земли Буртасов, продолжает он, живущих около этой реки, вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртаскими. Эти меха, особенно черные, иногда стоят больше 100 динариев за штуку, красные дешевле. Арабские и персидские цари считают эти черные меха выше куньего, собольего и другого меха и делают из них шапки, кафтаны и шубы, так что нет почти царя, не имеющего шубы или кафтаны с подкладкой из мехов черных лисиц. То же показание, только подробнее и с некоторыми не маловажными изменениями, находится в другом, к сожалению еще не изданном, сочинении Масуди «Китаб-эт-Тенбих» (Кроме Парижской рукописи этого сочинения, из которой Сильв де Саси обнаружил довольно подробное извлечение в *Notices et extraits des manuscrits*, ч. VIII, существует еще рукопись в Taylor Collection британского музея.). Здесь он говорит о той же реке и замечает, что большие корабли, нагруженные разными товарами из Ховарезма, ходят по ней; другие корабли привозят из земли Буртасов меха черных лисиц, лучший и самый ценный меховой товар. Есть и красные, и белые лисьи меха, которые не хуже куньего и песцового. Худший сорт (лисьего меха) — так называемый арабский. Черные лисьи меха находят там (у

Буртасов) и в соседних странах. Но арабские цари стараются перещеголять друг друга роскошью шуб из таких черных мехов и делают из них шапки и шубы, так что эти меха продаются дорого. Вывозят их в Дербенд, Барда'а и разные области Хорасана. Часто вывозят их и в страну... (Тут следует искаженное имя: (***) , которое Саси читает (***)«эль-Хирхиз», то есть, Киргиз; но это неправильно; ведь не привозят же товаров из стран средней Волги в Киргизские владения, чтоб оттуда вывозить их в западную Европу.), а оттуда в страны Ифренджей (то есть, западноевропейские) и в Испанию (Ср. вышеупомянутое (стр. 159) показание Ибн-Хордадбеха, о том, что еврейские купцы вывозили бобровые меха с запада на восток.). Оттуда вывозят черные и красные лисьи меха в северную Африку, так что иные полагают, что они первоначально происходят из Испании и соседних стран Ифренджей и Славян. Далее Масуди говорит, что эти меха теплее других, и что халиф Махди (от 775 года до 785) убедился в этом в Рее (См. Sylv. de Sacy, Chrest. arabe, ч. II, стр. 17 и след., ed. alt.). Последнее показание важно в том отношении, что из него мы узнаем о том, что уже в VIII веке приволжские страны имели торговые сношения со среднею Азией. Это предполагали, правда, уже давно, но, если я не ошибаюсь, до сих пор не было тому положительных доказательств (Ср. Савельева, Мухаммед, нумизм. стр. XLV и след.); нахождение куфических монет VII или VIII века на русской почве, по моему мнению, не может служить доказательством существования торговых сношений уже в то время. Ведь там могли же и в IX веке платить старинными монетами, которые вообще на восток остаются в обращении дольше, чем у нас, так как у нас иногда перечеканивают старинные полновесные монеты по финансовым соображениям. Возможно и то, что даже нарочно старались сбывать именно иностранцам старинные, не имеющие больше ходу монеты, так как последние менее заботились о чекане, чем о цене серебра. Напротив того, существование в государстве халифов в VIII веке черных лисьих мехов (Черный лисий мех, кажется, вывозился только из приволжских стран, на что указывает уже название (***) , под которым встречаются эти меха у мусульманских писателей. Другие же меха привозились в Ховарезм и из страны Тюрков, т. е. вероятно, южной Сибири. В вышеупомянутом (***) , Мухтассар Китаб эль-Болдан (Ms. Spr. в Берлине №2, а, стр. 121) именно приводятся имена разных тюркских

племен а потом автор продолжает: (***) , «в стране их много соболей и куниц». Мукаддеси также говорит (стр. 157) что разные меха вывозятся из стран тюркских в Шаш, т. е. Ташкент (ср. *Notic. et extr.* ч. XIII, стр. 258, примеч. 1) и оттуда дальше: (***)) может служить несомненным доказательством торговых связей приволжских стран с этим государством.

Что касается собственно до торговли Руссов, то мы находим у Масуди (*Les prairies d'or*, II) следующие показания: Они и еще другие Славяне имели в Итиле, хозарской столице, постоянные жилища, находившиеся в одной, вероятно, восточной, части города, где жили купцы (см. выше, стр. 59), и где они имели особого судью, из своей среды, для решения своих дел (стр. 9 и 11). Эти проживающие в Итиле Руссы, вероятно, были отчасти посредниками в сношениях своих земляков с Хозарами. Руссы, продолжает Масуди (стр. 15), живут на берегу Черного моря (Ср. Масуди, там же, I, стр. 262 и выше, стр. 148, примеч. с.), по которому ходят исключительно их же суда. Последнее, вероятно, преувеличено. Многие русские купцы, говорится далее, поддерживают торговые связи с Болгарами. Эти слова Масуди могут относиться к Болгарам как приволжским, так и придунайским, так как он не умел различить их (ср. выше, стр. 80 и след.). В начале того места, где Масуди говорит об экспедиции Руссов на южное побережье Каспийского моря в 913 г. (II, стр. 18 — 24; об этой экспедиции ср. еще I, стр. 274 и след.), мы находим следующее: «Руссы состоят из многих народностей разного рода. Самое многочисленное племя их, по имени (***) , эль-Лудз'ана, торгует с Испанией, Римом, Константинополем и Хозарией». Кто эти «Лудз'ана», принадлежащее к Руссам и имеющие торговые связи в столь противоположных друг другу направлениях? Никак нельзя разуметь тут Лужичан, так как их нельзя было считать Руссами. Равным образом нельзя разуметь и русских Лучан, ибо это малочисленное племя Кривичей никогда не имело большого значения и уже никак не имело торговых связей. Мы, напротив, положительно знаем, что они доставляли русским купцам в Киеве суда, на которых последнее плавали в Константинополь; но сами они вовсе не занимались торговлею (См. Карамзина, *Ист. госуд. Росс.* I, 10, стр. 147). Не искажено ли имя «Лудз'ана»? Французские издатели Масуди не считали нужным дати варианты этого имени. У Доссона (*Les*

peuples de Can с, стр. 86, прим. 4) мы находим варианты: (***) «Лудза'ая», и (***) «Муд'ана». Френ (Ibn Foszlān, Стр. 71 и 174) хотел изменить это имя в (***) «Лодагия», то есть, Ладожане; но эта конъектура очень насильственная (Это имя следовало бы писать по арабски (***) а не (***)) и не приносит пользы, так как решительно неизвестно, и наконец, невероятно, что Ладожане имели такое значение и торговлю с самою Испанией. Вследствие того я предлагаю следующую ненасильственную конъектуру, которая, по моему мнению, есть единственно возможная: очень странно, что чисто-арабский звук айна, (***) находится в имени европейского народа. Буква эта, очевидно, искажена. Чтение (***) «Муд'ана» указывает на то, что и первая буква не верна. Ближайшая и самая простая конъектура следующая: изменить (***) «Лудз'ана» в (***) «Нурмана», то есть, Норманны. Немного удлиняемое арабское (***) *н*, переходит в (***) *л*; (***) *д* или (***) *дз* в рукописи едва различаются от (***) *р*; (***) айн, как сказано, есть, очевидно, искажение похожего на него (***) *м*; таким образом мы получаем «Нурмана», Норманны. Греки и Арабы называют их Руссами, потому — как говорит г. Куник — что то было собственно их имя, или потому — как утверждает г. Гедеонов (стр. 84) — что они приходили из Руси. И действительно, Норманны были очень многочисленны и вели торговлю с разными странами. Уже в VI веке говорит о них Иорнанд (*de reb. Get.*, 3) «*Hi (Suehans) quoque sunt, qui in usus Romanorum Saphirinas pelles commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt, famosi pellium decora nigredine*». Они, вероятно, и тогда уже покупали меховой товар в Руси и продавали на юге, а после, вероятно, и на западе Европы» (В последствии я заметил, что правильный взгляд г. Гедеонова привел его к истине. Приведя по Френу сообщенное нами место Масуди, он замечает (стр. 85), что под именем «Ладожан здесь должны быть скрыты Норманны». — О торговле Норманнов с народами востока и запада, юга и севера; см. Погодина, Исследования, III, стр. 256 и след.).

Я не сомневаюсь, что все ориенталисты согласятся с этою конъектурою, так как она самая естественная и единственно возможная. Однако, какие выводы мы можем сделать из выше приведенного места из Масуди? Во-первых, из него видно, что Руссы, которые в 913 году предприняли подробно описанную Масуди

экспедицию к южным берегам Каспийского моря, были непременно Норманны; потом, что и Руссы, предпринявшие в последствии, в 944 году, экспедицию в Барда'а, вероятно были так же Норманны. Если же Масуди говорит, что «Руссы состоят из многих народностей разного рода и что Норманны многочисленное из них племя», то из этого следует: 1) что Масуди под именем «Русь» нисколько не подразумевал исключительно Норманнов, 2) что имя «Русь» ему известно было не как название только одного племени, но что он 3) напротив того, имя «Русь» почти так же понимал, как и мы его понимаем, т. е. что он под этим именем подразумевал почти всех жителей нынешней Европейской России. 4) О Норманнах же он думал, что они составляют только часть обитателей этой страны и принимал их за «Руссов» очевидно, от части потому, что они жили в России, от части потому, что они пришли к Магометанам из этой страны. Мы выше (стр. 73) привели место из эль-Балхи, из которого видно, что «Русь» встречается у магометанских писателей как географическое, а вместе с тем и как этнографическое понятие; а поэтому естественно, что магометанские писатели называли «Руссами» всех тех, которые к ним приходили из России. Считают же и в настоящее время во всей Европе всех обитателей России, какой бы они национальности не были, за Русских и называюь их просто Русскими, хотя многих из них на родине никак не хотят признать Русскими. У Абу-Зейд эль-Балхи мы также находим показание (Там же, л. 92,а: (***) ; ср. Истахри, стр. 94.), что купцы из мусульманских стран ездят по Каспийскому морю в Хозарию. В другом месте (Ср. выше, стр. 81, примеч. а.) он говорит, что город Джорджания, на правом берегу Аму-Дарьи, у впадения ее в море Аральское, есть торговый пункт Гузов, и что караваны отправляются из этого города в Джорджан, Хорасан и Хозарии. К вывозным товарам Саганиана, города на восток от Бухары, причисляет он стр. 94, меха собольи, беличьи, лисьи и другие, которые вывозятся в отдаленные арабские владения. В Саганиан же ввозились они большей частью из приволжских стран (См. выше, стр. 161, примеч. а. Мы говорим «большею частью», потому что многие собольи и куньи меха ввозились в исламские земли из страны Турок, то есть, вероятно, из Сибири; см. выше, стр. 165, примеч. б). Говоря о Хозарах, эль-Балхи приводит показание Ибн-Фодлана о том, что Хозары питаются преимущественно рисом и рыбою (См. Fraehn, De Chazaris, стр. 585 и

591), и замечает при этом: «То, что вывозят из Хозарии, как-то: мед и воск, привозится к ним из земли Руссов и Болгар. Таким же образом меха бобровые, вывозимые (из Хозарии) в различные страны, находят только в тех реках, которые текут в странах Болгара, Руси и Куяба, и кроме того их нигде не найдешь, сколько мне известно»(***) . К слову (***) на краю рукописи находится замечание: (***) . Что бобер назывался и (***) , того я до сих пор не встречал). Далее у него сказано, что самая Хозария производит только белужий клей, и что другие вывозимые оттуда товары, как-то: невольники, мед, воск, бобровые и другие меха в свою очередь ввозятся туда. Одежда Хозар и соседних с ними народов состоит из курток и верхнего платья. Сами же они не изготовляюшь материи для платья, а их привозят к ним из Джорджана, Табаристана, Армении, Адзербейджана и Византийского государства ((***) Ср. Fraehn, De Chazaris, стр. 604 и след., прим. 90. Об (***) , мн. ч. от (***) , ср. Dozy, Diet, des noms de vetemenis chez les Arabes, стр. 352 — 362.). Итак, эль-Балхи знакомит нас с разными произведениями, вывозимыми из приволжских стран и ввозимыми в оные.

Другое важное показание эль-Балхи о различных племенах Руссов и торговли их приводится Френом (Ibn Foszlan, стр. 257 и след., 263 исслед.) по Ибн-Хаукалю и Истахри. Но так как текст эль-Балхи первоначальный, откуда Ибн-Хаукал и Истахри почерпали свои сведения, и он представляет разные дополнения и уклонения, то я сообщаю здесь все это место в тексте и в переводе. Это место находится в Берлинской рукописи на листе 95 и гласит: (***) .

Т. е. «Русь состоят из трех племен. Одно — ближайшее к Болгару, и царь их живет в столице, по имени Куяба (Что слово (***) , вместо чего Ибн-Хаукал пишет (***) и Истахри (***) , следует читать (***) = Куяба, после исследований Френа (Ibn Foszlan, стр. 142 и след.) не подлежит ни малейшему сомнению.); город больше Болгара. Второе, отдаленное от них племя (У Ибн-Хаукала (***) вм. (***) . Френ поэтому переводит: «второе племя высшее (важнейшее) между ними», что без сомнения неверно; ср. Fraehn, Ibn Foszlan, стр. 172 и 258 и след.), называется Селавия (Чтение (***) рукописи только незначительное искажение верного (***) Ибн-Хаукала, Эдриси и персидских авторов; ср. Fraehn, там же, стр. 143 и 259; Дорна, Geogr.

Саус, стр. 22 и Мельгунова, там же, стр. 294). Третье племя называется Бармания (В рукописи (***) , у Ибн-Хаукала (***) ; у Истахри (***) ; у Эдрии (***) ; персидские переводчики пишут (***) . Ниже мы объясним отчего нам казалось необходимым читать (***)), и царь его живет в Абарке (ч. Абарме) (Ср. ниже, стр. 175.). Приходят люди [по делам торговли (Слова, (***) «по делам торговли», прибавлены по Ибн- Хаукалу; у Истахри здесь также (***) , «купцы приходят», вместо (***) , «люди приходят» и т. д. Но я не считаю это прибавление необходимым; ибо автор здесь хочет сказать только, что в Куябу приходят иностранцы — с разными целями — между тем, как в Абарку они не допускались. Впрочем известно, что Киев уже в X вФка был большой город, где находились много купцов из разных народов; см. Погодина, Исследов., VII, стр. 306 и след. и 313. — Слово (***) пред словом (***) , которое Френ (стр. 260) считает очень темным, не находится ни у эль-Балхи, ни у Истахри.)] в Куябу. Что же касается до Абарки (ч. Абармы), то не сообщают, чтобы когда-либо добирался туда иностранец (Связь и текст Ибн-Хаукала и Истахри показывают, что здесь следует читать (***) , вместо (***)); ибо они (жители этой страны) убивают всякого чужестранца, который приходит в страну их (Вот основание сообщаемого разными мусульманскими писателями известия, что Руссы будто бы убивают всех входящих, к ним иностранцев.). Сами же они приходят водою для торговли; притом они не рассказывают ничего о своих делах и своей торговле; также и не пускают никого провожать их и приходив в страну их. Из Арфы (sic! вместо Абарки или Абармы) вывозят черных соболей и свинец (Персидские авторы, обрабатывавшие эль-Балхи, прибавляю еще «олово», чего нет в подлиннике.). Руссы заставляют сжигать себя по смерти, и вместе с богатыми из них добровольно сжигаются девицы (См. выше, стр. 132, прим. 74.). Иные из них стригут себе бороду, другие же скручивают её на подобие кудрей (У Ибн-Хаукала (***) , «как это делают с гривами лошадей», к чему он прибавляет (***) (или вернее (***)) «и они красят её (бороду) желтою краскою». Эдрии также имел это чтение, но переводчик не понял его; см. Edrisi, ed. Jaubert, II, стр. 401 и ср. Edrisi, ed. Dozy et Goeje, стр. X.). Одежда их состоит из коротких курток; одежда же Хозар, Болгар и Печенегов из полных (т. е. длинных) курток. Эти Руссы ведут торговлю с Хозарией, Византийским государством и великой Болгарией, и они (т. е. Руссы)

граничат с северной стороной византийского государства. Они — народ многочисленный и столь сильны, что налагают дань на соседние с ними провинции этого государства. Внутренние Болгары — христиане» (См. ниже, стр. 478 и след.).

Этим местом эль-Балхи пользовались многие позднейшие писатели, которые передают его в более или менее кратких извлечениях и часто со многими недоразумениями. Полнее всего и относительно вернее находится оно у Ибн-Хаукала (см. Fraehn, *Ibn-Foszlān*, стр. 257 и след.); короче и даже с некоторыми ошибками у мнимого Истахри (стр. 97 = 106); подобно этому оно встречается у разных персидских авторов, обрабатывавших эль-Балхи (см. Ouseley, *The oriental geography of Ibn-Haukal*, стр. 191; Fraehn, там же, стр. 265 и след.; Dorn, *Geogr. Sauc*, стр. 22 и след. и 60, и Мельгунова, *Das suedliche Ufer des caspischen Meeres*, стр. 294 и 300 — в русском издании этого места нет): Кое-что из приведенного здесь текста, но со многими изменениями, мы находим также у Эдриси (II, стр. 401 и Fraehn, там же, стр. 143) и у Ибн-эльиарди (Рукоп. Пет. Ун. № 111, лист. 32,а, ср; Fraehn, там же, стр. 142), который заимствовал свое показание у Эдриси. Для определения текста все эти извлечения, даже самые неудовлетворительный, имеют некоторую цену.

Цена этого показания Эль-Балхи не маловажна, и верное понимание его после предварительных трудов Френа (*Ibn Foszlān*, стр. 141 и след.), со взглядами которого я однако же не вполне согласен, не трудно. Эль-Балхи, следовательно, делит Руссов на три рода или племени; одно племя живет в Киеве, имевшем, как мы здесь видим, значительную торговлю, и величиною превышавшем г. Болгар (Ср. Френа, там же, стр. 157 и Погодина, там же.). Второе племя Селавия живет далеко от первого; под этим разумеются так называемые Нестором Словене, Новгородцы (Ср. Гедеонова, там же, III, Словене и Русь, стр. 31 — 43.). Труднее объяснение имени третьего русского племени и столицы его. Френ (там же, стр. 162 и след.) полагает, что имя это следует читать (***) «Эртсания», и что здесь разумеется мордовское племя Ерзян, жившее на Оке, около Нижнего Новгорода, а отчасти и ныне живущее там. Имя столицы их читает он (***), «Артса» или Эрса и предполагает, что здесь, может быть, разумеется

нынешний город Арзамас, в Нижегородской губернии. Мнение Френа общепринято, но я сомневаюсь в верности его. К товарам, вывозимым из страны «Эрсания», принадлежали черные соболи и свинец; первые, может быть, и были около Оки, что впрочем, не очень-то вероятно; но откуда жители этой страны брали свинец в таком количестве, что могли вывозить его наряду с главными своими вывозными товарами? Племя это описывается здесь вполне недоступным, и земля его, следовательно, неизвестною; может ли все это относиться к странам и людям, непосредственно близким к Волге, так как мы выше (стр. 71 и след.) видели — и ниже докажем это в подробности — что к реке этой ездили, и почти до самых ее источников, Руссы, Болгары, Хозары и восточные купцы? Могло ли побережье столь оживленной реки оставаться до того недоступным и неизвестным? Утверждали, правда, что Болгары с намерением представляли страну эту столь опасной и недоступной, чтоб удерживать восточных купцов от попыток лично проникнуть в эти страны, вследствие чего они, Болгары, лишились бы выгоды от транзитной торговли. Для сравнения можно было бы напомнить о подобной же мере Финикиан, которые также, по возможности, увеличивали опасности и ужасы посещаемых ими отдаленных торговых станций. Но должно заметить, что страны, лежащие около среднего течения Волги, были, как уже сказано, известны восточным купцам и, следовательно, не могли считаться слишком опасными; далее, ведь это столь опасное племя само вывозило свои товары водою, и Болгары, следовательно, не имели в своих руках транзитной его торговли и не имели причины представлять его страну слишком опасною.

Принимая все это в расчет, я полагаю, что здесь идет речь не о мордовском племени Эрзян на Оке, а о Пермьяках и их земле, Биарме, на Каме. Буквы, которые Френ читает «Артсания», можно читать и «Армания», то есть, люди из Арма или племя Арма. Опущение буквы б в начале, конечно, странно, но объясняется довольно просто: за арабским глаголом (***) «самма», называть, имя обыкновенно следует с предлогом (***), б, иногда же оно опускается. Первоначально в источнике стояло: «племя это называлось (***) «Barmanjjh», что произносилось:

«Биармания», то есть, Биармийцы, люди из Биармы; автор или, может быть, переписчик, полагал, что начальное (***) *б*, не принадлежит к имени, но есть просто предлог, который можно и опустить; они и опустили его и таким образом из (***) сделали (***), т. е. из Биармийцев сделали Армийцев (Выше, стр. 58 примеч. 8, мы видели, что даже новейший ориенталист транскрипирует имя города (***) Барайш — «Арайш», потому что он принял букву (***) *б* за предлог, а не принадлежащей к имени). Что эта догадка справедлива, доказательством тому, по моему мнению, может служить следующее: имя столицы означенного племени пишется у различных арабских писателей: (***) «Арба», (***) «Арта» или (***) «Артса»; эта группа букв, как замечено, легко может происходить из (***) «Арма». У эль-Балхи же это имя два раза пишется (***) «Абарка» и третий раз (***) «Арфа»; (***) *ф* и (***) *к*, собственно, не есть вариант, так как этих букв почти нельзя отличать друг от друга в рукописях; последние же четыре буквы, (***) арка или (***) арфа, как и (***) арба, (***) арта и т. д., почти тождественны и происходят от (***) «Арма»; у эль-Балхи, как мы только что сказали, находим еще буквы *аб* в начале слова; следовательно, получим, «абарма». В таком случае легко возможно предположение, что имя это собственно звучит Биарма, Бярма; слог *бя* для Араба представляет почти неодолимые трудности, и они иногда прибавляли так называемый «представной элиф», букву *а*; так например, они пишут «Афлатон» вместо Платон; в данном случае «абарма». Уэль-Балхи, имеющего представной элиф (***) *а*, сохранился и следующая за ним буква (***) *б*. У других же географов, которые пользовались эль-Балхи, но пропустили (***) *а* представной, пропала и следующая за ним буква (***) *б*, принимаемая за простой предлог. И так они писали (***) «арма», которое перешло в (***) «арба», (***) «арта», (***) «арфа» и другие искажения (Арабские географы, например, Абульфедя (стр. ***, trad. стр. 284) и др., которые помещают Руссов на север от Болгара, очевидно, понимали упомянутое место эль-Балхи подобно нам.).

Эдриси упомянув о племени (***) Артсания, говорит о нем, что они как дикие звери живут в лесах и болотах у (северного) океана (См. Fraehn, там же, стр. 143). И из этого показания, кажется, видно, что не следуют искать это племя в близ Волги, а, напротив, на севере от

Болгарии, а именно около Перми. Но так как Эдриси уже не знал, что под искаженным именем Артсания подразумеваются Пермьяки, то у него явилось четвертое славянское, или русское племя, по имени (***), Берассия, тоже не что иное, как искажение имени (***), Берамия, т. е. Биармийцев — Пермьяков, как об этом догадался уже Френ (там же, стр. 172 и след.), не замечая, впрочем, что Артсания и Берассия один и тоже народ.

Итак, по моему твёрдому убеждению, третье племя Руссов не Эрзяне, а Пермьяки, «Beormas» древнего путешественника Отера (около 900 г.), Биармы исландских саг. Народ этот, живший на Каме, имеют очень древнюю культуру и торговые сношения даже со Скандинавией. Чердынь на Колве, иначе «Великия Пермь», когда-то был значительный торговый пункт. Многочисленные курганы около этого города, наполнены восточными монетами, и еще в новейшее время в пермских лесах, на берегу Камы, нашли даже драгоценные памятники греческого искусства, состоящие в сосудах из драгоценных металлов, которые могли быть ввозимы туда только путем торговли (См. Ferd. H. Muller, *Der ugrische Volksstamm*, I, 2, стр. 327 и след., 334 и след. 342 и след., 384 и след.; Карамзина, *Истор. госуд. Росс.* I, стр. 21 и след., II, стр. 24 и след. и прим. 62, и Погодина, там же, III, стр. 272 и след. 297 и след. Некоторые найденные в Перми чаши находятся у нас в Эрмитаже, и г. академик Стефани, который описал их, уверял меня, что они относятся ко II или III веку по Р. Х., и что их вывозили из Византии, так как на оборотной их стороне находятся византийские клейма.). Народ этот, живший по Каме до Уральских гор и занимавшийся торговлею, имел множество черных соболей и вывозил преимущественно свинец из уральских рудников. Что Пермьяки, подобно Японцам, первоначально не пускали иностранцев в свою страну, само по себе очень возможно; ибо, когда они в последствии нарушили этот обычай, то стали подвергаться грабежам со стороны норвежских авантюристов и уже в XI веке, а может быть, и раньше, должны были платить дань Новгородцам (См. Карамзина, там же, II, стр. 24 и след. и примеч. 64). Итак, мы видим, что Несторовские Словене и даже Пермьяки уже с первой половины X века причислялись к Руссам, из чего, по моему мнению, можно и здесь заключить с некоторой достоверностью, что имя Русь не было дано нынешней

России Варягами, но было туземным у нас именем и употреблялось уже очень рано в обширнейшем смысле (См. Гедеонова, там же, стр. 40 и след.).

О прочих здесь сообщенных известиях эль-Балхи я уже говорил выше в разных местах. Здесь нам только следует объяснить три последние предложения эль-Балхи, потому что они часто были неверно поняты.

Эль-Балхи говорит: «Эти Руссы ведут торговлю с Хозарским, Византийским государством и великой Болгарией, и они (т. е. Руссы) граничат с северной стороной византийского государства. Они — народ многочисленный и столь сильны, что налагают дань на соседние с ними провинции этого государства.

Внутренние Болгаре — христиане». Под словом «Великая Болгария» он подразумеваем то же самое, что средневековые путешественники называли «*Bulgaria magna*», т. е. приволжскую Болгарию. Слова же «внутреннее Болгары — Христиане», который мы находим буквально у Истархи и у персидских переводчиков (См. Истахри, стр. 97; Fraehn, *Ibn Foszlan*, стр. 266; Dorn, *Geogr. Caucas.*, стр. 23 и 60 и Мельгунова, там же, стр. 294 и 301), можно относить только к Придунайским Болгарам, которые в самом деле были христиане; это доказано выше (стр. 82 и след.), где так же доказано, что эль-Балхи выражения (***) и (***), т. е. «внутренние» и «внешние» употребляет здесь в противоположном смысле нежели прочие следующие географы. Эти три предложения не поняты позднейшими писателями, перерабатывающими эль-Балхи, как-то: Ибн-Хаукал и Истахри, а потому они текст его переделали и испортили. Позднейшие персидские переводчики сокращенной редакции эль-Балхи удержали эти испорченные места первоначального текста. Ибн-Хаукал разделяет первое предложение неверным образом, ибо начинаешь словами: (***), «и великая Болгария», новое предложение, а именно следующее: (***), т. е. «Великая Болгария граничит» и т. д. Он пропускает (***), «и они», что относится к Руссам, так что все рассказываемое у него далее относится к придунайским Болгарам, а не к Руссам. Напротив того последнее

предложение: «внутренние Болгары — христиане», отнес он к приволжским Болгарам; но так как эти, как известно, были не христиане, а магометане, то он переменял это предложение следующим образом: (***) «между внутренними Болгарами есть христиане и магометане» (См. Fraehn, там же, стр. 66 и Aboulfeda, Geogr. trad. стр. 306, примеч. 1.). Причиною этого недоразумения было вероятно то, что он не понимал терминологии эль-Балхи. Он думал, что «внутренние Болгары» означают приволжских Болгар; под «великою Болгариею» он должен был подразумевать придунайских Болгар, и так как они в самом деле граничили с Византией, то следующее и отнес он к ним.

У Истахри (там же, стр. 97) совсем недостает слов: (***) «эти Руссы ведут торговлю с Хозарией и византийским государством», и следующее предложение начинается у него так: (***)

Это предложение как-то не совсем понятно. Вот буквальный перевод: «Арба (так пишет Истархи вместо Биарма) лежит между Хозарией и Великою Болгариею, гранича к северу с византийским государством и они многочисленны» и т. д. Но по этому переводу недостает местоимение (***) «и они», после слов (***) «великою Болгариею»; Арба, т. е. Биарма, не могла граничить с византийским государством. Если бы начать словами (***) «великая Болгария» новое предложение, как это делает Френ (Ibn Fozzlan, стр. 264), то недостает после (***) «Хозария» — названия другого места, вблизи которого лежала Арба. Рено переводит это место (Aboulfeda, Geogr., trad., стр. 305 и след.): *La situation d'Arba est entre les Khazars et les grands Bulgares. Les Busses d'Arba s'etendent jusqu'aux (anciennes) provinces grecques, et se trouvent au nord par rapport a elles. lis sont nombreux etc.* Но по этому переводу должно бы было, как замечено выше, стоять (***) вместо (***) Арба, под которою и Рено провидит Пермь (ни чем, впрочем не подтверждая этой догадки), не граничит с византийским государством. Мордтманн переводит это место: «Arba liegt zwischen dem Lande der Chazaren und den grossen Bulgaren, welche an die Komer granzen, im Norden derselben. Diese Bulgaren sind zahlreich». Но и это не может быть верно, потому что в таком случае должно было бы стоять (***) или по крайней мере (***) вместо (***)

Из этого ясно, что единственный верный текст может быть только сообщенный нами эль-Балхией; таким образом мы нашли новое известие о значении и месте жительства Руссов в начале 10-го столетия, которое по сие время неверно относили к Болгарам.

Френ сообщает разные показания о торговле Руссов и других приволжских стран по Ибн-Хаукалу; но все почти эти места Ибн-Хаукал взял из эль-Балхи, и мы предпочли сообщить эти показания по подлинному источнику, более полному и верному. Только следующих мест, сообщенных Френом по Ибн-Хаукалу, нет у эль-Балхи, по крайней мере, в буквальном изложении, и я привожу их здесь так, как нашел их у Френа, ибо Ибн-Хаукал еще не издан (По частным, полученным мною из Голландии сведениям, De Goeje занимается теперь изданием этого географа).

В этих дополнительных местах сказано: «Лучшие бобровые меха находятся в земле Руссов, и они продавали их в Болгаре, пока не завоевали сами этого города в 358 (968) г. Часть этих бобровых мехов вывозилась в Ховарезм» (Fraehn, Ibn Fozlan, стр. 66). «Целью торговли Руссов», продолжает Ибн-Хаукал, «был Хазеран (восточная часть города Итиля), где жила большая часть купцов и мусульман, и где находились и товары» (См. Fraehn, там же, стр. 71 и его же De Chazaris, стр. 602, примеч. 73.).

Очень важное показание о товарах, вывозимых из Болгарии, находится у Мукаддеси. Он говорит (>Рукоп. Sprengere Берлине, № 5,а, стр. 157: (***) (= арабскому (***) переведены в словарях словом: куница; вероятно первое слово есть название обыкновенной куницы, а второе лесной куницы.) о Ховарезме, нынешней Хиве, и перечисляет следующие предметы торговли, вывозимые из этой страны: Меха: собольи, беличьи, горностаевые, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые; зайцы, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы зубы, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес (Хелендж, ср. выше, стр. 79, примеч. 26.), славянские невольники, овцы, рогатый скот. Потом он продолжает: «Все эти товары из Болгарии», то есть, все они сперва привозятся оттуда в Ховарезм и потом везутся дальше.

Во-первых, я должен заметить, что большая часть названий приведенных здесь товаров принадлежит персидскому языку, хотя Мукаддеси написал все свое сочинение по-арабски. Из этого обстоятельства я вывожу, что он, сам бывший в Ховарезме, собирал эти показания на месте и записывал так, как ему называли эти предметы. Его показания, следовательно, вполне достоверны.

Все приведенные здесь товары можно разделить на три категории, а именно:

Произведения самой Болгарии. Они разделяются на два разряда: сырьё производит; произведения обрабатывающей промышленности. Товары, ввозимые непосредственно, то есть, те, которые покупались от самих производителей или ввозились последними. Товары ввозные, которые получались чрез посредство других торговцев.

Трудно решить с полною достоверностью, к какой категории принадлежать некоторые из упоминаемых у Мукаддеси товаров; тем не менее мы решаемся сделать попытку такой классификации. Внутренними произведениями Болгарии можно считать те, которые признаются таковыми в наших источниках, и те, о которых мы знаем по другим источникам, что они производились в самой Болгарии; ввозными же товарами можно признать те, которые в самых источниках показываються таковыми, и те, о которых нам известно, что они не производились в Болгарии. К первому разряду первой категории, по нашему мнению, принадлежат:

1 Бобровые меха; их, конечно, привозили как из Руси, так из многих других стран, видели мы выше, но их можно было добывать и на реках болгарских (см. выше, стр. 169).

2 То же должно сказать и о **бобровой струе**, так как бобры водились в земле Болгар.

3 Куниц водилось у них такое множество, что куньи меха, как замечено выше, заменяли у них звонкую монету (см. выше, стр. 24 и след.)

4 Зайцы, то есть, вероятно, заячьи шкуры, так как трудно предположить, чтобы из Болгара в Хиву вывозили живых или мертвых зайцев.

5 **Козьи шкуры**, но в каком именно виде, сафьяна или сырых шкур, это решить мне трудно.

6 **Овцы и рогатый скот**; и здесь, наверное, разумеются шкуры этих животных; по Ибн-Фодлану (См. Fraehn, Die altesten arab. Nachrichten uber die Wolga-Bul-garen, стр. 563 и 575.), подать царю у Болгар состояла из одной бычачьей шкуры с каждого дома; царь, конечно, должен был продавать эту массу шкур; из этого мы видим, что уже тогда в Болгарии много занимались скотоводством.

7 **Орехи**; из Ибн-Фодлана мы знаем, что в его время в Болгарии были целые леса орешнику значительная размера; поэтому орехи и назывались на востоке болгарскими или джузи-болгар, то есть, орехами из Болгара (Fraehn, там же, стр. 542, 562 и 573.).

8 **Крупная рыба**; очень естественно, что вывозили рыбу, как сушеную, так и соленую, из страны, лежащей на берегах столь богатой рыбою Волги.

9 **Березовый лес**; Ибн-Даста, правда, говорит только, что береза встречается в изобилии в земли Бургасов (см. выше, стр. 21), но из других источников мы знаем, что это дерево было обыкновенно и в Болгарии. Казвини сообщает нам причину вывоза этого дерева на Восток. Он говорит ((***)), II, стр. 270; ср. Fraehn, Ibn Foszlan, стр. 252.), что гребенщики в Рее делают из березового дерева очень хорошие гребни и украшают их различною золотой отделкой, и что эти вещи требуются в другие страны для подарков. Кроме того, из березы делали разные инструменты и домашнюю утварь. Из Казвини мы узнаем еще (Там же, стр. 234 и 270.), что на Востоке делают стрелы из березового дерева. Казвини, правда, говорит, что лес этот привозился и из Табаристана. И в выше упомянутом извлечении из Китаб-эль-Болданы Ибн-эль-Факиха (Ms. Spr. в Берлине № 2,а, стр. 421.) говорится, что в дремучих лесах около Барда'а много дубов и берез, которые вывозились в страну Хозар и в Ховарезм; но так как на Востоке употребляли это дерево для разных изделий, то, вероятно, оно вывозилось и из Болгарии, где оно столь обыкновенно.

10 **Рыбьи зубы**. Абу-Хамид эль-Андалуси, сам бывший в Болгарии, рассказывает (У Казвини, там же, II, стр. 413.), что там находили клыки (мамонтов) значительной длины, похожие на слоновые и белые как снег. Они-то, по его словам, и вывозились в Ховарезм, где их продавали по высокой цене: в Ховарезм делали из

них, как из слоновой кости, ножевые черенки и коробочки, которые были даже прочнее сделанных из слоновой кости. Имея в виду эти известии, я предполагаю, что Мукаддеси принимал эти мамонтовые клыки (которых он не называет в числе товаров, вывозимых из Болгара), за рыбы зубы. Впрочем, возможно и то, что тут идет речь о моржовых клыках, которые в Руси были известны под названием рыбьих зубов, ценились очень высоко и были употребляемы для изготовления разных предметов (См. Аристова, Промышленность древней Руси. стр. 4, 29, 179 и 196. Там же, стр. 29, примеч. 71 автор замечает, что по известиям арабских писателей зубы эти привозились из страны Веси в Болгарию и оттуда вывозились в Ховарезм; но это неверно, ибо эти зубы, как замечено выше, были находимы в самой Болгарии, в земле.).

11 Мукаддеси далее упоминает об одном товаре, называемом им «**аюз**». Это персидское «юз» и означает род барса и гончую собаку. По всей вероятности, это слово употреблено здесь в последнем смысле, или имеет еще третье значение, которое в наших лексиконах не находится, так как, сколько известно, барсов в Болгарии не было.

Ко второму разряду первой категории, то есть, к произведениям болгарской обрабатывающей промышленности, могут быть отнесены следующие товары:

1 **Стрелы**, которые, по Казвини, делали из березового дерева; так как в Болгарии было много березы, то очень вероятно, что Болгары занимались приготовлением березовых стрел.

2 **Шапки**, (***) , келанис. Это, по Дози (Dozy, Dictionnaire detaille des noms de vetements chez les Arabes, стр. 365 и след.), шапки, которые носили под чалмой. Они делаются теперь из войлока, да и в древности делались, вероятно, из того же материала. В Болгарии, где большая часть юрт была из войлока, конечно, умели хорошо выделывать его. Впрочем, возможно и то, что здесь разумеются меховые шапки из собольего или куньего меха, которые, как мы видели, носились на Востоке богачами. Впрочем, и сами Болгары носили такие же шапки (Fraehn, Die aeltesten arabischen Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren, стр. 563 и 575).

3 **Белужий клей**; этот товар производился и в богатой рыбами Хозарии (см. выше, стр. 169).

4 **Юфть**; мы видели, что у Болгар было очень развито скотоводство, и что они платили подать царю шкурами; очевидно, они умели хорошо выделывать юфть, так как носили сапоги уже со второй половине X века; юфть поэтому и называлась на востоке болгарскою (См. Fraehn, там же, стр. 542 и 534, прим. 16; Карамзина, Ист. Госуд. Росс. I, 9, стр. 125, изд. Эйнгерлинга, и Савельева, Мухаммед, нумизм., стр. LXXXIV).

Ко второй категории — товарам, непосредственно ввозимым, принадлежали:

1 Из Руси ввозились следующие товары:

Соболи,

мех беличий,

горностаевый,

бобровый

и других зверей; не сказано, чтобы Руссы ввозили куний и лисий мех в Болгарии; вероятно, этого и не было, так как сама Болгария изобиловала куньим мехом, а лучший лисий мех получался из Буртаса;

мед,

воск, (О торговле Новгородцев с воском см. Погодина, Исслед. VII, стр. 315 и след.)

славянские невольники,

мечи. Ибн-Хордадбех говорит именно, что Руссы привозили мечи в Константинополь; если они были такого достоинства, что раскупались даже в этой столице, то, конечно, находили себе покупателей и в Болгаре. Я не могу решить, были ли эти мечи изделием самих Руссов, или же покупались ими где-нибудь на Западе и потом вывозились дальше. Из Нестора мы знаем, что Киевляне платили Хозарам дань мечами. Выше мы также видели, что Руссы были большими любителями хороших мечей, и Ибн-Даста также говорит, что они имели прекрасные мечи (ниже, § 7; ср. ниже, прим. 104). Из этого писателя мы видим и узнаем, что владетель лучшего меча у Руссов всегда имел право на своей стороне, в случае спорных дел. Народ, у которого меч имел такое практическое значение, вероятно, умели делать его (См. Krug, Forschungen, II, стр. 510.). Разумеется, что для этого необходимы некоторые предварительные познания. Мы впрочем, увидим ниже, что Болгары вывозили из мусульманских стран известный род клинков и продавали их дальше

на севере. Противоречие с показанием Мукаддеси о том, что они вывозили мечи на восток, мы попытаемся разъяснить ниже.

2 Из земли Бургасов ввозились:

Лисий мех, лучший сорт которого находился у них;

куний мех, который они добывали в огромном количестве;

мед, составлявший одно из важнейших произведений их страны (См. выше, стр. 21, § 5 и ср. стр. 72 и след.) и

воск; но воск нигде не указывается особо, но так как Бургасы имели много меду, то, конечно, должны были иметь и много воску.

3 Из земли Веси также ввозились в Болгарию **разные меховые товары**, как-то: меха соболий, бобровый и беличий (Якут, I, стр. 113, s. v.***, Итиль; ср. Fraehn, Ibn Foslan, стр. 208 и след.). Из Якута мы узнаем, что для закупки этих товаров купцы отправлялись в страну Веси, обыкновенно, водою по Волге. Казвини (там же, II, стр. 416; ср. I, стр. 141 и Fraehn, там же, стр. 210 и ниже, стр. 188 и след.) сообщает, что Болгары вели с Весью торговлю немую, то есть, клали товары на известное место, обозначали их знаками, которыми они указывали на цены, и отходили; потом возвращались и находили разные предметы, оставляемые Весью в виде меновой цены за товары; если Болгары оставались довольны этой ценой, то брали себе желаемые предметы, в противном же случае оставляли их и брали назад свои товары (Подобная безмолвная меновая торговля, по Казвини (I, с, II, стр. 416) существовала и в Судане в южной Африке. Геродот. (IV, гл. 196) также рассказывает о такой торговле Карсагенян с одним из племен западного берега Африки; ср. ниже, стр. 189, прим. е, Место из Нестора.). Из Абу-Хамида эль-Андалуси (У Казвини, там же, II, стр. 413 и 416.) мы впрочем узнаем, что Весь иногда и сами приходили в Болгар; но их не пускали в самый город под тем предлогом, что они приносят холод в страну. Истинная же причина, вероятно, заключалась в том, что Болгары не хотели, чтоб иностранные купцы, приходящие в их город, узнали, за какую ничтожную цену они покупали от Веси меховые товары, продаваемые потом за высокую цену.

4 Из Перми, ввозились черные соболи; Болгары не ходили к Пермьякам, но последние сами возили свой товар в Болгар водою.

К третьей категории — товарам, ввозимым в Болгар чрез посредство других торговцев, принадлежали:

1 **Янтарь**, которые мог быть привозим только из Прибалтийского края. Не сказано, каким образом этот товар попадал в Болгар. Сами Болгары вряд ли пробирались до Балтийского моря, ибо их путешествия к Веси — если только они проникали к ним — были кажется самыми дальними поездками их на запад. Я думаю, что роль посредников здесь играли Руссы из Новгорода, которые, стало быть, уже в X веке, возили свои товары в страны около средней Волги.

2 **Кольчуги**; Ибн-Даста рассказывает, что Болгары носили кольчуги; тоже рассказывает он, а также и Масуди, и о Хозарах. Но ведь известно, что уже парфянские всадники имели отличные кольчуги. Следовательно, приготовление их на Востоке должно быть очень древним. Поэтому невероятно, чтобы приготовляемые в Болгаре кольчуги — если только их вообще делали там — превосходили восточные в такой степени, что даже вывозились на восток; ибо если Болгары и не были прямо варварами, то во всяком случае, они не были и очень искусными промышленниками, и произведения их никак не могли превосходить изделий цивилизованного восточного народа. Поэтому я полагаю, что такие кольчуги ввозились в Болгар с далекого запада и оттуда, в свою очередь шли на восток. Посредниками и здесь, вероятно, служили Норманны или Руссы.

У позднейших арабских писателей находится очень мало известий о торговле приволжских стран, и притом мы частые уже привели их выше по разным поводам. Так Ибн-эль-Атсир, который писал в первой половине 13-го столетия, упоминает так же о меховой торговле, производимой в его время приволжскими народами с лежащими на Востоке странами. Он описывает вторжение Татар в Кипчак и Россию, как и удаление их в конце 620 (1223) года. Потом он замечает ((***), ч. XII, стр. ***.): во время нашествия Татар прекратилась торговля, и из этих стран более не привозили ни черных лисиц, ни блох, ни бобровых шкур, и никаких других товаров, которые обыкновенно были привозимы из этих стран. Когда Татары удалились, большие дороги опять оживились купцами и опять начали доставлять товары из тех стран на Восток.

Казвини сообщает (II, стр. 416), вероятно по рассказу Абу-Хамида эль-Андалуси (Другое известие, которое Казвини здесь приводит о Веси, сообщение он в другом месте (II, стр. 415) от имени Абу-Хамида; поэтому я полагаю, что и известие о нешой торговле с Весью также заимствовано от Абу-Хамида), известие о немом меновом торге Болгар с Весью, места жительства которых он, однако же, не означает; он говорит только, что земля Веси находилась на три месяца пути за Болгарией. Предметы этой немой меновой торговли Казвини не означает. Якут же говорит, что купцы отправляются к Веси на кораблях по Волги и покупают у неё разные меховые товары; о немой меновой торговле Якут, однако же, не говорит. Место, где находилась земля Веси, он определяет теми же словами, как Казвини (См. Якута, I, стр. *** s. v. *** и стр. ***; ср. Fraehn, Ibn Foszlan, стр. 206 и след.). Абуль-Феда (Geog., texte, стр. 201 и след., trad., стр. 284.) также приводит это известие о немом меновом торги, от имени человека, посветившего эти страны; при этом он однако же не называет те народов, которые вели такую торговлю, и только говорит, что она производится на крайнем севере, и именно на берегу северного моря, на север от земли Руссов, которая, по его мнению, лежала на севере от Болгарии. Как предметы, получаемые от этого северного народа, он означает меха собольи, лисьи и рысьи. Согласно с Абульфедей, и Ибн-Батута помещает (II, стр. 399 и след.) место немой меновой торговли махами на севере, в сорокадневном пути от Болгарии, куда отправлялись из Болгара в санях, запряженных собаками. Френ (Там же, стр. 229 и след.) находит, что эти известия противоречат одно другому, и, что в рассказах двух только что приведенных арабских писателей есть противоречие против его отождествления Вису Арабов с Весью Нестора, которая обитала у Белого Озера. Я полагаю, что эти различные известия можно объяснить следующим образом: Арабские писатели, кажется, смешали здесь Весь с Югрою или же считали их за один народ (См. Казвини, II, стр. *** и ср. Fraehn, там же, стр. 211, примечание.). Арабы знали, что Болгары вели на самом севере с Югрою немую торговлю, причем они меняли мех на острые железные товары. Об этом известии слышал частью и Нестор (См. Карамзина, там же, II, прим. 62, стр. 28 и след. изд. Эйнегрлинга, и Погодина, Исслед. III, стр. 273 и след., где указано на сходство рассказа Арабов и Нестора о немой торговле на севере.). Арабы также знали, что Болгары плавали на своих судах по

Волге, чтобы торговать с Весью у Белого Озера, и доставали от нее мех. Но так как арабские географы принимали Каму за продолжения Волги, что доказано выше (стр. 72), то они и полагали, что Весь обитала у истока Камы, и смешивали ее с Югрою, или думали, что это один и тот же народ. Ибн-Батута говорит впрочем, о зимних поездках, то есть, в такое время, когда обыкновенный путь к Веси, по Волге, означенный Якутом, был не доступен для плавания.

Абу-Хамид эль-Андалуси говорит о торговле Болгар простыми необделанными клинками, которые Болгары покупали в исламских владениях и возили к северному племени «Юра», то есть, Югре, платившему за них высокую цену. Употребление этих мечей народом Югорским баснословно. Они бросают, говорится у Абу-Хамида, один такой меч в море; выплывает из него большая рыба, преследуемая еще большей, которая попадает в мелкое место и не может больше двигаться. Тогда Югры в лодках приближаются к ней и упомянутыми клинками вырезают больше куски мяса из этой рыбы. Это мясо они съедают и часто наполняют им целые дома, вероятно, ямы. Если же не бросают в море такого меча, то большая рыба не является, и у них бывает голод. Основание этой басни, по моему мнению, заключается в том, что здесь идет речь не о мечах, а о гарпунах, которые употреблял Югорский народ при ловле китов, или может быть, рыбы вообще. Тем и объясняется странное явление, что Болгары вывозили мечи в страны исламские, и сами получали их оттуда. Они именно вывозили хорошие мечи, получаемые от Руссов, а ввозили гарпуны.

Кади Шихаб-эд-Дин эль-Омари, писавший в первой половине XIV века, сообщает нам известие, по Шейху Ала-эд-Дин бен Номан из Ховарезма, что чужеземные купцы доходят только до Болгар; болгарские же купцы доходили до Югры, с которою они имели торговый сношения (См. *Notices et extraits des manuscrits*, ч. XIII, стр. 284 и след. Ср. *ibid.* стр. 277 и след., где говорится о астрономических наблюдениях, сделанных болгарским ученым, в местности, лежавшей около 700 верст на севере от Болгара).

Многочисленные мусульманские монеты, находимые у нас и в соседних западных владениях, были до сих пор немymi свидетелями

живых сношении этих стран с Востоком. То, на что указывали эти немые свидетели, значительно подтверждается и объясняется собранными здесь свидетельствами мусульманских писателей. Завеса, скрывающая судьбы народов северо-восточной Европы от VI до IX века, мало помалу падает, и мы замечаем там удивительную деятельность и предприимчивость, достойную подражанию и в наше время. Нашим взорам представляется огромная страна, производящая самые разнообразные сырые продукты и населенная разнообразнейшими народностями, стоящими на различной степени развитая. Двигателям этой деятельности приходится преодолевать чрезвычайные препятствия — неудобство путей сообщений, страшный холод непроходимые леса и болота, нападения разбойников. Мудрость природы устроила таким образом, что почти ни один народ, даже стоящий на самой низкой степени, не может довольствоваться исключительно произведениями своей страны, и самые разнообразные народы, поэтому должны были находиться постоянно в мирных сношениях друг с другом, чтобы меняться излишком своих местных произведения и удовлетворять обоюдным нуждам. Последствием таких мирных столкновения различных народов и рас всегда были изобилие, богатство и образование, между тем как за столкновениями боевыми всегда следовали бедствия, разорение и упадок просвещения. Так как эти мирные столкновения столь необходимы и благодатны, они всегда должны были иметь место, и без сомнения, они существовали и в древнейшие времена, что относительно восточной Европы видно уже из известии Геродота. Позже, по крайней мере V века по Р. Х., представляется там замечательное зрелище: кроме наших болот и непроходимых лесов, мы получили от природы прекрасные, величественные судоходные реки. Поэтому уже рано явились у нас смелые, искусные и предприимчивые Норманны; приходили они морем, на котором они чувствовали себя, как дома; по всей вероятности, они поднимались по нашей прекрасной Неве, переходили в Ладожское озеро, оттуда в Волхов и проникали к Новгородцам. Там Норманны обменивали свои товары, состоявшие, вероятно, из металлических изделий, на меха, которые вывозили на юг Европы. В последствие мы видим, что купцы из Бухары и соседних стран и южного побережья Каспийского моря приходят в приволжские страны, объезжают Черное и Азовское моря, проникают даже до среднего

течения Днепра, продавая везде произведения своей родины и собирая произведения посвящаемых ими стран, чтобы перевезти их в отдаленные страны Мира. Норманны, Новгородцы и Руссы-Киевляне участвовали в весьма значительной торговле. Одни спускались по Волге и доходили до Болгарии и Хозарии, а иногда, чрез Каспийское море, до южного побережья его, Ховарезма, Бухары и даже до Багдада; повсюду привозили они произведения как своей, так и западных соседних стран. Другие оживляли судами своими Черное море, добирались до Константинополя, меняли там свои товары на произведения Византийского государства, и часть их ввозили по Азовскому морю, Дону и Волге в Болгарию и Хозарию. Наконец, и Болгары не были праздными зрителями этой деятельности. Они ходили на запад, по Волге до Веси, на север проникали к Югре, может быть, до самого Ледовитого моря, на юг ходили до Киева, везде собирая туземные произведения, и продавая восточные. То, что они закупами на западе, севере и юге, равно как и собственный свои произведения, они возили по тому же пути, по которому ходили Руссы на восток, — покупали произведения тамошней промышленности, и эти последние опять меняли на сырые продукты в вышеупомянутых странах. Также поступали и Хозары, хотя может быть, и в меньшей мере.

Последствием этих сношений были всеобщая благодать, богатство, довольство и процветание, столь прекрасно описываемые в письме хозарского царя. Но не только материальные, но и духовные достояния — они же драгоценнейшие и священнейшие — процветали и достигали относительно высокой степени развит, на сколько оно вообще возможно у народов Алтайской расы, которые вообще способны только принимать идеи, но не производить их. Язычество мало помалу вытеснялось монотеистическими религиями с более или менее высокими нравственными принципами. Строили храмы, основывали школы, распространяли образование. Выработывались государственные принципы и осуществлялись на деле даже начала справедливости, равноправности всех национальностей и величайшей религиозной терпимости. Все это было последствием мирных сношений с иностранными народами, сношений, которые всегда сопровождаются плодоносным обменом идей и охраняют каждый

отдельный народ от неподвижности и косности. Кто знает, какой степени процветания и культуры достигли бы эти народы, если бы не нападали на них мужи меча, уничтожавшие государства и разорявшие города их, так что жители их разбрелись во все стороны, а мирные торговые сношения народов подверглись смертельному удару. Только нашему времени предстоит возобновление этих сношений и возвращение Востоку того духовного благосостояния, которое мы когда-то получали оттуда, и которое уничтожили наши предки. Постараемся же перенести туда образование и цивилизацию, не ограничивая свою деятельность одним расчётом на материальную выгоду.

§ 5.

99. Это показание, по-видимому, противоречит другим известиям мусульманских писателей, которые описывают Руссов очень неопрятными; но такое противоречие очень просто объясняется следующим обстоятельством: Руссы в Итиле имели то несчастье, что за ними наблюдал строгий мусульманин, который, по своим религиозным предписаниям, должен был ежедневно исполнять несколько омовений. Этот мусульманин, то есть, Ибн-Фодлан, со своими своеобразными понятиями о чистоте, опорочил Руссов, будто они самые неопрятные люди во всем шире. К счастью, до нас дошли его собственные слова об этом предмете, и мы, по крайней мере, можем хорошо знать, что именно он говорил и в чем состояла неопрятность древних Руссов, тогда как позднейшие арабские писатели, пользовавшиеся Ибн-Фодланом, просто без всяких объяснения говорят, что Руссы самая нечистая тварь Бояая. Ибн-Фодлан (у Френа, стр. 5) говорит о Руссах так: «Они самые нечистые люди, которых сотворил Бог; они не очищают себя (то есть, не совершают омовения) после испражнения и не моются после ночного осквернения». В этих обоих случаях мусульманам предписываются омовения тела, чего, конечно, не делали Руссы. В другом месте (стр. 7) Ибн-Фодлан рассказывает, что по утрам Руссы мылись самою грязною водою. Для точного понимания этих слов не следует забывать, что мусульманин считает осквернённую воду колодца, коль скоро в нее попадет что-либо нечистое, как-то мертвый воробей или экскременты,

хотя бы и птичьей; в таком случае считается необходимым вычерпать всю воду из колодца, и только после этого очищения мусульманин станет употреблять свежую воду его для своих омовений. Поэтому вода, которою мылись Руссы, собственно говоря, могла быть и чиста, но мусульмане могли считать ее крайне нечистою. Руссы, продолжает Ибн-Фодлан, вычесываются гребнем в умывальник, плюют и сморкаются в него, и притом в одном и том же умывальнике моются многие лица. Все эти вещи, неслыханные у мусульман, но обыкновенные для Европейца. Ибн-Фодлан не говорит, впрочем, что все Руссы мылись одною и тою же грязною водой, хотя он не говорит прямо и о возобновлении воды после омовения каждого. Если бы Ибн-Даста смотрел на Руссов с точки зрения мусульман, имея в виду обычные омовения последних, то и он, наверное, описал бы их так же, как и Ибн-Фодлан. Но Ибн-Даста обратил внимание только на внешний вид Руссов и нашел, что они одеты изящно и опрятно.

100. Ибн-Фодлан (стр. 5) говорит только о браслетах, носимых русскими женщинами.

101. Уже Иорнанд (*De reb. Get.*, гл. 3) говорит о «Sue-thans»: «*Hi, quum inopes vivunt, ditissime vestiuntur*». Разве поэтому необходимо принимать Ибн-Дастовых изящно одетых Руссов непременно за Норманнов? Я думаю, что нет; ибо мало образованные народы всегда обращают большое внимание на внешний вид и ребяческие украшения.

102. О многих городах Руссов, часть которых лежала на Днепре и Черном море, говорят Эдриси (II, стр. 390 и 433) и Абульфед (Geogr., стр. 320) (ср. Fraehn, *Ibn Foszlan*, стр. 32 и след. и Гаммера, там же, стр. 38 и 101).

§ 6.

103. Что сказанное здесь составляет замечательную черту характера славянских Руссов, в том может убедиться всякий приезжающий к нам чужестранец, хотя в новейшее время стали

подрывать и эту прекрасную национальную добродетель. Но, может быть, эти показания Ибн-Даста также относятся и к Норманнам.

§ 7.

104. Под выражением «соломоновы мечи», мусульмане обыкновенно разумели мечи, кованные гениями для царя Соломона; о таких здесь, конечно, не может быть речи. Поэтому я полагал бы, что под именем «соломоновы» скрывается имя местности или страны, к которой эти мечи имеют какое-либо отношение, и это, по-видимому, верно. Известный арабский философ и полиграф IX века, Якуб бен Исхак эль-Кинди, написал сочинение под заглавием: «О различных родах мечей и железе хороших клинков и о местностях, по которым они называются» (См, Fluegel, Al Kindi, genannt des Philosoph der Araber стр. 33, № 234, в Abhandlungen fuer die Kunde des Morgenlandes немецкого общества ориенталистов, ч. I, № 2.). Это сочинение или извлечение из него поместил арабский писатель XIII века, Мослим бен Махмуд эш-Шейфери, в одно свое сочинение, рукопись которого находится в Лейдене. Извлечение из этого сочинения эль-Кинди сообщает Гаммер в Journ. Asiat. (1854, л. III, стр. 66 — 80) по Лейденской рукописи. Здесь (стр. 75) говорится о сулейманских (соломоновых) мечях, по переводу Гаммера, следующее: *Ce sont celles, dont le fer est apporte de la terre de Selman en Khorassan et forge dans la derniere province.* Гаммер полагает (стр. 70, ср. там же, прим. 1), и очевидно справедливо, что название «сулейманских мечей» по приведенному месту, есть искажение только вместо «сельманских». Но из этого места нельзя еще выводить, что сулейманские или вернее, сельманские мечи Руссов привозились с востока, что противоречило бы вышеприведенному месту Ибн-Хордадбега, (стр. 159), по которому мечи составляли товар, вывозимый из земли Руссов; может быть, Ибн-Даста называл мечи Руссов сулейманскими только потому, что они походили на вышеупомянутые сулеймановы мечи. Описание их по переводу Гаммера (стр. 77) таково: *«Leur fer est celui des lames franques — эти мечи описываются на предыдущей странице — elles sont seulement plus petites et plus polies, et de fabrique arabe. Les deux extremités (le commencement et la fin) sont egales sans etre perfo-rees; elles n'ont ni figures, ni croix. La partie inferieure, qui se met dans le*

manche (seilan), ressemble aux «seilans» des lames du Yemen — которые также описываются на стр. 73 и след. — **Il en est de tête de lames franques**». Из этого видно, что так называемые «сулеймановы мечи» походили на франкские. По Ибн-Фодлану, мечи Руссов были широки, волнообразно отточены и, действительно, франкской работы. Следующие за тем слова Ибн-Фодлана, в которых говорится о нарисованных деревьях и фигурах, по моему мнению, относятся не к мечам Руссов, как полагает Френ, а к самим Руссам, чем выражено только то, что Руссы носили платья узористые с большими изображениями цветов (Ср. Fraehn, Ibn Foszlán, стр. 77. Ни скандинавские, ни древнерусские мечи не были украшены фигурами или рисунками; см. Котляревского, там же, стр. 021). Французские мечи в среднее века были очень ценимы на севере Европы (ср. Krug, Forschungen, стр. 510 и след. и Котляревского, о погребальных обычаях языческих Славян, стр. 120 и след.).

§ 8.

105. Это показание сообщает и Якут от имени Мукаддеси, но в следующем сокращенном виде: «Когда царь их порешит дело между двумя противниками, и они недовольны решением, он им говорит: сами судите себя мечами, чей меч острее, тому (принадлежит) победа» (см. Fraehn, Ibn Foszlán, стр. 3). Об этом показании говорит Круг, Forschungen, стр. 498 — 507.

§ 9.

106. Эти врачи, очевидно, были жрецы, бывшие вместе, с тем и волхвами, и кудесниками, ибо жречество, гадание и род медицины, которую скорее можно было бы назвать родом волшебства, и ныне еще соединяются у большей части нецивилизованных языческих народов. Показание это во многих отношениях важно. Мы узнаем из него, каким влиятельным положением пользовались жрецы у языческих Руссов. Далее мы узнаем из него, что приношения в жертву людей были нередки, чем подтверждается положительное показание Льва Диакона и Нестора о человеческом жертвоприношении у древних Руссов (см. Погодина, Исслед. III, стр. 303, №9 и стр. 316 и след.) О

славянских жрецах вообще и их влияний на народ, см. Карамзина, там же, I, 3, стр. 58 и след., 151 и примеч. 226, издан. Эйнгерл. Мнение г. Котляревского (там же, стр. 33 и след.), о том, что «повешение и удушение было обыкновенным способом принесения жертвы», подтверждается и нашим показанием.

§10.

[107](#). Тоже говорит о Руссах и Иби-Фодлан (стр. 5; ср. Krug, там же, стр. 509 и Котляревского, там же, стр. 019).

[108](#). И это показание вполне достоверно, ибо только со времени Святослава Руссы начали сражаться на коне (см. Leo. Diacon. hist. IX, 1. стр. 142 и ср. Погодина, Извлед. III, стр. 240). Вообще замечательно явление, что народы, в стране которых лошади первоначально не водились, освоившись, наконец, с этим животным, прежде запрягали его и только в последствии начинали употреблять его для верховой езды. Это видно, например, в Египте (там в древние времена лошади были неизвестны), Сирии, Малой Азии, Греции и в некоторых других странах. Не следует, однако думать, чтобы только степь или равнина могла образовать всадников, и необходимо превращали человека в кентавра. Земля мифических кентавров, изобиловавшая лошадьми, имела и лучшую конницу древности (см. Геродота, VII, гл. 196; Поливия, IV, 8, 10 и Павзан., X, 1, 2). Обращаю особенное внимание на этот предмета с тою целью, чтоб из того обстоятельства, что Ибн-Дастовы Руссы не были всадниками, не вывели прямого заключения, что они непременно были Норманнами, тогда как славянские Руссы, жители равнины непременно должны были бы быть всадниками. Повторяю, существование или не существование конницы в известной стране не зависит исключительно от формы почвы, на которой живет народ.

§ 12.

[109](#). И Ибн-Фодлан говорит (стр. 5), что Руссы всегда выходят вооруженными.

[110](#). Ср. Погодина, Исслед. III, стр. 458 и след.

§ 13.

[111](#). По-арабски (***) «бейт-вас'и»; (***) «бейт» иногда значит и храм; здесь, однако же, наверное, это слово не имеет такого значения. Кремер сообщает (*Sitzungsbericlite der Wiener Akademie*, 1850, стр. 210 и след.) одно место из неизданного еще сочинения Масуди, в котором, по его переводу, о Борджанах, то есть, Придунайских Болгарах говорится: «Борджане имеют большой храм; если кто умрет, они заключают его в нем, и с ним жену и рабов, и они остаются там, пока не умрут с голода». Сходство этого показания с Ибн-Дастовым очевидно, и г. Котляревский (там же, стр. 59 и след.) справедливо удивляется этому храму, в котором будто бы заключали покойника с женой и рабами. Я не сомневаюсь в том, что здесь речь идет не о храме, но о покое, и что Кремер, вероятно неверно понял слово (***) «бейт» арабского подлинника.

[112](#). Ср. выше, стр. 194, примечание 100.

[113](#). Руссы, которых видел Ибн-Фодлан, клали во временную могилу покойника, которого в последствии сжигали, только хмельные напитки, плоды и лютню. Но это была только временная могила (ср. *Fraehn, Ibn-Foszlan*, стр. 15).

[114](#). И это показание о погребальных обрядах Руссов я сообщил г. Котляревскому, который разбирает его в вышеупомянутой своей книге и считает вполне достоверным (см. Котляревского, там же, стр. 55 и след.).

Г. Гедеонов в своем вышеупомянутом сочинении «О варяжском вопросе», X, стр. 88, примеч. 1, приводит одно место из Оддура Мунка (умер около 1210 г.), в котором говорится: «*Quod lex in Suecia esset, uxorem, si marito superviveret, una cum illo condi tumulo oportere*», и замечает притом, «что это не имеет исторического значения для Норманнов X века; в нем виден, если не чистый вымысел, то отголосок древнейшей эпохи». Как бы то ни было, относятся ли

известия Ибн-Даста к славянским или норманнским Руссам — решение этого вопроса я предоставляю специалистам — во всяком случае мы видим из них, что приведенное показание Оддура Мунка не выдумано, и что его нельзя отнести исключительно к древнейшей эпохе.

